

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.

Құрметті оқырмандар!

Сіздердің назарларыңызға «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының кезекті нөмерін ұсынамыз.

Біз осы нөмерді Қытай Халық Республикасы мен Қазақстан Республикасы арасындағы дипломатиялық қарым-қатынасының 20 жылдығына арнадық. Журналда Қытайға, екі ел арасындағы қарым-қатынасқа арналған қазақстандық және шетелдік ғалымдар мен сарапшылардың еңбектері жарияланған.

Қытай мен Қазақстан саяси серіктес бола отырып, қауіпсіздік, өнеркәсіп және энергетика, ғылым, мәдениет сияқты ынтымақтасудың барлық салаларында өзара әрекеттесудің үлкен мүмкіншілігін иеленген.

«Ғылыми семинарлар» айдарында Қазақстан мен Қытай арасындағы дипломатиялық қарым-қатынасқа арналған Астанада 2011 жылы 9 желтоқсанда өткізілген «дөңгелек үстел» туралы оқуға болады.

Қазақстан Республикасындағы Қытай Халық Республикасының Елшілігіне ынтымақтастық үшін алғыс білдере отырып, оның әрі қарай дамуына сенімдіміз!

2011 жылдың 16 қыркүйегінде Ақтауда (Қазақстан) Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты, ИнфоРос ақпараттық агенттігі және «Александр Князев қоғамдық қоры» ұйымдастыруымен «**Каспийдегі халықаралық ынтымақтастық парадигмалары**» атты халықаралық конференция өтті.

Каспий теңізі акваториясындағы халықаралық ынтымақтастық мәселесі талқылаудың басты тақырыбы болды. Конференция мақсаты мен міндеті – сараптамалық қауымдастық көмегімен Каспий аймағы елдерінің қауіпсіздігін қамтамасыз ету және ынтымақтастығын кеңейту жөнінде қажетті іс-шаралардың анағұрлым өзекті бағыттарын анықтау. Конференция материалдары осы нөмерде ұсынылған.

Ресей Ғылым академиясының Шығыстану институты Орталық Азия, Кавказ және Орал-Повольжье зерттеу орталығының аймақтық бағдарламалар координаторы, тарих ғылымдарының докторы *Князев Александр Алексеевич мырзаға* табысты ынтымақтастық үшін үлкен алғыс білдіреміз!

*Құрметпен,
Журналдың баспагері,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагөз Исламқызы*

*Журналдың бас редакторы,
саясаттану ғылымдарының докторы
Кожирова Светлана Басейқызы*

Dear readers!

We offer you a new issue of the journal «**International Research. Society. Politics. Economics**». Magazine is dedicated to the 20th anniversary of the diplomatic relations between the People's Republic of China and Republic of Kazakhstan. It includes the works of Kazakhstan's and foreign scientists and experts devoted to China, and the relations between the countries.

Kazakhstan and China are the political partners and have great potential for all-round cooperation in security, manufacturing industry and energetics, science and culture.

The special chapter «*Scientific seminars*» describes a roundtable on the diplomatic relations between Kazakhstan and China held in Astana last December 9.

We value the contribution of the Embassy of the People's Republic of China and hope for further development of cooperation.

An international conference themed «**Paradigm of international cooperation of the Caspian Sea littoral states**», initiated by the Institute for Social and Political Research, InfoRos Information Agency and Alexander Knyazev Public Foundation, took place on September 16, 2011. It focused on international cooperation of the Caspian littoral states. The conference was purposed to indicate the guidelines for actions to broaden cooperation and ensure security in the Caspian region.

We would like to express our sincere gratitude and appreciation to *Alexander Knyazev*, Doctor of Historical Sciences, and coordinator of the regional programs, Centre for Central Asia, the Caucasus and Urals-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences for fruitful cooperation.

Sincerely yours,
Rakisheva Botagoz,
Candidate of Sociological Sciences,
Magazine publisher

Kozhirova Svetlana,
Doctor of Political Sciences,
Editor-in-Chief

Дорогие читатели!

Предлагаем вашему вниманию очередной номер журнала «**Международные исследования. Общество. Политика. Экономика**».

Мы посвятили этот номер 20-летию со дня заключения дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан. В журнале опубликованы работы казахстанских и зарубежных ученых и экспертов, которые посвящены Китаю, отношениям между странами.

Казахстан и Китай являются политическими партнерами и имеют огромный потенциал взаимодействия во всех сферах сотрудничества – безопасности, промышленности и энергетики, науки и культуры.

В рубрике «*Научные семинары*» можно прочитать о проведении 9 декабря 2011 г. в Астане «круглого стола», посвященного дипломатическим отношениям между Казахстаном и Китаем.

Благодарим посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан за сотрудничество и надеемся на его дальнейшее развитие!

16 сентября 2011 года в г. Актау (Казахстан) прошла международная конференция «**Парадигмы международного сотрудничества на Каспии**», организованная Институтом социально-политических исследований, Информационным агентством ИнфоРос и «Общественным фондом Александра Князева». Главной темой обсуждений являлся вопрос международного сотрудничества в акватории Каспийского моря. Цель и задача конференции состояли в том, чтобы из всего обилия тематики силами экспертного сообщества определить наиболее актуальные направления необходимой деятельности по расширению сотрудничества и обеспечению безопасности стран каспийского региона. Материалы конференции представлены также в этом номере.

Выражаем свою признательность и благодарность *Князеву Александру Алексеевичу*, доктору исторических наук, координатору региональных программ Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук за плодотворное сотрудничество!

*С уважением,
Ракишева Ботагоз Ислямовна,
кандидат социологических наук,
Издатель журнала*

*Кожирова Светлана Басейовна,
доктор политических наук,
Главный редактор журнала*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

**Халықаралық ғылыми-сараптамалық
және ақпараттық журнал**

Бастырушы:

Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты
тарапынан шығарылады (Қазақстан)

Бас редактор:

Кожирова Светлана,
саяси ғылымдарының докторы

Бас редактордың орынбасары:

Руднева Евгения, әлеуметтану магистрі

Дизайнер:

Исмұхамбетова Ботагоз

Корректор:

Әдіханова Венера

Аударма:

Темірғалиева Арайлым (ағыл.)
Жолдыбалина Алуа (қаз.)

Редакция алқасы:

Ахметжанова Наиля, агрономия магистрі

Бикенов Асылхан,

тарих ғылымдарының кандидаты

Емишева Гүлден, әлеуметтану магистрі

Жолдыбалина Алуа, Ph.D докторы

Калмыков Сергей,

философия ғылымдарының кандидаты

Мәжитова Айнұр, әлеуметтану магистрі

Сәдуақасова Айгүл,

әлеуметтану ғылымдарының докторы

Селиверстов Сергей,

тарих ғылымдарының кандидаты

Шалова Гүлден, әлеуметтану магистрі

Қаржылық-әкімшілік бөлімі:

Жанбурчинова Дамиля, әлеуметтану магистрі

Негізгі серіктес:

Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер
институты ЦЕССИ-Қазақстан

Журнал жылына 4 рет басылып шығады.

Редакцияның мекен-жайы:

000001, Астана, Абай даңғылы 86 (30), 1 кеңсе.

Телефондары: 457 002, 457 003

Электрондық адрес: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz

Сайт: www.ispr.kz

Басуға 15 желтоқсан 2011 жылы қол
қойылды. Пішімі 170x260 мм.

Таралымы: 1000 дана

«Жарқын Ко» ЖШС баспаханасында басылған.

Жазылу индексі: 74270

ISSN 2224-0276

Журнал Ақпарат және мұрағат комитеті мен
Қазақстан Республикасы Мәдениет
және ақпарат министрлігінде тіркелген
№ 10291- Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.

Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дереккөздер көрсетілуі тиіс.

МАЗМҰНЫ

Редакциядан.....3

Қазақстан

КОШАНОВА С.Е.

Конфуций институты – Қазақстан мен
Қытай арасындағы достық көпірі 15

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Ұйғыр ортасындағы әлеуметтік-саяси
жағдай 18

Қытай

ЛИ СИН

Орталық Еуразия және энергетика
саласындағы Қытай саясаты 30

Үндістан

СВАРАН СИНГХ

Қытай мен Үндістанның экономикалық
ынтымақтастығын шектеу 37

АҚШ

СЕБАСТЬЯН ПЕЙРУЗ

Сепаратизммен бетпе-бет: Еуроодақ,
Орталық Азия және ұйғыр мәселесі 50

Ресей

ПАРАМОНОВ В.В., СТРОКОВ А.В.

Еуразия орталығындағы Қытай
айдаһары және Ресейдің тарихи
миссиясы..... 60

ПОЛЕТАЕВ Д.В.

Ресейдің Қиыр Шығысындағы қытай
мигранттары. Зерттеу тәжірибесі 65

Пікір

ҚАЗЫБЕК ШАЙХ

Қытай мен Қазақстан арасындағы
қарым-қатынастың келешегі 72

ҚОСНАЗАРОВ Д.

Аспан асты аспаны аясында
бірігу. Еуразиялық Одақтың
институциолануындағы Пекиннің
рөлі мен мүмкін қытайлық ықпалды
анықтау 76

**«КАСПИЙДЕГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ПАРАДИГМАЛАРЫ»
халықаралық конференция материалдары, Ақтау, 16 қыркүйек 2011 жыл**

КНЯЗЕВ А.А.

«Каспийдегі халықаралық ынтымақтастық парадигмалары» халықаралық конференциясы туралы..... 80

АХЛЮСТИН В.А.

Каспийде трансұлттық корпорациялар туралы халықаралық құқықтық нормаларды пайдалану келешегі 82

БОЕВА А.А.

Қаспий аймағының жер қойнауын пайдалануды реттеу мәселесі 86

ИБРАГИМОВ Р.

Каспий теңізіндегі құбыр транспорт жобаларын мүмкін жүзеге асырылуының аймақтың геосаяси және геоэкономикалық ахуалына ықпалы..... 94

КҮЗЕТБАЕВА Б.Қ.

Каспий теңізінің құқықтық мәртебесін анықтаудағы өзекті мәселелер 100

ҚЫДЫРБЕКҰЛЫ Д.Б.

Каспийдегі Қазақстанның ролі, орны және жетекшілігі 104

КЯМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ

Каспий теңізі және оның халықаралық құқықтық мәртебесі 110

МЕДВЕДЕВ А.Н.

Транскаспий газ құбыры жобасы – Ашхабадтың алдауы..... 114

НИНГ ВАНГ

Шыңжанның Орталық Азия және Каспий маңы аймақтарымен экономикалық ынтымақтастығын нығайту 121

ПРИТЧИН С.А.

Каспий теңізінің мәртебесі бойынша келіссөздер үдерісінің 20 жылы: сәттіліктері мен мәселелері 125

РЕВА С.И.

Орталық Азия аймағындағы Достастық мемлекеттерінің қауіпсіздік қауіптері мен оларды жою жөніндегі ынтымақтастық формалары..... 129

СУЮНБАЕВ М.Н.

Каспийдің ресурстық және коммуникациялық мүмкіншілігін пайдаланудың табиғи негіздері 134

СҮЙІНДІКОВ Б.Т.

Маңғыстаудың туристік мүмкіншілігі 140

ХУ ХУНПИН

Қытай мен Орталық Азияның Каспий маңы мемлекеттерінің энергетикалық ынтымақтастығы..... 145

ЧЕБОТАРЕВ А.Е.

«Қазақстан - Еуроодақ 2020» энергетикалық хартиясы: біркелкі емес бет-бейнесі мен келешегі 149

Журналдың ғылыми семинарлар айдары..... 154

Түйіндеме 156

Авторлар үшін ақпарат..... 163

Кітапқа шолу..... 164

INTERNATIONAL RESEARCH
Society. Politics. Economics
International Research Magazine

Published
by Botagoz Rakisheva

Institute for Social and Political Research
(Kazakhstan)

Editor-in-chief:
Kozhirova Svetlana,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-chief:
Rudneva Yevgeniya, Master of Sociology

Designer:
Botagoz Ismukhambetova

Proofreader:
Adykhanova Venera

Translators:
Temirgaliyeva Arailym (English)
Zholdybalina Alua (Kazakh)

Editorial Staff:
Akhmetzhanova Nailiya, Master of Agronomy
Bikenov Asilkhan,
Candidate of Science (History)
Kalmykov Sergei,
Candidate of Science (Philosophy)
Mazhitova Ainur, Master of Sociology
Sadvakassova Aigul, Ph.D (Sociology)
Seliverstov Sergey,
Candidate of Science (History)
Shalova Gulden, Master of Sociology
Yemisheva Gulden, Master of Sociology
Zholdybalina Alua, Ph.D Political Science

Financial Department:
Zhanburchinova Damilya, Master of Sociology

The main partner:
Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan

The magazine is issued four times a year.

Address:
of. 1, 86 (30) Abai Avenue,
000001, Astana, Kazakhstan
Tel.: 457 002, 457 003
Email: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz
Website: www.ispr.kz

Signed for printing December 15, 2011
Format 170x260 mm.
Circulation: 1000 copies
Printed "Zharkyn Ko"

Subscription index: 74270
ISSN 2224-0276

The magazine was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of Culture
and Information of the Republic of Kazakhstan.
License № 10291- ZH

The authors' point of view should not always be
concurrent with the publisher's opinion.
No materials of this magazine maybe used or
reproduced without reference

CONTENT

From the Publisher 3

Kazakhstan

KOSHANOVA S.E.
Confucius Institute – Bridge of Friendship
between Kazakhstan and China 15

SYROEZHKIN K.L.
Socio-Political Situation in Uyghur
Environment..... 18

China

LI XING
Central Eurasia and Chinese energy
policy..... 30

India

SWARAN SINGH
Limitations of India–China Economic
Engagement..... 37

USA

SEBASTIEN PEYROUSE
Facing the Challenges of Separatism:
the EU, Central Asia and the Uyghur
Issue 50

Russia

PARAMONOV V.V., STROKOV A.V.
Chinese Dragon in the Heart of Eurasia
and Historical Mission of Russia 60

POLETAEV D.V.
Chinese Migrants in Russian Far East.
Research Experience..... 65

Opinion

KAZYBEK SHAIKH
Prospects for Relations between
Kazakhstan and China..... 72

KOSNAZAROV D.
Uniting under Heaven of the Celestial
Empire. Uncovering possible influence
and role of Beijing in institutionalization
of the Eurasian Union 76

**Materials of the international conference on
«PARADIGM OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE CASPIAN SEA
LITTORAL STATES», Aktau, September 16, 2011**

KNYAZEV A.A.

On the international conference themed «Paradigm of international cooperation of the Caspian Sea littoral states» 80

AHLYUSTIN V.A.

Prospective Application of International Legal Norms about Transnational Corporations on the Caspian Sea 82

BOYEVA A.A.

To the question of legal regulation of Caspian region field development 86

IBRAGIMOV ROVSHAN

Impact of possible implementation of Caspian Sea pipeline transport projects on geopolitical and geo-economic situation in region 94

KUZETBAYEVA B.K.

Urgent Issues of Determining Caspian Sea's Legal Status..... 100

KYDYRBEKULY D.B.

Role, Place and Leadership of Kazakhstan in Caspian Region 104

KYAMAL MAKILI-ALIYEV

The Caspian Sea and International Legal Status 110

MEDVEDEV A.N.

Trans-Caspian Gas Pipeline Project – Bluff of Ashgabat..... 114

WANG NING

Enhancing Economic Cooperation Between Xinjiang and the Central Asian and Caspian Sea Countries 121

PRITCHIN S.A.

20 Years of Negotiations on the Caspian Sea Status: Achievements and Problems..... 125

REVA S.I.

Threats to Security of CIS States in Central Asian Region and Forms of Cooperation on Their Elimination..... 129

SUYUNBAYEV M.N.

Natural Reasons for Usage of Resource and Communication Potential of the Caspian Sea 134

SUYUNDUKOV B.T.

Tourist Potential of Mangistau 140

HU HUNPIN

Energy Cooperation of China with Caspian States of Central Asia 145

CHEBOTARYOV A.E.

Energy Charter «Kazakhstan - EU: 2020»: varying outlines and perspectives..... 149

Magazine Scientific Seminars 154

Summary..... 156

Information for Future Authors..... 163

Book review 164

Издатель:

Ракишева Ботагоз Ислямовна

Издается при Институте социально-политических исследований (Казахстан)

Главный редактор:

Кожирова Светлана,
доктор политических наук

Зам. главного редактора:

Руднева Евгения, магистр социологии

Дизайнер:

Исмухамбетова Ботагоз

Корректор:

Адыханова Венера

Перевод:

Темиргалиева Арайлым (англ.),
Жолдыбалина Алуа (каз.)

Редакционная коллегия:

Ахметжанова Наила, магистр агрономии

Бикенов Асылхан,

кандидат исторических наук

Емишева Гульден, магистр социологии

Жолдыбалина Алуа, PhD (политология)

Калмыков Сергей,

кандидат философских наук

Мажитова Айнур, магистр социологии

Садвакасова Айгуль,

доктор социологических наук

Селиверстов Сергей,

кандидат исторических наук

Шалова Гульден, магистр социологии

Финансово-административный отдел:

Жанбурчинова Дамиля, магистр социологии

Основной партнер:

Институт сравнительных социальных
исследований ЦЕССИ-Казахстан

Журнал выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

000001, Астана, пр. Абая, 86 (30), оф. 1

Телефоны: 457 002, 457 003

Электронная почта: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz

Сайт: www.ispr.kz

Подписано в печать 15 декабря 2011 года.

Формат 170x260 мм. Тираж: 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Жаркын Ко»

Подписной индекс: 74270

ISSN 2224-0276

Журнал зарегистрирован

Комитетом информации и архивов

Министерства культуры и информации

Республики Казахстан.

Свидетельство № 10291- Ж

Точка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.

При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.

Редакция не несет ответственности за
материалы, предоставленные авторами

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Казахстан

КОШАНОВА С.Е.

Институт Конфуция – мост дружбы
между Казахстаном и Китаем 15

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Социально-политическая ситуация
в уйгурской среде 18

Китай

ЛИ СИН

Центральная Евразия
и Энергическая политика Китая 30

Индия

СВАРАН СИНГХ

Ограничение экономического
сотрудничества Китая и Индии 37

США

СЕБАСТЬЯН ПЕЙРУЗ

Перед лицом сепаратизма:
Европейский Союз, Средняя Азия
и уйгурский вопрос 50

Россия

ПАРАМОНОВ В.В., СТРОКОВ А.В.

Китайский дракон в центре Евразии
и историческая миссия России 60

ПОЛЕТАЕВ Д.В.

Китайские мигранты на российском
Дальнем Востоке.
Опыт исследования 65

Мнение

КАЗЫБЕК ШАЙХ

Перспективы отношений между
Китаем и Казахстаном 72

КОСНАЗАРОВ Д.

Объединяясь под Небесами Поднебесной.
Выявление возможного китайского
влияния и роли Пекина в
институционализации
Евразийского Союза 76

**Материалы международной конференции
«ПАРАДИГМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА КАСПИИ»,
Актау, 16 сентября 2011 года**

КНЯЗЕВ А.А.

О международной конференции «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии» 80

АХЛЮСТИН В.А.

Перспективное применение международных правовых норм о транснациональных корпорациях на Каспии 82

БОЕВА А.А.

К вопросу правового регулирования недропользования Каспийского региона 86

ИБРАГИМОВ Р.

Влияние возможной реализации трубопроводных транспортных проектов в Каспийском море на изменение геополитической и геоэкономической ситуации в регионе 94

КУЗЕТБАЕВА Б.К.

Актуальные вопросы определения правового статуса Каспийского моря 100

КЫДЫРБЕКУЛЫ Д.Б.

Роль, место и лидерство Казахстана на Каспии 104

КЯМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ

Каспийское море и его международно-правовой статус 110

МЕДВЕДЕВ А.Н.

Проект Транскаспийского газопровода – блеф Ашхабада 114

НИНГ ВАНГ

Укрепление экономического сотрудничества Синьцзяна с центрально-азиатским и прикаспийским регионами 121

ПРИТЧИН С.А.

20 лет переговорного процесса по статусу Каспийского моря: успехи и проблемы 125

РЕВА С.И.

Угрозы безопасности государствам содружества в Центрально-Азиатском регионе и формы сотрудничества по их устранению 129

СУЮНБАЕВ М.Н.

Естественные основания использования ресурсного и коммуникационного потенциала Каспия 134

СУЮНДУКОВ Б.Т.

Туристский потенциал Мангистау 140

ХУ ХУНПИН

Энергетическое сотрудничество Китая и прикаспийских государств Центральной Азии 145

ЧЕБОТАРЕВ А.Е.

Энергетическая хартия «Казахстан – ЕС: 2020»: неоднозначные контуры и перспективы 149

Научные семинары 154

Резюме статей 156

Информация для авторов 163

Книжное обозрение 164

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:

ЦЕССИ – Қазақстан Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры,
ӘЗСИ-Қазақстан Бағдарламасының директоры,
әлеуметтік ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Алексенко Александр Николаевич – Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анджей Вержбицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, саяси ғылымдарының докторы (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы Азияттық зерттеулер институтының қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеулерін үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саяси ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Лондон университеті Шығыс және африканың зерттеулер мектебі жанындағы Заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Грегори Глиссен – Нью-Мексико университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу бағдарламасының директоры, профессор, саяси ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Жүнісова Жаңылжан Қасымқызы – Мемлекеттік саясат кафедрасының меңгерушісі, Мемлекеттік Саясаттың Ұлттық Мектебі, Қазақстан Республикасы Президентінің Жанындағы Мемлекеттік Басқару Академиясы, Саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Донг Янг – Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясының Ресей, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия институты директорының орынбасары, профессор (Бейжін, Қытай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – Иркутск мемлекеттік университеті Әлем тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Диаспора» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» зерттеу орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей)

Каюм Кесиджи – Еуропа Қазақ қоғамдары Федерациясының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, Түркітілдес елдер әлеуметтанушылары одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы Мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру институты Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет зерттеу орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Ғылым Академиясының Шығыстану және жазба мұралар институтының Тарих және аймақтық шиеленістерді зерттеу бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – Қазақстан Республикасы жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас

ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (СРАPD) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресінің Сыртқы істер бойынша Комитет төрағасының орынбасары, профессор (Бейжін, Қытай)

Хорхе Боланос Кармона – Гранада университеті Бейбітшілік және шиеленістерді шешу институтының Ғалым хатшысы, математика ғылымдарының докторы, профессор (Гранада, Испания)

Марлен Ларюэль – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – Көші-қон зерттеулер орталығының (Ж.А. Зайончковская орталығы) сарапшысы, Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының Көші-қонды сараптау және болжау зертханасының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Раса Алишаускиене – Baltik Surveys /The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Рубен Азизян – Азия-Тынық мұхиттық қауіпсіздік орталығының профессоры, Ph.D (Гавайи, АҚШ)

Сара О'Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультетінің деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Себастьян Пейрус – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Сыроежкин Константин Львович – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Уильям Фиерман – Орталық Азия зерттеулер факультетінің профессоры, Индиана штатының университеті, саяси ғылымдарының докторы (Ph.D) (Блумингтон, АҚШ)

Уяма Томохико – Хоккайдо университеті Славян зерттеулері орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия институтының директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Эм Гу-хо – Халықаралық зерттеулер факультетінің профессоры, Азия-Тынық мұхиттық зерттеулер орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

EDITORIAL BOARD

**Head of the Editorial Board:
Rakisheva Botagoz Islyamovna,**

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan;
Program Director, Institute for Socio-Political Research
ISPR-Kazakhstan, Candidate of Science (Sociology)

Alekseyenko Aleksandr Nikolayevich – Head,
Demography Laboratory, Eastern Humanitarian
Institute, Ph.D (History), Professor
(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political
Science, Warsaw University,
Department of the Eastern (Post-Soviet)
Studies; Ph.D (Political Science),
(Warsaw, Poland)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad
Institute of Asian Studies, Ph.D (Political
Science), Professor (Kolkata, India)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East
European Studies, Renvall Institute, Adjunct
Professor, Ph.D (Political Science)
(Helsinki, Finland)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary Central
Asia and the Caucasus under the School of
Oriental and African Studies, University of
London; Ph.D (Political Science), Professor
(London, Great Britain)

Gregory Gleason – Director National Security Studies
Program, University of New-Mexico,
Ph.D (Political Science), Professor
(U.S.A., Germany)

Junussova Zhanylzhan Khassymovna – Head of Public
Policy Department, National School of Public
Policy, Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Political Sciences, Professor
(Astana, Kazakhstan)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian,
Eastern European and Central Asian Studies
under the Chinese Academy of Social Sciences,
Professor (Beijing, China)

Dyatlov Viktor Innokentevich – Professor,

Department of the World History and
International Relations, Irkutsk State University;
Deputy Editor-in-Chief,
Magazine “Diasporas”; Director, Research
Center “Internal Asia”, Ph.D (History)
(Irkutsk, Russia)

Kayyum Kesici – Chair person, Federation of European
Kazakh Associations, Ph.D (Political Science)
(Munich, Germany)

Kim German Nikolayevich – Professor, Department of
Korean Studies, Kazakh National University
named after al-Farabi, Ph.D (History)
(Almaty, Kazakhstan)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School, Istanbul
University; President, the Union of Turkish
World Sociologists, Ph.D (Sociology), Professor
(Istanbul, Turkey)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research Center
for Public Administration and Public Service,
Institute of Advanced Training of Public Officers
(IAT PO) of the Republic of Tajikistan; Chairman,
Division of History and Regional Conflicts,
Institute of Oriental Studies and Written Heritage
of the Academy of Sciences of the Republic of
Tajikistan; Ph.D (History)
(Dushanbe, Tajikistan)

Kushkumbayev Sanat Kairslyamovich – Chief
Researcher of the Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of
the Republic of Kazakhstan, Ph.D (Political
Science) (Almaty, Kazakhstan)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People’s
Association for Peace and Disarmament
(CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs
Committee of the National People’s Congress
of the Chinese People’s Republic, Professor
(Beijing, China)

Jorge Bolanos Carmona – Scientific Secretary of the
Institute of Peace and Conflict Resolution
at the University of Granada, PhD (mathe-
matical science), professor (Granada, Spain)

Marlene Laruelle – is a senior staff scientist of the
Institute of Central Asia and Caucasus and
“Silk Way” Research Program – a joint center
which maintain partnership relations with the
Faculty for Leading International Researches
of James Hopkins University and the Institute
of Politics and Development Security, Ph.D
(Washington, USA)

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich – Expert, Center
of Migration Studies (J.A. Zaionchkovskaya’s
Center); Leading Researcher, Laboratory of
Migration, Institute of Economic Forecasting
of Russian Academy of Sciences, Ph.D.,
Candidate of Science (Economics)
(Moscow, Russia)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research
Institute, Baltic Surveys /The Gallup
Organization, Ph.D (Social Sciences),
Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Rouben Azizian – Professor, Asia-Pacific Center for
Security Studies, PhD (Hawaii, USA)

Sara O’Hara – Dean, Faculty of Social Sciences,
School of Geography, Nottingham University,
Professor of Geography
(Nottingham, United Kingdom)

Sebastien Peyrouse – is a senior staff scientist of the
Institute of Central Asia and Caucasus and
“Silk Way” Research Program – a joint center
which maintain partnership relations with the
Faculty for Leading International Researches
of James Hopkins University and the Institute
of Politics and Development Security, Ph.D
(Washington, USA)

Syroyezhkin Konstantin Lvovich – Senior
Researcher, Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of the
Republic of Kazakhstan, Professor, Ph.D
(Political Science) (Almaty, Kazakhstan)

Tatyana Dronzina – Professor, Department of
Political Science, Kliment Ohridski University
of Sofia; Ph.D (Political Science)
(Sofia, Bulgaria)

William Fierman – Professor, Department of Central
Eurasian Studies, Indiana University, Ph.D
(Political Science) (Bloomington, USA)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian
Studies, Slavic Research Center, Hokkaido
University (Hokkaido, Japan)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute,
Istanbul University, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of
International Studies; Head, Hanyang
University’s Asia-Pacific Research Center
(APRC) (Seoul, South Korea)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Ракишева Ботагоз Ислямовна,
директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ ИСПИ-Казахстан, кандидат социологических наук

Алексеевко Александр Николаевич – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Анджей Вержицкий – сотрудник Института политических наук Варшавского университета, кафедра восточных (постсоветских) исследований, доктор политических наук (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Маулаи Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт-профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Грегори Глиссен – директор Программ исследований национальной безопасности университета Нью-Мексико, доктор политических наук, профессор (США, Германия)

Джунусова Жанылжан Хасымовна – заведующая кафедрой «Государственная политика» Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Каюм Кесиджи – председатель Федерации ассоциации европейских казахов, доктор политических наук (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – профессор кафедры корееведения КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Коркут Туна – декан гуманитарного факультета Стамбульского университета, президент Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской народной ассоциации за мир и разоружение (СРАPD), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального народного конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Хорхе Боланос Кармона – ученый секретарь Института мира и разрешения конфликтов Университета Гранады, доктор математических наук, профессор (Гранада, Испания)

Марлен Ларюэль – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys / The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Рубен Азизян – профессор Азиатско-Тихоокеанского центра безопасности (Гавайи, США)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук университета Ноттингем, профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Себастьян Пейрус – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джонса Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Сыроежкин Константин Львович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Уильям Фиерман – профессор факультета Центрально-азиатских исследований Университета штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Уяма Томохико – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Эм Гу-хо – директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований, профессор факультета международных исследований (Сеул, Южная Корея)

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ – МОСТ ДРУЖБЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И КИТАЕМ

КОШАНОВА САУЛЕ ЕРДЕНОВНА

Директор института Конфуция при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

В последние годы получили большое распространение во всем мире институты и классы Конфуция – китайские культурно-образовательные центры, создаваемые Китайским государственным комитетом по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань). Их миссия заключается в том, чтобы способствовать росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, развивать дружеские взаимоотношения Китая с другими странами.

Почему же институты называют именем Конфуция?

Несомненно, многие слышали имя Конфуция. Конфуций – это великий китайский мыслитель, который жил в период приблизительно с 551 г. по 479 г. до н. э. Его называют также Кун-цзы, то есть Учитель Кун. Созданное им учение оказало влияние на становление национального характера китайцев, и в несколько меньшей степени корейцев, японцев и вьетнамцев. Конфуцианские нормы выработали у них особое отношение к труду и учебе.

Как же сформировались взгляды самого Конфуция? Он происходил из знатного, но обедневшего рода. Его отец был опытным воином, но рано скончался, оставив в наследство лишь доброе имя и воинскую славу. Чтобы преуспеть в жизни, сироте, не имевшему ни богатства, ни знатных покровителей, надо было стать мастером так называемых «шести искусств», включавших в себя исполнение ритуалов, знание музыки, стрельбу из лука, управление колесницей, чтение классических текстов и математику. Только это давало возможность получить чиновничью или офицерскую должность. И Конфуций много и усердно учится. Он добивается отличных результатов и как лучник, и как колесничий, прекрасно играет на цитре. Но, пожалуй, наиболее глубоко Конфуций постигает ритуалы и обряды. В молодости он служил мелким чиновником в царстве Лу (Восточный Китай, современная провинция Шаньдун). Это было время заката империи Чжоу, когда власть императора стала номинальной, разрушалось патриархальное общество и на место родовой знати пришли правители отдельных царств, окружённые незнатными чиновниками. Крушение древних устоев семейно-кланового быта, междоусобные распри, продажность и алчность чиновников, бедствия и страдания простого народа – все это вызывало резкую критику ревнителей старины.

Осознав невозможность повлиять на политику государства, Конфуций подал в отставку и отправился в сопровождении учеников в путешествие по Китаю, во время которого он пытался донести свои идеи правителям различных областей. В возрасте около 60 лет Конфуций вернулся домой и провел последние годы жизни, обучая новых учеников, а также систематизируя литературное наследие прошлого Ши-цзин (Книга Песен), И цзин (Книга Перемен) и другие.

Конфуций создал школу, основанную на традиционных учениях, где человек учился бы познавать законы окружающего мира, людей и открывать собственные возможности. Конфуций хотел видеть своих учеников «целостными людьми», полезными государству и обществу, поэтому учил их различным областям знания, основывающимся на разных канонах. «Кто не жаждет знать, того не просвещаю. Кто не горит, тому не открываю. А тот, кто по одному углу не может выявить соотношения трех углов, – я для того не повторяю».

Основные взгляды Конфуция были изложены в книге «Беседы и суждения» («Лунь юй»), которая представляет собой запись его изречений и бесед с ближайшими учениками. В чем же наставлял своих последователей Учитель Кун? Главная категория, которая проходит через все учение, – это человеколюбие или гуманность. Очень многозначная, она в то же время была определена Конфуцием простыми и ясными словами: «не делай другому того, чего себе не желаешь». Другая важнейшая категория – сыновья почтительность не только по отношению к собственным родителям, но и к старшим вообще. Также в качестве необходимых свойств человека он называл знание приличий, воплощенных в ритуале, верность, чувство долга, смелость, стыд. Тот и только тот, кто воплотил в себе все эти качества, является благородным мужем (цзюнь-цзы); ему можно доверить управление страной.

Конфуций – человек и идеал традиции, известной как конфуцианство. Его путь от учебы через познание «воли Неба» к свободному следованию желаниям сердца и соблюдению правил поведения, которые он считал священными, «небесными», стал нравственным ориентиром всей культуры Китая. Вот почему, когда в Китае родилась идея создать специальные институты, через которые можно распространять за рубежом знания о Китае, обучать иностранцев китайскому языку, было решено присвоить им название институтов Конфуция.

Первый институт Конфуция был создан под контролем Китайского государственного комитета по распространению китайского языка в ноябре 2004 г. в Южной Корее. По состоянию на 2010 г. количество людей, которые изучают в мире китайский язык, составило 45-50 млн. человек, в 87 странах мира открыто более 280 институтов Конфуция.

Соглашение об открытии первого Института Конфуция в Казахстане было подписано 20 декабря 2006 г. в рамках официального визита Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в г. Пекин. С 2007 г. институт Конфуция при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева активно осуществляет свою деятельность, важными аспектами которой являются: организация курсов китайского языка и культуры, проведение специализированного теста по китайскому языку, предоставление консультаций по вопросам преподавания китайского языка в Казахстане, организация языковых стажировок в Китае, проведение конкурсов, связанных с китайским языком и культурой на местном и республиканском уровнях.

Институт Конфуция является одним из важных проектов двустороннего сотрудничества в сфере образования. Институт успешно прошел момент становления и сейчас динамично развивается, предоставляя все большие возможности для изучения китайского языка и знакомства с богатой культурой Китая. За прошедшие 4 года работы институт Конфуция при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева дал возможность более 570 слушателям разновозрастной категории нашего населения постичь азы китайского языка и усовершенствовать его, более 55 человек получили гранты на обучение в Китае по программам языковой подготовки и магистратуры. Наши слушатели уже второй год подряд будут представлять Казахстан на международном конкурсе «Мост китайского языка» среди школьников в

Китае. По инициативе посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан в 2010 г. впервые в Астане совместно с Институтом Конфуция был организован фестиваль китайского кино, в 2011 г. успешно прошел I республиканский конкурс «Что мы знаем о Китае?»

За прошедшие годы институт приобрел опыт не только успешной преподавательской деятельности, проведения познавательных мероприятий и конкурсов городского и республиканского масштаба, но также организации встреч и визитов на высоком уровне.

С работой нашего института познакомились Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао во время официального визита в Республику Казахстан в декабре 2009 г., председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета КНР Цзя Циньлин в ноябре 2010 г., министр образования КНР Чжоу Чжи в сентябре 2008 г., Чрезвычайные и Полномочные послы КНР в РК Чжан Сиюнь в 2007 г., Чэн Гопин в 2009 г., Чжоу Ли в 2010 г.

Предстоящий 2012 г. ознаменован важным событием – исполняется 20 лет с момента установления дипломатических отношений между нашими странами. Институт Конфуция, являясь одним из важных образовательных проектов, будет продолжать активную и плодотворную работу во благо укрепления дружбы между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УЙГУРСКОЙ СРЕДЕ (ПО ДАННЫМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

СЫРОЕЖКИН КОНСТАНТИН ЛЬВОВИЧ

Доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Когда речь заходит об уйгурах, практически всегда приходится сталкиваться с предвзятым отношением к проблеме, а процессе говоря – с уйгурофобией. Основу ее, судя по некоторым публикациям, составляют несколько базовых тезисов.

Во-первых, связь «уйгурского вопроса» с китайской проблемой, а отсюда его непосредственное влияние как на характер казахстанско-китайских отношений, так и на состояние национальной и региональной безопасности.

Во-вторых, теория «уйгурского заговора», базирующаяся на мифическом стремлении уйгуров не только самоопределиться в пределах территории Казахстана, но и захватить политическую власть в стране.

В-третьих, вполне реальная закрытость уйгурского этноса и его попытка как-то выделиться из общей семьи тюркских народов. Это подтверждает не только любое социологическое исследование и ряд претендующих на историческую фундаментальность публикаций уйгурских авторов, но и тот факт, что только в Уйгурском районе Алматинской области, наряду с высказываниями на государственных учреждениях на казахском и русском языках, очень часто встречаются вывески на уйгурском языке.

В определенной степени подпитывает уйгурофобию и тот факт, что только для уйгурского этноса характерно наличие столь значительного числа общественных организаций, деятельность которых в недалеком прошлом можно было квалифицировать, в том числе, как экстремизм.

Несмотря на то, что ряд факторов имеют место, как представляется, реальная степень угроз безопасности страны со стороны представителей уйгурского этноса и уйгурских организаций, функционирующих на территории Казахстана, значительно преувеличена. Для реализации на практике теории «уйгурского заговора» просто нет реальной основы.

Общая этнодемографическая характеристика

В Казахстане уйгурский этнос занимает 5-е место по численности, уступая казахам, русским, узбекам и украинцам. По данным на начало 2009 г., общая численность представителей уйгурской этнической группы составляла 241 тыс. 946 человек. По оценке, численность представителей уйгурской этнической группы в Киргизии составляет 54 тыс. человек, в Узбекистане – 19 тыс. человек^[1]. В других государствах Центральной Азии на сегодняшний день численность уйгуров незначительна, и по ним отсутствуют даже оценочные данные (см. таблицу 1).

[1] Сокращение численности уйгурского этноса в Узбекистане объясняется тем, что большинство уйгуров в паспорте в графе «национальность» еще в советское время стремились указать в качестве национальности «узбек», эта тенденция не изменилась и после 1991 г.

Год / численность	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2008 г.
Казахстан	147.943	185.301	210.339	241.946
Узбекистан	29.104	35.762	...	19.000
Киргизия	29.817	36.779	46.733	54.000
Таджикистан	...	1.308	...	...
Туркменистан	...	566	...	...

Таблица 1
Численность уйгуров в государствах Центральной Азии (1979-2008 гг.)
(человек)

Насколько эти цифры соответствуют действительному положению вещей, сказать сложно. Однако, с учетом половозрастной структуры населения Казахстана вообще и Алматинской области в частности, а также традиционных больших семей в сельской местности у представителей уйгурского этноса, эти данные явно занижены.

Одна из характерных черт представителей уйгурского этноса государств Центральной Азии – их компактное проживание, и соответственно – большая степень этнической консолидации, а также влияние такого традиционного элемента этой консолидации, как махалля. Что касается Казахстана, на начало 2009 г. уйгуры главным образом проживали в Алматинской области и г. Алматы (см. таблицу 2). При этом, по данным независимых социологов, в последние годы наблюдается деконцентрация уйгурского населения по другим регионам страны. Как ими подчеркивается, «хотя численность уйгурского населения в гг. Астане, Павлодаре, Караганде, Усть-Каменогорске, Шымкенте, Таразе незначительна, но она имеет тенденцию к росту за счет механического притока населения из Алматинской области. Практически во всех этих городах и областях уже созданы и функционируют уйгурские национально-культурные центры».

Регион / области	Все этносы	Казахи		Русские		Уйгуры	
		всего	%	всего	%	всего	%
Республика Казахстан	15776492	9540806	60,48	3869661	24,53	241946	1,53
Акмолинская	741897	330885	44,60	265473	36,78	274	0,037
Актюбинская	712130	555212	77,97	90897	12,76	114	0,016
Алматинская	1667143	1070326	64,20	295196	17,71	153442	9,20
Атырауская	501623	458100	91,32	32639	6,51	56	0,011
Западно-Казахстанская	618785	438937	70,94	141327	6,68	79	0,013
Жамбылская	1031144	711449	69,00	143220	13,71	2751	0,27
Карагандинская	1346373	594251	44,14	532649	39,56	732	0,054
Костанайская	889368	316663	35,61	363290	40,85	162	0,018
Кызылординская	641563	614514	95,78	12265	1,91	110	0,017
Мангистауская	425684	366245	86,04	38187	8,97	111	0,026
Южно-Казахстанская	2381543	1669605	70,11	145779	6,12	3727	0,16
Павлодарская	748823	342359	45,72	288723	38,56	273	0,037
Северо-Казахстанская	648236	218552	33,72	313441	48,35	139	0,021
Восточно-Казахстанская	1417764	764327	53,91	581820	41,04	1436	0,10
Астана	639311	405385	63,41	160952	25,16	574	0,09
Алматы	1355105	633995	46,79	463802	34,23	77966	5,75

Таблица 2
Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам
(на начало 2009 г.)
(человек, %)

Но даже в Алматинской области представители уйгурского этноса сконцентрированы лишь в трех административных регионах из 19 – Енбекши-казахском, Панфиловском и Уйгурском районах (см. таблицу 3), в населенных пунктах и сельских округах которых их концентрация различна (см. таблицу 4).

Таблица 3
Этническая
структура
населения
Алматинской
области
(на начало 2008 г.)

Регион	Все этносы	Казахи		Русские		Уйгуры	
		всего	%	всего	%	всего	%
Алматинская обл.	1643278	1048131	63,78	296991	18,07	151446	9,22
г. Талдыкорган	138709	87984	63,43	37104	26,75	910	0,66
г. Капшагай	53082	29886	56,30	18335	34,54	579	1,09
г. Текели	27298	11135	40,79	13607	49,85	95	0,35
Аксуский р-н	36349	34361	94,53	1479	4,07	77	0,21
Алакольский р-н	76279	61289	80,35	13094	17,17	163	0,21
Балхашский р-н	30082	27259	90,62	2011	6,69	150	0,50
Енбекшиказахский р-н	211510	101488	47,98	32571	15,40	47408	22,41
Ескельдинский р-н	50121	33997	67,83	12547	25,03	165	0,33
Жамбылский р-н	120024	94988	79,14	13113	10,93	3863	3,22
Илийский р-н	145485	81423	55,97	42318	20,09	2456	1,69
Кербулакский р-н	51351	43293	84,31	6009	11,70	160	0,31
Коксуский р-н	39677	30672	77,30	5588	14,08	261	0,66
Каратальский р-н	48900	29064	59,44	11173	22,85	452	0,92
Карасайский р-н	160172	89819	56,08	37251	23,26	3963	2,47
Панфиловский р-н	118497	74383	62,77	4999	4,22	36809	31,06
Райымбекский р-н	78739	77689	98,67	234	0,30	534	0,68
Саркандский р-н	42077	32656	77,61	8231	19,56	52	0,12
Талгарский р-н	150699	80344	53,31	36164	24,00	17169	11,39
Уйгурский р-н	64227	26401	41,11	1163	1,81	36380	56,64

Еще одна особенность уйгурского этноса связана с тем, что сегодняшние его представители являются либо потомками переселенцев из Китая более ранних миграционных волн, либо сегодняшними мигрантами.

Согласно одной из методик,^[2] все уйгурские мигранты делятся на три категории, соответствующие устной традиции современного уйгурского языка: ерликляр (*yerliklar*), буквально «местные жители» – те уйгуры, которые родились в Казахстане и чьи семьи жили в нем, по крайней мере, с 1900 г.), кельгянляр (*kelganlar*), буквально «новички» – те уйгуры, чьи родители или они сами прибыли в Казахстан в 1950-1960-е гг., и хитайликляр (*khitailiklar*), буквально «из Китая» – те уйгуры, которые прибывают в Казахстан из Китая, чтобы работать или торговать на временной основе.

Потомки уйгуров первых миграционных «волн» – *yerliklar* в большей степени идентифицируют себя с Казахстаном, нежели Синьцзяном, и данная тенденция, судя по нашим наблюдениям, сохраняется до сегодняшнего дня. Они в меньшей степени включены в движение за создание суверенного уйгурского государства в Синьцзяне и в большей степени озабочены издержками национальной и кадровой политики в Казахстане.

[2] See: Sean R. Roberts The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation – //Nationalities Papers. – 1998. Vol.26. №.3. – P.511-530.

Таблица 4
Численность
уйгуров в
трех районах
Алматинской
области
(на начало 2009 г.)

Енбекшиказахский район				Панфиловский район			
Регион	Все эт-носы	Уйгуры		Регион	Все эт-носы	Уйгуры	
		всего	%			всего	%
Аватский с. о.	4371	3118	71,4	Жаркентский г/о	40529	19566	48,28
Акшийский с. о.	5292	2	0,04	в т. ч. г. Жаркент	32779	13864	42,30
Асинский с. о.	8701	3198	36,75	Жаркентский с/о	2786	141	5,06
Балтабайский с. о.	7446	2019	27,12	Айдарлинский с. о.	2538	46	1,81
Болекский с. о.	5308	20	0,38	Баскунчинский с. о.	5206	18	0,34
с. Маловодное	7188	82	1,14	Бирликский с. о.	5727	1214	21,20
Жанашарский с. о.	5215	1107	21,23	Коктальский с. о.	13504	1614	11,95
Коктобинский с. о.	11590	1086	9,37	Коныроленский с. о.	5838	13	0,20
Казахстанский с. о.	7262	447	6,15	Пиджимский с. о.	8595	4562	53,07
Каражотинский с. о.	6057	344	5,68	Сарыбельский с. о.	4905	453	9,30
Каракемирский с. о.	6138	57	0,92	Талдинский с. о.	5385	100	1,86
Каратурыкский с. о.	12404	5226	42,13	Улкенагашский с. о.	3362	7	0,20
Корамский с. о.	5562	2979	53,72	Улкеншиганский с. о.	9717	3290	33,8
Кырбалтайский с. о.	4343	72	1,65	Ушаралский с. о.	5246	27	0,51
Масакский с. о.	3846	625	16,25	Чулакайский с. о.	4264	2217	52,00
Байтерекский с. о.	9922	118	1,19	Итого	117602	47132	40,08
Нуринский с. о.	3221	23	0,71	Уйгурский район			
Октябрьский с. о.	7332	5450	74,33	Чунджинский с. о.	22195	12540	57,00
Малыбайский с. о.	4449	3770	84,74	Аватский с. о.	2378	2049	86,20
Рахатский с. о.	11282	4239	37,58	Аксуский с. о.	5472	5113	93,44
Саймасайский с. о.	5917	1714	28,97	Актамский с. о.	1930	745	38,60
Ташкенсазский с. о.	3698	3298	89,19	Бахарский с. о.	3010	2169	72,06
Тескенсуский с. о.	5552	534	9,62	Дардамтинский с. о.	4240	2143	50,54
Тургенский с. о.	13774	139	1,00	Кетменский с. о.	3338	1508	45,17
Шелекский с. о.	23549	9245	39,3	Малодеханский с. о.	4103	1851	45,12
Итого	189419	48912	25,82	Кольжатский с.о.	2403	1919	79,98
				Кыргызсайский с. о.	2416	686	28,40
				Сумбинский с. о.	4391	5	0,12
				Таскарасуский с. о.	3074	781	25,41
				Тигерменский с. о.	2720	1902	69,93
				Чарынский с. о.	5832	3380	57,96
				Итого	67502	36791	54,50

Kelganlar условно разбивается на две подгруппы: уйгуры, которые родились, долго жили или получили образование в Советском Союзе (*sovettliklar*), и уйгуры, кто родился, вырос, получил образование в Китае, но после обретения Казахстаном независимости мигрировал в Казахстан (*khitailiklar*). Разница между ними принципиальная – первые воспитаны преимущественно на советской культуре, а вторые – на культуре китайской. Весьма

любопытно различие в подходах представителей этих двух групп к будущему уйгурскому государству. Если *khitailiklar*, говоря о суверенитете, чаще исходят из религиозной перспективы, то *sovetliklar*, напротив, главным образом поддерживают светский национализм и социалистическую систему национального освобождения и социального равенства. С учетом этих обстоятельств, вполне естественно, что различны и подходы лидеров уйгурских организаций к проблеме самоопределения уйгуров в пределах СУАР КНР, как различна и предлагаемая ими тактика деятельности.

Уйгурский этнос Казахстана относительно молод (лица в возрасте до 40 лет составляют 65,8 %), а потому динамичен и подвижен. В сельской местности его представители сосредоточены главным образом в земледелии (преимущественно в принадлежащих им частных хозяйствах) либо в сфере услуг (кафе). В городах и районных центрах они работают в основном в частном мелком и среднем бизнесе.

Социальные проблемы в уйгурской среде

Специфические социальные проблемы в регионах компактного проживания уйгуров, по признанию лидеров уйгурских организаций, отсутствуют. Во многом они аналогичны тем, с которыми сталкиваются представители других этнических групп, в том числе и казахи. Во всяком случае, данные социологических исследований свидетельствуют именно об этом. Основные проблемы, на которые указывают представители уйгурской этнической группы: бедность населения, безработица, низкий размер заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, рост цен на продукты питания и высокие цены на коммунальные услуги, а также во многом являющиеся следствием этих факторов рост преступности и напряженности в межнациональных отношениях.

На фоне периодически повторяющихся всплесков уйгурофобии вполне объясним и негативный прогноз уйгурами перспектив межнациональных отношений. Одни – наибольшие пессимисты – 35,3% считают, что межнациональные отношения будут обостряться. Однако при этом, в отличие от других этносов, менее 20% уйгуров готовы принять участие в политических акциях протеста в интересах своей этнической группы.

Хотя здесь необходимо сделать оговорку. На вопросы, касающиеся деятельности религиозных организаций, процесса усиления влияния религии, взаимоотношений с органами власти и управления, оценки политических процессов, в том числе качества управления, возможности участия в политических акциях и т. д., представители уйгурского этноса предпочитают либо не отвечать вообще, либо отвечают уклончиво. Скорее всего, такое поведение респондентов – результат как периодических всплесков уйгурофобии, так и традиционной закрытости уйгурской диаспоры в РК и ее слабой проницаемости для социологического наблюдения.

Основные проблемы, на которые обращают внимание представители уйгурской диаспоры, связаны с организацией непрерывного образования на уйгурском языке и сохранением культурного наследия уйгуров Казахстана.

Основная до последнего времени проблема – официальное разрешение ученикам уйгурских школ сдавать ЕНТ (единое национальное тестирование) непосредственно в районных школах по выбору на казахском или русском языках^[3]. В 2009 г. Министерство образования РК, проведя в апреле пробное тестирование в нескольких школах Панфиловского и Уйгурского районов, дало разрешение на сдачу ЕНТ непосредственно в районных школах на казахском или русском языках.

[3] Действующая законодательная норма требует сдачи ЕНТ только на двух языках – казахском и русском. До недавнего времени выпускники уйгурских школ сдавали в районных школах ЕНТ на уйгурском языке, получая аттестат зрелости. Но для поступления в вузы они были вынуждены сдавать ЕНТ (на казахском или русском языках) повторно уже непосредственно в вузе, что ставило их в неравные условия, по сравнению с выпускниками казахских и русских школ.

Вторая серьезная проблема также связана с образованием на уйгурском языке. Речь идет о недостаточности учебников для уйгурских школ и низком качестве имеющихся методических пособий. Причина этого, во-первых, сокращение штатных единиц методистов во всех районах компактного проживания уйгуров в Алматинской области. Во-вторых, издание учебников на уйгурском языке не входит в государственную программу, а средств меценатов на это не хватает. В-третьих, закрытие отделения подготовки преподавателей для уйгурских школ в КазНПУ им. Абая – единственном вузе в Казахстане, который осуществлял такую подготовку. На сегодняшний день преподаватели начальных классов уйгурских школ готовятся только в колледже в Джаркенте.

Предложения, направленные в Министерство образования РК ОО «Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана», среди которых – предложение о выделении в Минобразовании человека, ответственного за уйгурские школы, включение издания учебников на уйгурском языке в госпрограмму, организация издания учебников, подготовленных уйгурскими авторами и т. д. – остались без ответа.

Наличие этих проблем привело к оттоку учащихся из школ с уйгурским языком обучения. Если в 2005 г. в этих школах обучалась 31 тыс. учеников, то в 2009 г. – только 14,3 тыс. учащихся. Если данные тенденции будут сохраняться, через пять-десять лет начальные и средние школы с уйгурским языком обучения вообще исчезнут.

Третья проблема, которая серьезно дебатруется в уйгурской среде и, по мнению уйгурской интеллигенции, приводит к негативным явлениям в районах компактного проживания уйгурского этноса – резкое снижение представленности уйгуров в органах власти и управления на местном уровне. В большинстве регионов аким, участковый, директор школы, врач и имам в настоящее время являются представителями казахского этноса. Причем, как правило, они постоянно проживают не в селах, а в районных центрах, а потому практически не контролируют ситуацию на местах в вечернее и ночное время.

В сфере межнациональных отношений беспокоит все возрастающая роль оралманов, прежде всего выходцев из Китая, в ухудшении, как внутриэтнических (среди казахов), так и межэтнических отношений. По наблюдениям местного населения, оралманы, хорошо владеющие уйгурским языком и в ночное время выдающие себя за представителей уйгурского этноса, как правило, и провоцируют те негативные явления в межнациональных отношениях, которые имели место в 2008-2009 гг. в районах компактного проживания уйгуров.

Не исключается некоторыми представителями уйгурской интеллигенции и то, что «уйгурская карта» специально разыгрывается третьими силами с геополитическими целями, в частности – ухудшения доверительного климата в казахстанско-китайских отношениях.

Уйгурские организации

Еще одна особенность уйгурского этноса в Казахстане и Киргизии – наличие большого числа организаций в его среде. Причем, в отличие от второй половины 1990-х – начала 2000-х гг., в настоящее время их деятельность находится на низком уровне активности и ограничивается главным образом культурно-языковыми проблемами.

Единственное, что унаследовали эти организации – амбиции их лидеров, между которыми наблюдается постоянная борьба за право выступать от имени всех уйгуров Казахстана. По сути, именно эта борьба и привела к тому, что часть уйгурских организаций просто сошли с политической сцены, а часть являются маргинальными.

Первое, что обращает на себя внимание, – исчезновение из списка уйгурских организаций объединений радикального толка: Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана (ОНРФВТ),^[4] Организация освобождения Уйгурстана (УАТ),^[5] Региональное общественное объединение «Ассоциация уйгуров» (РООАУ).

О последней организации необходимо сказать отдельно. РООАУ родилось в результате конфликта в Межрегиональной ассоциации уйгуров (МРАУ) 2 декабря 1995 г. на базе МРАУ, официально зарегистрировано в Министерстве юстиции Республики Казахстан 6 марта 1996 г. Президентом Координационного совета был избран Кахарман Хожамбердиев.

До начала 1997 г. РООАУ являлась практически единственной организацией, выполняющей функции уйгурского культурного центра. Ассоциация открыто не пропагандировала антикитайские лозунги, а ее реальная неполитизированность пользовалась поддержкой подавляющей части уйгурского населения Казахстана.

В феврале 1997 г., как результат событий в Кульдже, произошло усиление радикального направления в деятельности РООАУ и объединение по заявленным целям с УАТ и ОНРФВТ. Был создан единый координационный орган – Объединенный политический совет (ОПС), взявший на вооружение самые радикальные лозунги и методы деятельности, включая организацию и проведение террористических актов. Руководителем ОПС был избран Кахарман Хожамбердиев.

В 2000-х гг. РООАУ, за исключением разовых заявлений ее лидера, ничем себя не проявило. К. Хожамбердиев 2004 г. был избран в руководство Всемирного уйгурского конгресса (2004-2006 гг. – представитель Казахстана, с 2006 г. – вице-президент).

В 2009 г. РООАУ прекратила свое существование. По одним данным, не прошла перерегистрацию; по свидетельству К. Хажамбердиева, он не подавал документы на регистрацию в связи с фактическим распадом организации.

В июне 2003 г. была создана новая республиканская организация – Общественное объединение «Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана» (РКЦУК). Что любопытно, в отличие от более ранних организаций аналогичной направленности, РКЦУК в своих уставных документах не акцентирует внимания исключительно на уйгурах. Как подчеркивается в его Уставе, «объединение создается и действует в целях реализации и защиты экономических, социальных и культурных прав и свобод, развития активности и самостоятельности граждан, оказание содействия решению актуальных проблем социально-экономического развития, культуры и образования граждан Республики Казахстан». Причем, членом РКЦУК «может быть любой человек, независимо от гражданства, национальности и вероисповедания».

В настоящее время РКЦУК является основной уйгурской организацией Казахстана, имеющей республиканский статус. Она входит в структуру Ассамблеи народа Казахстана и имеет 14 отделений в различных регионах республики. Председатель правления – Шардинов Ахметжан Бакримович, заместитель председателя правления – Рузахунов Турган Имирович (заместитель директора Уйгурского театра). Почетный председатель РКЦУК – Фархад Хасанов.

[4] ОНРФВТ был создан в 1984 г. как Национальный революционный фронт Восточного Туркестана (НРФВТ), в 1991 г. переименован в Международным комитет «Восточный Туркестан» (МКВТ), а в 1994 г. – в ОНРФВТ. Бессменный лидер – Юсупбек Мухлис. Прекратил свое существование в первой половине 2000-х гг. в связи с кончиной Юсупбека Мухлиса.

[5] Учредительный съезд Уйгурской (Уйгурстанской) организации Свободы прошел 20 июня 1992 г. Название УАТ было принято решением 4-го съезда в 1995 г. Первым председателем Президиума Центрального Комитета был избран инициатор создания УАТ – Ашир Вахиди (1922-1998 гг.). С января 1998 г. (после смерти Вахиди) и до начала 2000-х гг. председателем Президиума ЦК УАТ являлся известный поэт Саут Абдрахманов. Абдрахманов скончался в начале 2000-х гг. В настоящее время о деятельности УАТ ничего не известно. Во всяком случае, за последние 5 лет организацией не было проведено ни одной заметной акции.

В последнее время внутри РКЦУК наблюдается борьба в руководстве, что никак не способствует эффективной работе организации.

Кроме РКЦУК на статус республиканской организации, имеющей право представлять всех уйгуров Казахстана, претендовало еще несколько.

Во-первых, выделившееся в результате раскола из МРАУ Общество культуры уйгуров Республики Казахстан (ОКУ). Создано 2 декабря 1995 г. Председателем ОКУ первоначально был избран Фархад Хасанов, но уже в 1998 г. в организации произошел раскол, и новым председателем ОКУ был избран Исмаилов Рабик Изимович. Общество имело республиканский статус, однако в силу своей немногочисленности и отсутствия финансирования ничем себя не проявило. Не выдержав конкуренции с РКЦУК и новой организацией во главе с Ф. Хасановым, ОКУ прекратило свое существование в 2009 г.

Фархад Хасанов в ноябре 1998 г. создал самостоятельную структуру – Общественное объединение «Общество культуры уйгуров Республики Казахстан», позднее несколько раз трансформировавшееся^[6]. Ф. Хасанов совместно с руководителями двух других уйгурских организаций Д. Кузиевым и А. Ушуровым активно выступал против РКЦУК, оспаривая ее республиканский статус, однако, в конечном итоге, перешел на сторону РКЦУК, обвинив Кузиева и Ушурова в том, что они «постоянно оказывали на него давление».

29 января 2009 г. состоялось отчетно-перевыборное собрание РКЦУК, на котором Ф. Хасанов окончательно отмежевался от А. Ушурова и Д. Кузиева и был избран почетным председателем РКЦУК. Зная особенности характера Ф. Хасанова, участники собрания открытым голосованием утвердили его слова, что «отныне существует вместо двух лишь один Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана (РКЦУК)».

Еще одним конкурентом РКЦУК выступает «Ассоциация уйгурских промышленников, предпринимателей и работников сельского хозяйства» (АУП). Создана в мае 1998 г., зарегистрирована в Минюсте Республики Казахстан. Президент АУП – Дильмурат Кузиев, президент АО «Бэнт», один из наиболее состоятельных представителей уйгурского этноса в Казахстане.

Организация была создана как альтернатива ОКУ и ставила своей целью проведение благотворительных акций, помощь крестьянским хозяйствам и начинающим бизнесменам, развитие уйгурской культуры и возрождение культурных традиций. АУП строится по территориально-производственному принципу. Ее основу составляют первичные организации в регионах, где компактно проживают уйгуры. В настоящее время АУП имеет филиалы в Панфиловском, Енбекшиказахском, Уйгурском районах Алматинской области.

Несмотря на усиленные пропагандистские мероприятия и благие намерения руководителей АУП, она, по свидетельству наших респондентов, не имеет широкой поддержки уйгурского населения Республики Казахстан. Первостепенную роль в этом играют разногласия между руководителями ассоциации на почве личных амбиций. Окружение Д. Кузиева постоянно поднимает вопрос об объединении всех уйгурских общественных организаций в одну, руководителем которой стал бы Д. Кузиев.

Четвертый конкурент РКЦУК – Общественное объединение «Городской уйгурский культурный центр города Алматы» во главе с Ушуровым Абдулламом Абдукадыровичем. На все предложения стать филиалом РКЦУК А. Ушуров отвечает отказом.

[6] В апреле 2001 г. переименовано в Общественное объединение «Уйгуры Казахстана», в августе 2003 г. – в Объединение юридических лиц «Республиканская ассоциация национальных культурных центров уйгуров Казахстана», в июне 2007 г. – в Общественное объединение «Уйгурский общественный культурный центр». Все трансформации возглавлял Хасанов Фархад Таипович, 1938 г. р.

Проблема в том, что А. Ушуров и его организация имеют достаточно сильное влияние в г. Алматы. Им удалось объединить все районные уйгурские культурные центры города. Его поддерживает значительная часть джигит-баши (неформальные руководители уйгурских махалля). Однако, как утверждает руководство РКЦУК, главная проблема в различии подходов к межэтническим отношениям (толерантная у РКЦУК и близкая к радикальной – у А. Ушурова). Скорее всего, имеют место и личные амбиции как с той, так и с другой стороны, усиленные финансовыми возможностями А. Ушурова и «вовлеченности в общественные уйгурские организации полуграмотных людей»^[7].

В 2008-2009 г. Алматинский городской уйгурский культурный центр активизировал свою деятельность по объединению с другими общественными организациями г. Алматы. В частности, А. Ушуров обращался к председателю ОО «Национальная ассоциация уйгуров» Т. Маметовой и видным уйгурским бизнесменам (в частности, к известному предпринимателю Вакасу Мамединову) с предложением объединиться для противостояния РКЦУК. Эти предложения были отвергнуты. Большинство представителей уйгурских организаций, а также отдельные лица усматривают в этом меркантильные интересы, которые преследует А. Ушуров.

В 2009 г. одним из немногих руководителей уйгурских общественных организаций, явно противопоставляющих себя другим организациям, стал Карлин Махпиров – председатель уйгурского культурного центра Бостандыкского района г. Алматы. Как Д. Кузиев и А. Ушуров, он претендует на роль лидера уйгуров Казахстана.

Среди других организаций, представляющих интерес, можно назвать *Союз уйгурской молодежи Казахстана* (СУМК), организационно входящий во Всемирный уйгурский конгресс. СУМК имеет республиканский статус, был создан 25 апреля 1999 г., после чего неоднократно проходил перерегистрацию в Минюсте Республики Казахстан.

Бессменный председатель СУМК – Абдурашит Турдиев, которому на сегодняшний день уже около 40 лет.

Идейной основой СУМК является объединение молодежи на базе культурных ценностей уйгурского и других народов мира, на возрождение и развитие родного языка, участие их в строительстве демократического и правового государства, защиту политических и социальных прав членов СУМК.

В качестве своих основных целей СУМК ставит:

- содействие в сохранении и возрождении культуры, прогрессивных национальных традиций уйгуров, в изучении уйгурского языка;
- содействие в удовлетворении национальных, культурных и духовных потребностей уйгурской молодежи, проживающих в Казахстане;
- установление взаимовыгодных контрактов с молодежными, государственными и общественными организациями, как по Казахстану, так и за рубежом;
- вовлечение уйгурской молодежи в активную работу по укреплению межнационального согласия;
- просвещение и пропаганда культуры уйгурского народа;
- содействие в обучении уйгурской молодежи за рубежом, в сохранение контингента уйгурских классов при русских школах.

Высшим органом СУМК является конференция (собрание), созываемая не реже одного раза в 2 года. Решение конференции считается принятым, если за него проголосовали не менее 2/3 присутствующих. В период между

[7] Курьезный случай имел место 26 декабря 2009 г., когда в здании республиканского Уйгурского театра состоялась конференция под эгидой Алматинского городского уйгурского культурного центра, посвященная 99-летию Юсуфа Хасахаджипа – автора, известного среди востоковедов, особенно тюркологов, литературного произведения «Кутагду белик» («Наставление»). Ахметжан Шардинов и Абдулла Ушуров потребовали на сцену автора.

конференциями руководство СУМК осуществляет председатель, его заместитель и Совет.

В начале апреля 2007 г. в гимназии № 153 г. Алматы состоялось собрание представителей уйгурской молодежи, в ходе которого были обсуждены вопросы, касающиеся положения уйгурской молодежи города. Речь шла об активизации работы среди молодежи в направлении пропаганды внешней и внутренней политики Правительства РК, развитии казахстанского патриотизма. В уйгурских школах города решили периодически организовывать выставки молодых художников на тему «Дружба народов Казахстана», создать кружки по изучению государственного языка.

Участники собрания решили создать новую организацию «ҚУЯШ» («Казахстан уйгур яшлари» – уйгурская молодежь Казахстана), руководителем «ҚУЯШ» был избран кандидат медицинских наук Кудрат Жаппаров. Основной целью организации было объявлено углубление и развитие среди уйгурской молодежи казахстанского патриотизма, а также борьба с распространением СПИДа и наркомании среди них.

Полный список уйгурских организаций, действующих на территории Казахстана, приводится ниже (см. таблицу 5).

Наименование	Юридический адрес	Руководитель
Общественное объединение «Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана»	г. Алматы, ул. Наурызбай батыра, 83, оф. 2.	Шардинов Ахметжан Бакримович
Филиалы ОО «РКЦУК»		
Общественное объединение «Уйгурский национальный культурный центр Ауэзовского района города Алматы»	г. Алматы, п. Дружба, ул. Уйгура, 36	Рахманов Замандин Джамандинович
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр Бостандыкского района города Алматы»	г. Алматы, ул. Мельникайте, 14, кв. 1	Махпиров Карлен Нурдунович
Общественное объединение «Панфиловский районный уйгурский общественно-культурный центр»	Панфиловский район г. Жаркент, пр-т Ленина, 53	Тохтахунов Р. И.
Общественное объединение «Уйгурский культурный центр Уйгурского района»	Уйгурский район. с. Чунджа, ул. Арзиева, 73	Мамиров Закир Мамирович
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр Енбекшиказахского района»	с. Шилик	Илиев Туглун
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр Илийского района»	г. Сары-Озек	Бакиева Михеренса
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр Павлодарской области»	г. Павлодар	Турдиев Арсен
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр Карагандинской области»	г. Караганда	Джалилов Курбан
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр Акмолинской области»	г. Кокшетау	Мурдинов Мурат
Общественное объединение «Уйгурский национальный центр города Астаны»	г. Астана	Тохтыбакиев Мурат
Общественное объединение «Талгарский районный уйгурский национально-культурный центр»	г. Талгар, пр-т Кунаева, 65.	Дугашев Розахун Нурахунович.
Общественное объединение «Алматинский областной уйгурский национальный культурный центр»	г. Талдыкорган, ул. Акын сэра, 157	Ахметова Асия Турсуновна

Таблица 5
Уйгурские организации в Республике Казахстан
(на январь 2010 г.)

Общественное объединение «Уйгурский национально-культурный центр Жамбылской области им. Махмута Кашгари»	Жамбылская обл., г. Тараз, пр-т Абая, 110	Турдыева Мухабат Абдрахмановна
Общественное объединение «Южно-Казахстанское областное общество уйгуров»	г. Шымкент, ул. Иляева, 17а, кв. 42.	Сетвалди
Самостоятельные организации		
Общественное объединение «Национальная ассоциация уйгуров»	г. Алматы, ул. Желтоқсан, 37 а, к. 413	Маметова Тамара Касымовна
Региональное общественное объединение «Союз уйгурской молодежи Казахстана»	480091, г. Алматы, ул. Жумабаева, 131	Турдиев Абдрашит Турганович
Общественное объединение «Детский театр «Гунча» им. Куддуса Кужамьярова	г. Алматы, ул. Дружба, ул. Яссауи, 55	Разиева Шарванам Низамовна
Общественное объединение «Городской уйгурский культурный центр города Алматы»	г. Алматы, ул. Богенбай Батыра, 236А	Ушуров Абдуллам Абдукадырович
Общественное объединение «Союз предпринимателей Уйгурского района «Атамекен»	Уйгурский р-н, с. Чунджа, ул. Асанова, 1	Зайнидинов Савутжан Рахимтуллаевич
Республиканский государственный уйгурский музыкально-комедийный театр	г. Алматы	Жанбакиев Адилжан
Благотворительный общественный фонд «Пана».	г. Алматы	Шарипов Магелан
Общественное объединение «Уйгурский дом».	г. Алматы	Жанбакиев Маметжан
Общественное объединение художников «Дуния-Art».	г. Алматы	Гулиев Акимжан
Ассоциация промышленников, предпринимателей и сельхозработников.	г. Алматы	Кузиев Дильмурат Пирмухамедович
Фонд культурной помощи «Бостан».	г. Алматы	Абдуллаева Каппия Шарияэдановна
Женский общественный фонд «Назугум».	г. Алматы	Самсакова Зухра
Международная ассоциация экологии «Женщины Востока»	г. Исык	Илиева Уркиз

Что касается пропагандистских возможностей уйгурских организаций, они достаточно ограничены. В настоящее время выпускается одна газета, имеющая республиканский статус и финансируемая из бюджета, – «Уйгур Авази», периодичность 1 раз в неделю, с ноября 2008 г. начала выходить на двух языках – уйгурском и русском, объемом в 25 страниц. Главный редактор – Азаматов Юлдаш, удостоенный в 2007 г. звания «Заслуженный деятель РК».

Общественное объединение «Городской уйгурский культурный центр города Алматы» выпускает газету «Азия Бугун» («Азия сегодня»). Газета издается 1 раз в месяц на русском и уйгурском языках, финансируется А. Ушуровым, он же является и главным редактором.

Под эгидой Уйгурского театра 1 раз в месяц издается журнал «Санат» («Искусство»), главный редактор Рабик Исмаилов.

Общественное объединение «Национальная ассоциация уйгуров» издает информационный бюллетень «Акбарат» периодичностью 1 раз в 2-3 месяца. Главный редактор – Тамара Маметова.

Кроме того, раз в месяц издается газета «Марпат», посвященная проблемам образования. Главный редактор – Ахметов Пайзулам.

Какие из сказанного выше следуют выводы?

Во-первых, угроза безопасности Китаю со стороны уйгурских организаций, расположенных на территории государств Средней Азии и Казахстана, – это миф, поддерживаемый спецслужбами. Безусловно, все уйгуры желали бы образования суверенного уйгурского государства в пределах современной территории СУАР КНР, но воевать за это никто не намерен.

Когда слышатся разговоры об «активной деятельности» уйгурских организаций, и тем более их массовой поддержке со стороны проживающих на территории Казахстана уйгуров, нужно отдавать себе ясный отчет в том, что каждым из «говорунгов» преследуются совершенно конкретные цели. Для лиц, вовлеченных в деятельность Всемирного Уйгурского Конгресса (ВУК) (а таких в Казахстане единицы), – это шанс продемонстрировать свою информированность и значимость, лишний раз заявить о себе как о человеке, входящем в «координационный центр» мирового уйгурского движения. Для представителей оппозиции и правозащитников – возможность напомнить о себе и высказать критические замечания в адрес политического режима. Для лидеров некоторых уйгурских организаций – возможность лишний раз отметить себя как в среде западных правозащитников, так и у руководства ВУК.

Реальность же гораздо банальнее – если исключить довольно редкие материалы по действительно актуальным вопросам развития уйгурского этноса, основу деятельности уйгурских организаций составляет организационная поддержка личного бизнеса их лидеров и удовлетворение их тщеславия и амбиций, что не имеет ничего общего ни с мировым уйгурским движением, ни с проблематикой «уйгурского вопроса» в Казахстане.

Во-вторых, эта оценка не снимает с повестки дня актуальность изучения уйгурских организаций как социального и внешнеполитического феномена. Хотим мы того или нет, но содержание «уйгурской проблемы» в государствах Центрально-Азиатского региона всегда будет сводиться не только к рассмотрению настроений в уйгурской среде, но и к оценке деятельности уйгурских организаций, расположенных на территории этих государств; особенностей вовлечения в эту деятельность новых социальных групп; выявления специфики их участия в «борьбе за независимость Синьцзяна».

В-третьих, любого рода фобии – явление не очень хорошее. Но если они существуют, необходимо разбираться в причинах их возникновения. «Уйгурофобия» порождена как объективными, так и субъективными обстоятельствами, и начинать здесь необходимо с оценки специфики поведения самих уйгуров. Однако нельзя не признать и того факта, что специфика этого поведения как раз и есть ответная реакция на периодические всплески «уйгурофобии», которые порой сознательно создаются органами местной власти и управления с целью поставить в отчетах очередную «галочку», либо просто «половить рыбку» в мутной воде.

И здесь необходимо напомнить, что политизация этничности у уйгуров связана, в первую очередь, с проблемами, которые ощущает этнос в местах постоянного проживания, и уже во вторую – с происходящими в СУАР событиями. И то обстоятельство, что в последнее время они начали включаться в движение за создание суверенного уйгурского государства в Синьцзяне (пока только идеологически) – вполне закономерная реакция не только на издержки национальной и кадровой политики в Казахстане, но и на периодически возникающие волны «уйгурофобии».

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

ЛИ СИН

Декан факультета международных отношений, профессор Института политической науки и международных отношений Пекинского педагогического университета, заведующий исследовательским центром по вопросам СНГ (Пекин, Китай)

Энергетическая политика КНР и реформы

После образования КНР учреждались и упразднялись многочисленные государственные учреждения, осуществляющие управление в сфере энергетики. На 1993-й год пришлось ликвидация Министерства энергетики КНР. Первостепенная и решающая роль в процессах, протекающих внутри страны и за ее пределами и относящихся к сфере нефти и газа, была отведена трем государственным корпорациям: CNPC (Национальная нефтяная корпорация Китая), Sinopec (Национальная нефтяная и химическая корпорация Китая) и CNOOC (Национальная оффшорная нефтяная корпорация Китая).

Энергетическая безопасность для Китая означает, прежде всего, приоритетность развития внутренних ресурсов. Но под давлением растущей необходимости импорта нефти уже в 1999 г. Центральный Комитет КНР провозгласил стратегию «выхода вовне» (*zou chu qu*), которая включала в себя поощрение зарубежных инвестиций предприятий, а также либерализацию системы управления и финансового режима^[1]. Внедрение подобных механизмов и привлечение корпораций к рынку ценных бумаг в Гонконге и Нью-Йорке дало возможность проводить довольно активную конкурентоспособную инвестиционную политику в других странах.

Зарубежная деятельность корпораций полностью опирается на применение рыночных механизмов. Она принципиально созвучна позиции Китая – исключить ставшую традиционной формулу «нефть-политика-большая игра» в нефтяной политике Китая. Подчеркнем, что этот подход ни в коем случае не означает исключения дипломатии энергоносителей или нефтяной дипломатии. Более того, в основе успеха сотрудничества КНР с другими странами в сфере энергетики лежат, прежде всего, дипломатические усилия.

Наличие государственной поддержки и средств дало возможность корпорациям проявить дополнительную гибкость в переговорных и ценовых действиях за рубежом. За короткий период объем и география инвестиций корпораций значительно расширились, охватывая в некоторых случаях регионы, находящиеся под контролем западных корпораций. При этом следует иметь в виду, что эти компании и Китай в целом столкнулись с проблемой поиска зарубежных источников энергоносителей в условиях уже сложившейся и действующей системы, находящейся под влиянием западных нефтяных корпораций. Для китайских предприятий, оказавшихся в своего

[1] Xu Xiaojie. Chinese NOCs' Overseas Strategies: background, comparison and remarks. The James A. Baker Institute for Public Policy. Rice University. USA. March 2007. http://www.bakerinstitute.org/programs/energy-forum/personnel/staff/Master_CV_XiaojieXu.pdf

рода периферийной ситуации, одним из основных путей поиска своего места на внешнем рынке стало ярко выраженное применение ценовой политики.

Во внешних аспектах энергетической стратегии китайских корпораций проявилось явно гипертрофированное беспокойство, что внушительный рост потребности КНР в энергоносителях и проводимая этой страной торгово-энергетическая политика могут поставить под угрозу всемирную энергетическую безопасность и, в частности, энергетическую безопасность США. В действительности же, несмотря на впечатляющий прогресс, добыча нефти китайскими корпорациями за рубежом составляет менее 2% продаваемой в мире нефти. При этом она в основном продается за рубежом, что обеспечивает корпорациям более высокую прибыль. По разным оценкам, всего 40-45% добываемой ими нефти импортируется в Китай.

Стратегия энергетической безопасности КНР

Основой решения проблем и противостояния существующим вызовам в сфере обеспечения энергетической безопасности Китая является разработка и внедрение оптимальных механизмов контроля над растущим спросом и государственного управления, адекватного нынешней ситуации. Под воздействием резкого роста нехватки энергоресурсов, появившейся в 2003-2004 гг. (объем импорта нефти в 2004 г. по сравнению с 2002 г. вырос почти на 67%), правительство КНР учредило Государственную группу управления энергоресурсами, которую возглавил премьер-министр Китая^[2]. Основной задачей Группы была разработка энергетической стратегии КНР, политики развития сферы и оптимизации использования энергии, а также обеспечения энергетической безопасности страны и международного сотрудничества. В декабре 2007 г. Группой был опубликован документ «Белая книга энергии КНР» и проект «Закона КНР об энергии», который был вынесен на всенародное обсуждение^[3]. Закон вступил в силу в 2009 г. По всей вероятности, будет учреждено министерство, в котором будут сосредоточены все управление энергетической сферой Китая, а также разработка и реализация внутренней и внешней политики, относящейся к данной сфере. Создание такого централизованного органа неотложно и крайне своевременно, поскольку стратегические проблемы государственного уровня и вопросы противодействия вызовам полностью станут объектом государственной политики, и не будут затрагивать рыночные функции корпораций, хотя бы и государственных.

Спрос Китая на зарубежные энергоносители тесно взаимосвязан с внутренней политикой в энергетической сфере. Стратегия энергетической безопасности включает в себя, прежде всего, повышение эффективности сохранения и использования энергии,^[4] оптимизацию спроса и структуры энергетической сферы, охрану окружающей среды и использование новых альтернативных и возобновляемых энергоресурсов, создание стратегического нефтяного резерва^[5].

Внешнеполитическая функция энергетической стратегии опирается на укрепление международного сотрудничества и на диверсификацию источников поставки энергоресурсов.

[2] Xuecheng Liu. China's Energy Security and Its Grand Strategy. The Stanley Foundation. USA. September 2006.

<http://www.stanleyfoundation.org/publications/pab/pab06chinasenergy.pdf>

[3] White paper: China's Energy Conditions and Policies. Information office of the State Council of the PRC. December 2007. <http://www.china.org.cn/english/whitepaper/energy/237089.htm>

[4] В 2006 г. на 10000 долл. США ВВП (в сопоставимых ценах) в КНР затрачивалось в 4,7 раза больше энергии, чем в США и в 3,5 раза больше, чем по среднемировому показателю. Предусматривается в 2010 г. этот показатель сократить на 20 %. Вопрос повышения эффективности энергии имеет фундаментальное значение и является предметом особого внимания. (Cheng-Shin Ouyang. Primary Energy Imbalance and China's Responses: with Special Reference to Oil Industry. CIER, 2008-3-25. <http://www.cier.edu.tw/ct.asp?xItem=9123&ctNode=12&mp=1>)

[5] В 2005 г. КНР обладала резервным запасом всего на 30 дней, тогда как стратегического нефтяного резерва, например, США, Японии, Германии и Франции, хватит соответственно на 158, 169, 127 и 96 дней. КНР приняла решение создать 4 новых хранилища, которые, в конечном счете, обеспечат потребности Китая в течение 90 дней 2007 г. (Cheng-Shin Ouyang. Primary Energy Imbalance and China's Responses: with Special Reference to Oil Industry. CIER, 2008-3-25. <http://www.cier.edu.tw/ct.asp?xItem=9123&ctNode=12&mp=1>)

В настоящее время около 44% нефти Китай импортирует с Ближнего Востока, 32% – из Африки, порядка 13% – из России, 4% – из Казахстана и 7% – из других стран. Нынешняя география импорта приводит к уязвимости почти 80% всего объема импортируемой КНР нефти, так как она поступает морскими путями, контролируруемыми другими странами и проходящими через Малаккский пролив, вследствие чего обеспечение безопасности доставки нефти становится первоочередной задачей. Более того, около 90% импорта нефти морским путем осуществляется танкерами, принадлежащими другим странам. Начавшаяся в 2003 г. война в Ираке оказала существенное влияние в отношении существующих и потенциальных вызовов нефтяной безопасности Китая, а также географии внешней энергетической политики и выявления изъянов доставки. Качественные изменения в балансе сил и возможное дальнейшее усиление факторов нестабильности на Ближнем Востоке и в Персидском заливе привели к необходимости принятия и применения Китаем превентивной стратегии. Она естественным образом привела к осознанию необходимости возможного сокращения – благодаря диверсификации источников поставки энергоресурсов – объемов импорта из ближневосточного региона и объемов доставки нефти морскими путями, неконтролируемыми Китаем.

В свете вышеизложенного становится ясно, что доставка энергоносителей из Средней Азии и РФ по трубопроводам имеет для Китая значение жизненной необходимости. При этом динамика событий в энергетическом сотрудничестве Китая в каспийском регионе и с Россией имеет внутреннюю логику и определенные различия^[6].

Значимость каспийских энергоносителей и нынешняя ситуация с ними

Благодаря представлению чрезмерно завышенных данных по результатам произведенных в 1970-х гг. разведывательных работ, в начале 1990-х гг. удалось сформировать атмосферу крайней уверенности в том, что по своим запасам энергоносителей бассейн Каспия может конкурировать с ближневосточным регионом и даже заменить последний по своей значимости. Подписанный в начале 1994 г. так называемый «контракт века» между Азербайджаном и английской корпорацией British Petroleum положил начало геополитическому соперничеству в бассейне Каспия, которое впоследствии получило наименование «Новой большой игры». «Новая большая игра» ознаменовалась, прежде всего, обилием вовлеченных игроков, глобализацией экономики и обеспокоенностью возможной будущей нехваткой энергоресурсов, а также совершенно новым качеством силовых центров. Провозглашенная лидерами региона открытая инвестиционная политика сделала бассейн Каспия более привлекательным для западных корпораций, и они, очевидно, быстро завоевали ведущие позиции при разделе энергоресурсов региона, особенно нефти. Последующие исследования опровергли значимость бассейна Каспия в плане замены ближневосточного региона, одновременно обосновав важность региона с точки зрения диверсификации источников энергоносителей, что крайне актуально из-за соображений обеспечения энергетической безопасности^[7].

Нынешняя важнейшая особенность каспийского региона, находящегося вдали от морских транспортных путей, – это конкуренция маршрутов трубопроводов или, что то же самое, геополитическая конкуренция трубопроводов. Начало этой конкуренции было положено появлением проблемы

[6] Li Xing, Hayk Martirosyan. The analyses of nationalism and Russian East Asia Resource Diplomatic Strategy// Russian Studies. East China Normal University. Shanghai. May 2007.

[7] Подтвержденные запасы нефти в регионе составляют более 4% мировых запасов (Азербайджан – 0,6%, Казахстан – 3,3%, Туркменистан и Узбекистан – 0,06%). Запасы природного газа составляют более 5% (Азербайджан – 0,8%, Казахстан – 3,1%, Туркменистан – 3% и Узбекистан – 1%).

маршрута нефтепроводов (Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД)), и она стала еще более драматичной применительно к газопроводам.

Ограниченность запасов и добычи энергоносителей, обилие внешних игроков, заинтересованных в их транспортировке, а также заинтересованность стран каспийского региона в диверсификации маршрутов транспортировки привели к излишней напряженности в конкуренции, что с особой остротой проявляется в реализации проектов России и Запада. В настоящее время свыше 15% энергетического экспорта РФ составляет транзит энергоносителей из стран каспийского региона, включая 84% всего объема экспортируемой из Казахстана нефти и 75% газа, экспортируемого из Туркменистана^[8]. Каспийские энергоносители и контроль над их транспортировкой имеют стратегическое значение в нынешней энергетической геополитике России, и РФ приложит максимум усилий для сохранения своих преимуществ. В случае реализации договоренностей, достигнутых между РФ и среднеазиатскими странами, параллельно с увеличением объемов добычи нынешние абсолютные объемы энергоносителей, транспортируемых транзитом, могут возрасти втрое благодаря увеличению пропускной способности существующих трубопроводов и строительству новых (например, «Южный поток»). Гибкая политика, проводимая в последнее время РФ по применению системы европейских цен на энергоносители, и геополитическое влияние РФ в Средней Азии значительно повысили вероятность реализации этих договоренностей.

Главной особенностью западных трубопроводных проектов (БТД и Набуко) является их неадекватное экономическое обоснование, даже с точки зрения выбора маршрутов, вследствие чего геополитические аспекты становятся в них первостепенными. Со дня появления соответствующей идеи эти проекты «работают» в качестве геополитического замысла, независимо от того, материализуются ли они на практике (БТД) или так и останутся просто идеей. Экономическое обоснование этих проектов предполагает также взаимодействие и взаимосвязь энергоносителей Южного Кавказа и Средней Азии, что в плане геополитических структурных изменений приводит к тезису о том, что эти два региона будут выступать в качестве единой структуры. Как следствие, появляется необходимость строительства транс-каспийских трубопроводов, а также их зависимость – по причине ограниченности энергоресурсов – от реализации трубопроводных проектов, имеющих иную, незападную направленность. В результате этого существенно снижается степень реализуемости этих проектов (Набуко) или целесообразность долгосрочной эксплуатации^[9].

Очевидность геополитических компонентов в западных энергетических проектах из-за конкуренции с Россией привносит элемент противостояния, вследствие чего проекты транспортировки ограниченных в своем количестве энергоносителей по другим направлениям в определенном смысле аналогичны конкуренции РФ с западным направлением. В этом смысле – и в сочетании с другими факторами – Россия демонстрирует определенное понимание и неконфронтационность к интересу Китая к среднеазиатским энергопроектам, в отличие от заинтересованности западных стран.

Энергопроекты КНР и ее стратегия энергетической безопасности в Центральной Евразии

В условиях наличия высокой степени зависимости от традиционных центров производства энергоносителей и отсутствия уверенности в обеспечении безопасности их транспортировки значимость для Китая энергоно-

[8] Li Xing, Hayk Martirosyan. The analyses of nationalism and Russian East Asia Resource Diplomatic Strategy// Russian Studies. East China Normal University, Shanghai, May 2007.

[9] Например, дальнейшая эффективная эксплуатация БТД после 2011 г. – в сочетании с сокращением добычи нефти в Азербайджане – предполагает значительные поставки нефти с кашаганского месторождения в Казахстане, что трудно реализовать, используя только танкеры.

сителей каспийского региона, и главным образом – среднеазиатских, становится жизненно важной. Интерес Китая к Центральной Азии естественен вследствие географического фактора, а экономическое развитие сопредельных стран в регионе и сохранение стабильности в них имеют фундаментальное значение с точки зрения обеспечения экономического прогресса и укрепления безопасности КНР. В плане формирования отношений дружбы и стабильного, доверительного и эффективного сотрудничества со странами региона Китай действительно приложил максимальные усилия в рамках двусторонней и многосторонней дипломатии. Прогрессу этого сотрудничества в значительной мере содействует также развитие отношений дружбы и взаимного доверия и с РФ, а также усилия, прилагаемые для обеспечения гармонии в региональном сотрудничестве.

Первые обсуждения сотрудничества в сфере энергоносителей начались в 1993 г. – с Казахстаном. Впоследствии китайские корпорации приложили серьезные усилия для налаживания сотрудничества и в других странах.

В Азербайджане китайские корпорации участвуют в разработке шести нефтяных месторождений на суше, в которых суммарный объем долевого участия китайской стороны составляет в целом 87 млн. тонн. Данное количество может удовлетворить всего лишь 6-месячный спрос в нынешних масштабах импорта КНР. Несмотря на настойчивые усилия, прилагаемые китайскими корпорациями, им никак не удалось принять участие, как в трубопроводных проектах, так и в разработках шельфовых месторождений основных энергоресурсов Азербайджана.

Успех энергосотрудничества Китая в регионе опирается на позитивные достижения в сотрудничестве со среднеазиатскими странами. Эти достижения в основном являются результатом двусторонних и многосторонних дипломатических усилий, предпринятых на высоком уровне. В настоящее время китайские корпорации в среднеазиатских странах участвуют почти в тридцати проектах, включая проекты поисковых. Самые большие инвестиции корпорациями были сделаны, конечно же, в Казахстане. Добыча нефти корпорацией CNPC в разрабатываемых месторождениях в Казахстане, в том числе и PetroKazakhstan,^[10] в 2007 г. составила 18,6 млн. тонн, а газа – 4 млрд. куб. м. Самый большой успех энергосотрудничества – строительство нефтепровода Казахстан-Китай (НКК) и газопровода Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай (Трансазиатский газопровод – ТАГ), которые являются приоритетом в стратегии обеспечения энергетической безопасности КНР.

В 2008 г. начался второй этап строительных работ на нефтепроводе Казахстан-Китай, который охватывает 700-километровый участок Кенкияк-Кумкол и посредством которого сданный в эксплуатацию в конце 2005 г. нефтепровод Атасу-Алашаньюку будет соединен с богатыми нефтяными месторождениями участком казахского сектора Каспийского моря. В 2011 г. общая протяженность НКК составит 3000 км при пропускной способности 20 млн. тонн в год^[11].

ТАГ начинается в пограничном с Узбекистаном районе Гедиан в Туркменистане, где CNPC единолично распоряжается месторождением с запасами газа в 1,3 трлн. куб. м, проходит по территории Узбекистана (525 км) и Казахстана (1293 км) и пересекает границу КНР в Хоргосе в провинции Синьцзян. ТАГ представляет собой две параллельно идущие ветки трубопровода, каждая диаметром 1067 мм. Согласно договору, пересмотренному в августе 2008 г., вместо 30 млрд. куб. м по газопроводу будет перекачиваться 40 млрд.

[10] PetroKazakhstan является самым большим достижением CNPC в регионе.

[11] Susann Handke. Securing and Fuelling China's Ascent to Power: The Geopolitics of the Chinese-Kazakh Oil Pipeline. Clingendael International energy programme. Netherlands Institute of International Relations Clingendael. August 2006. http://www.clingendael.nl/publications/2006/20060900_ciep_paper_handke.pdf
http://www.clingendael.nl/publications/2006/20060900_ciep_paper_handke.pdf

куб. м туркменского газа. Общий объем инвестиций в строительство газопровода составил 7,31 млрд. долл. Протяженность ТАГ-а на территории Китая составит свыше 7000 км. Работы начались в середине 2007 г. и должны окончательно завершиться в 2012 г. Поставки первой очереди газа объемом 3-5 млрд. куб. м начнутся с декабря 2009 г. С политико-дипломатической точки зрения, главная особенность ТАГ-а – это объединение усилий высшего руководства четырех стран: он является плодом исключительно гармоничного и тесного сотрудничества.

Степень обеспечения безопасности двух трубопроводов сопоставима с уровнем обеспечения стабильности среднеазиатского региона, и все существующие, а также потенциальные вызовы (возможные межэтнические столкновения, угроза исламского экстремизма, терроризма и т. д.) могут обернуться определенным воздействием и последствиями в вопросе безопасности трубопроводов, как в среднеазиатском регионе, так и в автономной провинции Синьцзян в КНР. Полиэтнический состав провинции и этнокультурная и религиозная общность большинства ее жителей с жителями среднеазиатского региона повышают вероятность проникновения из Средней Азии в Синьцзян возможных проявлений того, что по региональным критериям является нестабильностью. Вследствие стратегического положения и значимости этой провинции обеспечение ее экономического развития и стабильности становится важнейшей задачей для правительства КНР. Широкомасштабные инвестиции в сферу энергетики Синьцзяна и региональная экономическая интеграция могут существенно улучшить социально-экономическую ситуацию в провинции. В этом смысле проблемы безопасности и устойчивого развития среднеазиатского региона имеют первоочередную и стратегическую значимость для Китая.

Эффективным механизмом гармоничного и стабильного сотрудничества между странами региона и РФ является Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС). Проблемы укрепления сотрудничества и обеспечения безопасности в энергетической сфере изначально являются первоочередными для стран-членов организации. Несмотря на то, что ШОС не является военной организацией и не станет таковой в будущем, тем не менее, она имеет необходимый потенциал для предотвращения политическими и дипломатическими средствами возможного изменения баланса сил в регионе, а также для достижения разработки необходимых механизмов обеспечения безопасности. Единственный действующий на сегодняшний день военный механизм по обеспечению региональной безопасности – Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что дает возможность предположить необходимость обеспечения сотрудничества между ШОС и ОДКБ в случае серьезной угрозы нестабильности.

Выводы

Задача удовлетворения постоянно возрастающего спроса на энергию как естественного следствия непрекращающегося впечатляющего экономического роста является безусловным приоритетом для Китая, и в плане решений правительство Китая продвигается, прежде всего, по пути максимального использования внутренних ресурсов и оптимизации сферы управления. Ограниченность внутренних ресурсов нефти и природного газа и быстрый рост спроса на них привели к усиливающейся зависимости от импорта энергетических ресурсов, находящихся под внешним контролем, что непосредственно затрагивает национальную безопасность КНР и предполагает проявление адекватной вовлеченности Китая. Импортированное количество энергии Китая не зависит от мировой цены нефти и природного газа, а зависит от потребительной возможности Китая. Нынешняя геогра-

фия импорта оборачивается ввозом подавляющей части импорта энергоносителей морскими путями, не контролируемые Китаем, а с точки зрения безопасности – они уязвимы. Принимая во внимание то обстоятельство, что в ближайшем будущем Китай не сможет достичь приемлемого уровня обеспечения безопасности этих морских путей, вопрос диверсификации источников поставки энергоресурсов становится для КНР приоритетом фундаментальной значимости, а транспортировка каспийских энергоносителей по трубопроводам – важным приоритетом. Китайская пословица: «Далекие родные не лучше чем близкие соседи». 14 декабря 2009 г. китайский государственный лидер Ху Цзиньтао и государственные лидеры стран Центральной Азии (Казахстана и Узбекистана и Туркменистана) участвовали в церемонии открытия газопровода, который проходит из Центральной Азии в Китай.

Ограниченность запасов и добычи энергоносителей в каспийском регионе, очевидность геополитических компонентов в западных энергетических проектах привели к излишней напряженности в конкуренции, что с особой остротой проявляется в реализации проектов России и Запада, в результате чего проекты транспортировки ограниченного количества энергоносителей по другим направлениям в определенном смысле аналогичны конкуренции РФ с западным направлением. В этом смысле – и в сочетании с другими факторами – Россия демонстрирует определенное понимание и неконфронтационность к интересу Китая к среднеазиатским энергопроектам, в отличие от заинтересованности западных стран.

Конечно, Россия не рада, что влияние Китая в ЦА повышается, но приемлемо. Потому что, со стратегической точки зрения, Китай – партнер России, а не соперник. Приложенные КНР двусторонние и многосторонние дипломатические усилия в плане формирования отношений дружбы и стабильного, доверительного и эффективного сотрудничества с Россией и со среднеазиатскими странами привели к успехам, имеющим фундаментальную значимость, особенно в плане обеспечения экономического сотрудничества, стабильности и безопасности в регионе. Два трубопровода, идущих в Китай из Средней Азии, имеют стратегическое значение для энергообеспечения Китая, а также и для всего комплекса энергетических проектов, осуществляемых в каспийском регионе.

ОГРАНИЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И ИНДИИ

СВАРАН СИНГХ

Доктор философии (JNU), профессор, председатель Центра международной политики, организации и разоружения (CIPOD), Школы международных исследований при Университете Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия)

Нынешний глобальный экономический кризис предлагает Китаю и Индии исторические возможности продвинуть свои позиции в международной системе. Все растущее признание роли этих стран в международных академических дискуссиях, а также признание на недавних саммитах группы G20 являются причиной, а также следствием их расширяющихся взаимных экономических обязательств. Однако объемы приграничной торговли между странами резко упали с 52 млрд. долл. в 2008 г. до 43 млрд. долл. в 2009 г. Это явилось результатом растущего дефицита торгового баланса, крайне низкого уровня взаимных инвестиций, неактивной приграничной торговли и вялых приграничных переговоров – все ссылаются на свою недооценку систематически возникающих проблем, которые угрожают подорвать эту самую надежную опору сближения. Все это требует более глубокой и срочной экспертизы структурных «узких мест», для того чтобы обеспечить их непрерывное стабильное экономическое взаимодействие, что особенно важно в том случае, если Китаю и Индии придется сыграть ключевую роль в региональной и глобальной экономической стабилизации и экономическом подъеме. Такой исход тесно переплетается с их собственным мирным подъемом, как главных участников стремительно меняющейся международной системы.

Китай и Индия еще потрясут мир. Население этих двух стран составляет 40% населения земного шара. Обе страны имеют самые быстро растущие экономики мира: в Китае экономический рост составляет 8-10%, в Индии этот показатель составляет 6-7%. Китай и Индия учатся не только у Японии и новых индустриальных стран Азии, но и у экономически продвинутых стран планеты.^[1]

Говорят, что поздние 1980-е гг. стали свидетелем устаревшей и идеологически изжившей себя политики, которая давила на Восточную Европу по главе с бывшим Советским Союзом. В конце 1990-х гг. жажда нерегулируемой свободной рыночной экономики западных стран ставила их политическое существование под угрозу. Десять лет спустя – в 2009 г. – не только компании, но даже такие страны как Исландия объявлялись банкротом, а несколько крупных игроков глобальной экономики переживали депрессию, рецессию, спад и стагнацию. Именно в этом контексте и западная и восточная модели экономики демонстрируют, что страны группы G7 (которая позже стала G8 с присоединением России и которая кооптировала появление новых экономик Китая, Индии, Бразилии, Мексики и Южной Африки в качестве O5) теперь зависят от этих формирующихся экономик, особенно Китая и Индии, чтобы обезопасить себя от беспрецедентного скольжения в бездонную трясиину в процессе развития.

[1] Lee Kuan Yew, (2005), Minister Mentor, former Prime Minister of Singapore, at the inauguration of the Lee Kuan Yew School of Public Policy, April 2005.

Это только усугубляет тенденцию, при которой в последние годы экономическое сотрудничество Индии и Китая стало основным вопросом международных публикаций и дискурсов^[2]. Недавние встречи G20 принесли более широкое признание этим двум развивающимся экономикам Азии. В то время как ведущие индустриальные страны фиксируют отрицательный рост, высокие показатели роста в Индии и Китае лишь незначительно изменились. В этом заключается возможность для Индии и Китая сыграть свою роль в выведении мира из этой трясины. В этом также заключается возможность для обеих стран предъявить свои права на большее участие в мировой политике, которая должна основываться на их возросшем авторитете и силе.

Но для того чтобы это произошло, обе страны должны, в первую очередь привести свои дела в порядок. Обе страны должны гарантировать, что «незначительные» вопросы не станут причиной «наихудших» ответов. Запрет в Индии на китайские игрушки, молочные продукты и мобильные телефоны в июне 2009 г., например, спровоцировал спекуляцию вокруг торговой войны между Нью-Дели и Пекином^[3]. Учитывая их сложные исторические уравнения, их продолжающееся крепкое двустороннее взаимодействие является необходимым условием для дальнейшего сотрудничества этих двух держав на международной арене. В сравнении с Индией, Китай уже уделяет внимание решению глобального экономического кризиса. Например, предложение Китая заменить американский доллар как глобальный резерв альтернативной валютой застигло Индию врасплох^[4]. Именно в этом контексте, в контексте вызова и надежды, в настоящей статье делается попытка охарактеризовать стратегическую значимость экономического сотрудничества Индии и Китая, а также обозначить и изучить его основные ограничения, которые требуют немедленного решения.

Двустороннее сотрудничество: оплот прочности

Двусторонняя торговля Индии и Китая рассматривается как наиболее приемлемый и надежный стержень взаимного сближения^[5]. По мнению экспертов, такое сближение, основанное на торговле, кардинально изменило их отношения, и эти «существенные, коренные и продолжающиеся изменения составляют среду, в которой отношения между Индией и Китаем в настоящий момент перестраиваются и обновляются, отражая меняющийся внутренний, региональный и глобальный контексты, или, другими словами, перцептивные и парадигматические трансформации»^[6]. Это должно содействовать их способности координировать свои стратегии в целях минимизации влияния глобального финансово-экономического кризиса. Чтобы вкратце объяснить прочность их двусторонней торговли, необходимо подчеркнуть ее значимость в развязывании позитивных тенденций в состоятельности их отношений.

[2] Fleisher, Belton M., Nicholas C. Hope, Anita Alves Pena and Dennis Tao Yang (Eds), *Policy Reforms and Chinese Markets: Progress and Challenges* (Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Company, 2008), pp. 125–58.

Fujita, Masahisa, (Ed.), *Economic Integration in Asia and India*, (New York: Palgrave Macmillan, 2008) See Introduction Chapter, pp. xiv–xvi.

Hoffman, W John, and Michael J. Enright (Eds), *China into the Future: Making Sense of the World's Most Dynamic Economy* (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008), pp. 1–60.

Mahtaney, Piya, *India, China and Globalization: The Emerging Superpowers and the Future of Economic Development*, (New York: Palgrave Macmillan, 2007).

[3] Manthorpe, Jonathan, 'China-India trade war looms', *The Vancouver Sun*, 16 February 2009 at <http://www2.canada.com/vancouver/news/editorial/story.html?id=e4e18d64-3b0c-473a-ab49-d8965f63f44c> 2009. Accessed on 26 February 2010.

Singh, Madhur, 'India Launches a Toy Trade War With China', *Time* (New York), 6 February 2009, at <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1877543,00.html> 2009. Accessed on 26 February 2010.

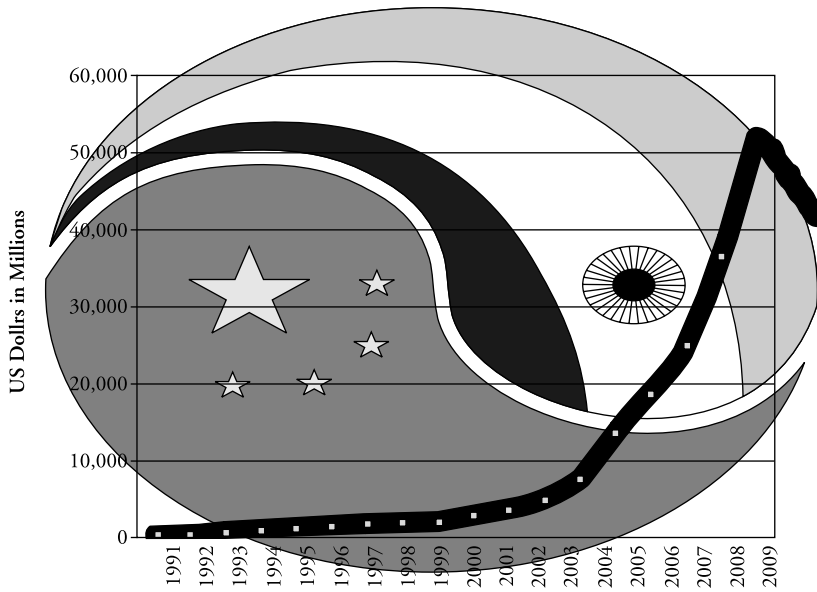
[4] Jacques, Martin, 'Great Shift in global power hits high gear', *The Hindu* (New Delhi), 21 April 2009. P. 9.

[5] Singh, Swaran, *China-India Economic Engagement: Building Mutual Confidence*, (New Delhi: Centre de Sciences Humaines, March, 2005), pp. 1–205.

[6] Acharya, Alka, 'The Strength of Weakness: The Context and Construction of Chinese Foreign Policy', in Maharajakrishna Rasgotra (Ed.), *The New Asian Power Dynamic* (New Delhi: Sage, 2007), p. 40.

Двусторонняя торговля между Индией и Китаем в настоящее время демонстрирует значительные сдвиги (График 1) Если в 1991 г. объем двусторонней торговли составлял 225 млн. долл., и едва вырос до 1,9 млрд. долл. в 2009 г., то в 2008 г. он составил уже 52 млрд. долл.^[7]. Этот экспоненциальный рост в последнем десятилетии после ядерных испытаний Индии, делает Китай вторым по величине торговым партнером Индии, почти заменяя США в качестве крупнейшего торгового партнера этой страны^[8].

China-India Bilateral Trade, 1991-2009

Еще неясно, насколько этот рост связан с ядерными испытаниями 1998 г., но сама природа индийско-китайских отношений с тех пор изменилась. В целом, обе стороны неоднократно демонстрировали, насколько успешно они достигли консенсуса в усмирении своих исторических и двусторонних вопросов, не позволяя им разрушить их растущую вовлеченность и развитие взаимовыгодных политик и региональных инициатив. Что касается изменения основ политики Индии в отношении Китая, такая расширяющаяся двусторонняя торговля добавила, несомненно, несколько положительных элементов в индийско-китайское равенство. К их числу относятся мелкие и небольшие бизнес-путешественники, туристы, исследователи Китая, а также более 8 тыс. индийских студентов, обучающихся в различных университетах Китая.

В результате, традиционные вопросы о подозрительности Индии по поводу «особых отношений» между Китаем и Пакистаном практически перестали упоминаться в дискуссиях Индии и Китая. С другой стороны, с тех пор Индия и Китай решили расширить свое «конструктивное стратегическое партнерство» в целях разработки совместных стратегий по разрешению региональных и глобальных вопросов. Это привело к тому, что Индия стала наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества, в то время как Китаю был предложен пост в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК).

[7] Zhang, Yan, 'Remarks of HE Mr Zhang Yan, Chinese Ambassador at ICEC Conference', April 2, <http://www.chinaembassy.org.in/eng/sgxw/1555811.htm> 2009. Accessed on 26 February 2010.

[8] Торговля Индии с Европейским союзом также превышает торговлю с Китаем, за исключением того, что ЕС не может считаться одним отдельным государством.

Именно в этот критический момент глобальный экономический спад позволил и Индии и Китаю принять на себя новые обязательства по решению глобальных проблем. Однако необходимо провести четкие границы между реальностью и риторикой для получения более точной картины. Помимо этого, существует настоятельная необходимость в изучении того, как двусторонняя торговля Индии и Китая незаметно скатывается к аналогичному спаду, а также необходимо рассмотреть некоторые из его основных ограничений, которые должны быть поняты и решены обеими сторонами.

Ограничение двусторонней торговли между Индией и Китаем

Для того чтобы двусторонняя торговля осталась таким же положительным фактором, создающим благоприятную атмосферу для решения сложных политико-стратегических загадок, Индия и Китай должны сконцентрировать свои усилия на устранении основных препятствий к росту торговли, а также попытаться предсказать трудности, которые, возможно, возникнут в будущем, что могло бы стать существенной предпосылкой в их способности играть ключевую роль в решении глобального экономического кризиса.

Во-первых, двусторонняя торговля с Индией была известна когда-то как самая сбалансированная среди торговых отношений Китая, охватывающих обмен товарами и услугами, а также способность покупки-продажи в одинаковой мере, что предполагало доверие и мощный потенциал и обещало активное экономическое взаимодействие. Данная картина с тех пор все более искажалась с торговым дефицитом Индии, которая превысила показатель в 10 млрд. долл. в 2007 г., что стало причиной многочисленных просьб со стороны индийских производителей о введении нетарифных барьеров в отношении китайского импорта, что в будущем предвещало спад в темпах роста торговли.

Одной из главных причин вышеупомянутого растущего дефицита Индии является природа ее экспорта. Ведь сырье является основной статьей экспорта этой страны – в 2007 г. железная руда составила около 53% всего экспорта Индии в Китай. Резкое падение цен на сталь в мире и снижение спроса в Китае после завершения строительства дамбы «Три ущелья» и Олимпийских Игр – все это было направлено на то, чтобы выкачать этот железный компонент из индийского экспорта в Китай. Экспорт морских продуктов, масличных семян, соли, неорганических химических веществ, пластика, каучука, оптических и медицинских оборудований и молочных продуктов из Индии в Китай не показали необходимого роста. В то же время, некоторые эксперты продолжают винить проблему слабых мест в матрице спроса и предложения. Согласно отчету об экономическом сотрудничестве в 2007 г., подготовленного Группой изучения Китая и Индии, торговля услугами и знаниями имеет огромный потенциал для роста в сфере биотехнологий, IT и ITES, здравоохранения, образования, туризма и финансов. Но в связи с интересом Китая в развитии ядерного сотрудничества с США, правление Объединенного прогрессивного альянса Индии практически прекратило все свои отношения с Китаем с июля 2005 г.

В свою очередь, в экспорте Китая в Индию все больше доминируют различные товары с добавленной стоимостью, включая машины, электрические машины, которые вместе составляют около 36% экспорта. Среди 15 основных высокотехнологичных товаров китайского экспорта в Индию был отмечен рост в 29% на органические химические вещества и в 219,89% – на железную руду и сталь. В отличие от Китая, Индия смогла лишь немного добавить в стоимость в экспорте своей продукции.

Взаимный скептицизм все еще продолжает омрачать любые попытки решения существующих проблем, включая вопрос повышения качества индийского экспорта в Китай посредством расширения экспорта отечественных товаров и услуг. Во время Дохийского раунда и многочисленных переговоров в рамках ВТО и Индия и Китай, казалось, работали во впечатляющем взаимодействии. Однако, несмотря на то что, стороны придерживаются политики невведения каких-либо количественных ограничений на взаимную торговлю, проблема китайского демпинга продолжает создавать трудности. Так, например, за период с 1993 по 2006 г. Индия подала 92 антидемпинговых заявления против Китая^[9]. И это несмотря на то, что Индия признает Китай как страну со свободной рыночной экономикой. Введение в Индии запрета на импорт кукол китайского производства в 2008 г. стало главным политическим обменом мнениями, которое продемонстрировало недостаток доверия между ними и насколько неглубоко их дружелюбие.

С самого начала приграничная торговля между Индией и Китаем была представлена правильно, как мощнейший инструмент укрепления взаимного доверия и создания благоприятного климата для приграничных переговоров. В связи с тем, что граница между Китаем и Индией вызывает много споров и остается трудноразрешимой задачей, было заявлено, что приграничная торговля должна рассматриваться не с точки зрения ее статистической значимости, а в качестве меры доверия, ведущей к изменениям в жизни и восприятию людей, населяющих отдаленные и изолированные приграничные регионы Индии и Китая. Было подчеркнуто, что существует острая необходимость в повышении взаимного доверия и, следовательно, сокращения расходов на управление границами и обеспечения безопасности за определенный период времени. Некоторые из этих заявлений почти реализовались, тем не менее, приграничная торговля остается непропорционально низкой в сравнении с официальными прогнозами.

В 1991-1992 гг. открылись первые два пункта приграничной торговли в индийских штатах Уттаракханд (которая позже присоединилась к штату Уттар Прадеш) и Химачал Прадеш. Эти пункты были нацелены в основном на содействие передвижению паломников в Мансаровар и Кайлаш; учитывая их ограниченную коммерческую ценность, развитие инфраструктуры почти полностью игнорируется. В июле 2006 г. в Сиккиме (Nathu La) был открыт третий пункт приграничной торговли с расчетом работы круглый год и целью довести уровень приграничной торговли до 120000 долл. к 2015 г.^[10]. Но это остается несбыточной мечтой, так как приграничная торговля все еще колеблется на уровне 10 млн.

Так называемому «буму» в двусторонней торговле между Индией и Китаем не удалось перейти на следующий логический уровень, то есть к уровню взаимных инвестиций, что стало еще одной сферой дефицита доверия между странами. Данный факт указывает на уязвимость Индии к инвестированию Китая в ключевые проекты инфраструктуры, например, телекоммуникации, морские порты, аэропорты и т. д. Несмотря на то, что и Китай и Индия являются основными странами для прямых иностранных инвестиций, а также, несмотря на то, что обе страны все более расширяют отток собственных инвестиций, в 1996-2004 гг. Индия смогла вложить в Китай только 965 млн. долл., в то время как объем китайских инвестиций в Индию, согласно данным Министерства торговли Индии, в 1991-2004 гг. составил 231,6 млн. долл. (Financial Express 2006). Аналогично, данные о координировании

[9] Zhou, Gang, 'Current China-India Relations and Economic Cooperation', China Report (New Delhi), Vol. 44, No. 1, February 2008, p. 44-45.

[10] Shukla, Ajai, 'Handshake over the Himalayas', Business Standard (New Delhi), 26 April 2009, available at <http://www.business-standard.com/india/news/ajai-shukla-handshake-overhimalayas/252466/2009>. Accessed on 26 February 2010.

оттока их собственных инвестиций в активы третьих стран все еще представляют собой коллекцию урезания цен и совместного участия в торгах, наглядным примером которому может быть случай с нефтяными месторождениями в Судане и Сирии.

В настоящее время инвестиционные связи между двумя странами довольно скромные. «Haier» и «Huawei» являются единственными китайскими компаниями, работающими в Индии. Индийские компании «Bajaj», «Bharat Forge», «Tata Consultancy Services» (TCS) и «Infosys» также расширяют свое присутствие в Китае. Ожидается, что такой вид инвестирования со стороны обеих стран будет продолжать расти, хотя качественный скачок будет иметь место только тогда, когда крупные компании Индии и Китая приобретут компании в третьих странах, которые уже функционируют в других странах. Учитывая недавние тенденции, становится очевидным, что в ближайшие пять лет мы увидим все большее число иностранных приобретений индийскими и китайскими компаниями. Так как данные приобретения будут иметь материальный характер, это откроет новые возможности для инвестиционных связей между двумя странами, что приведет к росту их экономического взаимодействия.

Все это требует глубокого самоанализа, долгосрочной реорганизации и структурных реформ, чтобы стимулировать и развивать новые сферы для расширения взаимной торговли и инвестиций. Инициирование совместных стратегий с третьими странами для закупа энергетических ресурсов и консервации технологий и процессов могло бы стать одним из способов изучения того, как можно участвовать в экономическом возрождении этих стран. Это также требует более глубокой оценки экономических моделей, траекторий роста и культурных предпочтений, гарантирующих политические предпочтения и формулировки Индии и Китая. В свою очередь, это потребует тщательного анализа собственных траекторий развития для разбора структурных моделей, для того чтобы найти инновационные решения глубоко скрытых проблем.

История различных траекторий

Многолетняя история сотрудничества Китая и Индии была свидетелем многих различных траекторий развития. В начале 50-х гг. XX в., когда отношения между странами были на очень высоком уровне, Китай на короткий период стал главным торговым партнером Индии; однако с конца 50-х гг. – и в особенности после приезда Далай Ламы в Индию в марте-апреле 1952 г., а также кровавых стычек на границе в октябре-ноябре 1962 г. – их экономическое общение было неожиданно и полностью остановлено, и оставалось без движения в течение двух десятилетий и более. Это повлекло за собой остановку кустарного производства в приграничных регионах, которые зависели от трансграничных сделок, рынков и сырья. Упадок в шерстяной ковровой промышленности в районе Пайторагарх (Pithoragarh) является одной из актуальных проблем на сегодняшний день.

Пауза в экономическом взаимодействии обеих стран, вызванная войной 1962 г., явилась причиной разработки независимых траекторий роста в Индии и Китае. Политика «Холодной войны» заставила их разделиться. В то время как Индия стала членом Организации Объединенных Наций и пользовалась одинаковой поддержкой США и Советского Союза, Китай после Китайско-советского раскола полностью изолировал себя от мировой экономической системы в 1960-х гг. Западная политика сдерживания подкрепляла идеологию Китая, развязывая, таким образом, культурную революцию, которая, в свою очередь, укрепила политику Китая, направленную

на развитие за счет внутренних факторов. Соответственно, в экономической политике Китая особое значение придавалось «самостоятельному экономическому развитию», делая исключение ограниченной торговле с некоторыми социалистическими странами. В то же время, начиная с 1970-х гг., нейтральная Индия стремилась приблизиться к уровню развитых стран.

Но существуют некоторые сходства. Например, несмотря на возможность привлечения к себе внимания, социалистическая Индия разработала свою собственную государственную стратегию индустриального развития за счет собственных средств. И Индия и Китай в значительной степени следовали модели закрытой экономики и государственного планирования, что привело к схожим результатам. Обе страны создали относительно интегрированные индустриальные системы; из-за чрезмерной опеки государства над отечественными предприятиями, обе испытывали проблемы недостатка и отсутствия международной конкуренции^[11].

После того как Китай начал проводить реформы и внедрять политику открытости в 1978 г., различия между траекториями экономического развития Китая и Индии стали более очевидными. Также как и страны Восточной Азии, Китай встал на экспортно-ориентированный путь с целью развития собственной экономики, принимая активное участие в использовании международного разделения труда на основе конкурентных преимуществ своей дешевой рабочей силы. Но в то время как Китай начал реформировать свой сельскохозяйственный сектор, Индия приступила к развитию производства потребительских товаров. В результате, пока Китай извлекал выгоду из прямых иностранных инвестиций, связанных с вертикальной интеграцией, Индия расширяла горизонтальную интеграцию через сферу услуг.

Но это означает также, что китайский экспорт состоит в основном из продукции иностранных транснациональных компаний, работающих в Китае, в то время как прямые иностранные инвестиции в Индии нацелены на внутренние рынки и потребление. На сегодняшний день модели этих стран снова начали демонстрировать свою ограниченность. Относительно таких стран, как Индия и Китай, мнения остаются разделенными в вопросе того, может ли такой резкий рост в экспорте сложных технологий быть очень несбалансированным, нестабильным и политически взрывоопасным? В сравнении с Китаем, структура экспорта Индии, по большей части состоящей из низких технологий и сырья, кажется более стабильной^[12].

Будущие вызовы и подводные камни

Даже после того как Китай и Индия заверили друг друга, что исторические вопросы их развития не будут блокировать двустороннее взаимодействие, обе страны несерьезно отнеслись к решению своих проблем и устранению неудач. Учитывая скептицизм, лежащий в основе дружеского общения между странами, эти вызовы приобретают более мощный характер. Поэтому не ожидается, что в ближайшем будущем Китай и Индия станут близкими союзниками. На самом деле, Индия будет все больше зависеть от отношений с Соединенными Штатами, Европейским союзом, Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) или Россией, для того чтобы удержать баланс во взаимоотношениях с Пекином. Даже в таких вопросах, как противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму, они вряд ли разработают общую стратегию.

[11] Zhang, Yuyan, 'The Relationship between China and India within the Framework of Asian Economic Integration', in Masahisa Fujita (Ed.), *Economic Integration in Asia and India*, (New York: Palgrave Macmillan, 2008), p. 68.

[12] Martin, Will, and Vlad Manole, 'China's Emergence as the Workshop of the World', in Belton M Fleisher, Nicholas C. Hope, Anita Alves Pena and Dennis Tao Yang (Eds), *Policy Reforms and Chinese Markets: Progress and Challenges*, (Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Company, 2008), p. 211.

И Индия и Китай все еще руководствуются своими геостратегическими перспективами. Несмотря на видимые изменения, основа отношений Китая с другими странами южно-азиатского региона (в особенности с Пакистаном) не изменится. Китай не собирается жертвовать своей дружбой с соседями ради дружбы с Индией. Отношения Китая с Пакистаном будут служить в качестве уравнивающей оси, несмотря на ограниченный экономический потенциал Пакистана и существенные политико-экономические различия между этими двумя странами. Заявление Пекина по поводу того, что Индия, а также Австралия и Новая Зеландия, должны быть исключены из списка участников 1-го саммита Восточной Азии в Малайзии в декабре 2005 г., продемонстрировало нежелание Китая видеть Индию укрепляющей свое влияние в регионах, где Китай надеется увеличить свое присутствие^[13]. Нежелание Китая принять отказ Индии от Группы ядерных поставщиков (ГЯП) и решение Азиатского Банка Развития (АБР) о финансировании проектов развития в июне 2009 г., составляют другую группу неразрешенных проблем.

Аналогично, целый ряд новых вопросов – например, энергобезопасность, морские пути сообщения от Персидского залива до Малаккского пролива, дефицит ресурсов, а также давление, возникшее вследствие экономического кризиса – требует правильного понимания. И в этом таятся будущие проблемы для Китая и Индии, которые они, по всей видимости, не смогут решить в процессе двусторонних обсуждений. Это вопросы, которые могут заблокировать их сближение, достигнутое огромным трудом. И, в конечном счете, их дефицит доверия неизбежно подорвет позитивное влияние их экономического взаимодействия в течение двух последних десятилетий. Китай рассматривает Индию в качестве серьезной проблемы и по-прежнему неохотно уступает любое пространство, если оно начинает вредить имиджу Китая или его интересам. Таким образом, даже если бы обеим сторонам удалось договориться об общей заявке на акции в месторождении Al Furat в Сирии в 2006 г., то в случаях с Суданом и Казахстаном Китай рассматривает как страну, подрывающую усилия Индии.

Тем не менее, мирные выступления Индии в определенной степени начали влиять на геостратегические перспективы Китая. Это изменение отражено и отчасти способствовало буму в их двусторонней торговле за последние десять лет.

Это также стало результатом роста Индии в качестве основной движущей силы в сфере услуг и технологий. Это и результат обучения большого числа инженеров и техников, отправляемых корпоративными гигантами Америки в Индию для разработки технологических программ, которые заложили темп для будущего. Вместе с Китаем Индия, возможно, станет свидетелем массивного роста производительности, ведь эти страны уже превратились в глобальных игроков^[14]. Все это успешно повлияло на усилия Китая в налаживании более тесных отношений с ближайшими соседями, от Тайланда до Кореи, и даже с Индией. В отличие от западных держав, ожидается, что инвестиции Китая и Индии за рубежом будут вкладываться без всяких условий^[15]. Их цивилизационное мировоззрение, следовательно, несет в себе большой потенциал, чтобы предложить альтернативные модели и парадигмы, необходимые для решения экономического кризиса.

[13] Scalapino, Robert A., 'China Confronts Globalization: Achievements and Challenges', in W John Hoffmann and Michael J. Enright (Eds), *China into the Future: Making Sense of the World's Most Dynamic Economy*, (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008), pp. 132-133.

[14] Scalapino, Robert A., 'China Confronts Globalization: Achievements and Challenges', in W John Hoffmann and Michael J. Enright (Eds), *China into the Future: Making Sense of the World's Most Dynamic Economy*, (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008), p. 123.

[15] Broadfoot, Robert C., 'Different Futures for China', in W John Hoffmann and Michael J. Enright (Eds), *China into the Future: Making Sense of the World's Most Dynamic Economy*, (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008), p. 288.

Продвижение концептуальных революций

Весь мир с интересом наблюдает экономический подъем Китая и Индии. В долгосрочной перспективе экономический рост Индии и Китая мог бы развязать революцию образов в самой основе и концепции мировой экономике и экономике как дисциплине. Если новые тенденции их кооптирования в клубы великих экономических держав служат каким-либо индикатором, то само определение «экономическая держава» должно будет измениться, от среднедушевого дохода до паритета покупательной способности, где крупные экономические державы будут обременены большой численностью населения с доходом ниже 1 долл. в день и различными физическими и психическими недостатками. Это будет первый случай в истории, когда два государства с населением более миллиарда человек превращаются в экономические державы.

Поэтому измерение влияния подъема Китая и Индии должно начинаться, наверное, с разработки новых методологий и параметров. Традиционно, совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) Китая и Индии составляет менее 6% от среднего показателя в мире, в то время как бедность, безработица и ухудшение состояния окружающей среды остаются основными проблемами обеих стран^[16]. Согласно оценке АБР (2001г.), с нормой покупательной способности в 1 долл. и 2 долл., 18,5% и 53,7% населения Китая и 44,2% и 86,2% населения Индии соответственно, продолжают жить за чертой бедности^[17]. В то же время, однако, ожидается, что к 2015 г. средний класс в Индии достигнет 580 млн. чел. и составит 41% всего населения страны. Проблемы усугубятся также тем, что в 2050 г. население страны составит 1,6 млрд. человек. Все это не может не стать причиной различных концептуальных революций. В таких условиях у Индии и Китая есть весомые причины для повышения экономического сотрудничества, несмотря на перспективы роста конкуренции в определенных секторах.

Во-вторых, согласно распространенному мнению, Китай, в отличие от Индии, лучше справился с задачей достижения высоких показателей экономики и улучшения стандартов в образовании и здравоохранении, а также в сокращении численности населения, проживающего за чертой бедности.

Но остаются серьезные сомнения относительно устойчивости темпов роста в Китае. В сравнительных исследованиях Китая-Индии также существует необходимость в рационализации методологий. По мнению известного индийского экономиста и эксперта по Китаю, любая сравнительная оценка экономических реформ Китая не должна основываться на некритическом восприятии официальной статистики этой страны. Хотя нет необходимости принимать всерьез паникерское мнение о том, что китайские власти «составляют фальшивые отчеты», а официально опубликованные данные требуют дополнительной обработки, для того чтобы привести их в соответствие с международной практикой. Некоторые индийские данные тоже нуждаются в обработке и анализе. В противном случае, сравнение данных о ВВП, прямых иностранных инвестициях и внешней торговле становится невозможным, и приводит к неправильным выводам. В результате обработки китайских данных показатели экономического роста этой страны снизились, повысился уровень неравенства, сократились объемы поступления прямых иностранных инвестиций и показатели экспорта. Несмотря на такую кор-

[16] Scalapino, Robert A., 'China Confronts Globalization: Achievements and Challenges', in W John Hoffmann and Michael J. Enright (Eds), *China into the Future: Making Sense of the World's Most Dynamic Economy*, (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008), p. 124.

[17] Saich, Tony, 'China: Socio-Political Issues', in W John Hoffmann and Michael J. Enright (Eds), *China into the Future: Making Sense of the World's Most Dynamic Economy* (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008), p. 147.

ректировку, показатели Китая, основанные на откорректированной информации, более внушительные и лучше по сравнению с Индией^[18].

В-третьих, что касается будущего Китая, то, как правило, считается, что более высокий уровень жизни будет создавать больше спроса на политическую свободу и что переход к демократии может быть неопределенным и долгим и может привести к понижению роста в стране. В своей недавно выпущенной книге «Гиганты Азии: Сравнивая Китай и Индию» (*Asia's Giants: Comparing China and India*) Фридман и Джилли (Friedman, Gilley) оспаривают это общераспространенное мнение. Они утверждают, что производительность экономики Индии на социальном фронте не настолько бедна, как нам пытаются доказать с помощью стандартных анализов. Авторы, однако, приводят еще один аргумент, что, возможно, политические изменения могут создать проблемы для китайской экономики. С другой стороны, по мнению авторов, индийская демократия как раз нацелена на решение проблем, наносящих вред экономике страны. Другие эксперты опровергают этот аргумент, приводя различные примеры, от Тайваня и Южной Кореи до Бразилии и Чили, которые демонстрируют, что политический авторитаризм оказал существенную поддержку в реализации экономических реформ, обеспечении политической стабильности и социальной сплоченности^[19]. Это дает надежду на дальнейший рост Индии и Китая, при условии, что странам удастся упорядочить взаимное двустороннее взаимодействие и не позволить корыстным интересам заставить их свернуть с выбранного пути.

Варианты политики Индии

Нет сомнения в том, что в кратко- и средне-срочной перспективе это взаимодействие между Китаем и Индией будет рассматривать понятие «экономика» как модное слово, мотивирующее на более тесное и глубокое сотрудничество. По всем стандартам, динамика развития торговли между двумя странами несколько раз превышала прогнозы и продолжает демонстрировать рост, хотя все вышеуказанные причины постепенно приведут к понижению, если обе стороны не примут корректировочные меры. В 2007 г. двусторонняя торговля между Индией и Китаем составила 38 млрд. долл., и политическим лидерам обеих стран пришлось снова пересмотреть свои амбициозные цели во время двусторонних встреч в Пекине 14 января 2008 г., где Манмохан Сингх и Вэнь Цзябао подняли планку с 40 млрд. долл. (как было заявлено в апреле 2005 г. на саммите в Дели) до 60 млрд. долл. к 2010 г. Однако стороны ожидают, что уже в 2009 г. этот показатель достигнет 60 млрд. долл. В настоящее время обе страны также обсуждают возможность создания Региональной зоны свободной торговли и азиатский аналог Международного Валютного Фонда (ВМФ).

Их «Заявление о перспективах на будущее», выпущенное в Пекине в 2008 г. еще раз подчеркнуло необходимость «поддержки и поощрения процессов региональной интеграции, предоставляющих взаимовыгодные возможности для роста, как важную черту формирующейся международной системы». Аналогично, приспосабливаясь к будущим вызовам и процессу глобализации, и Индия и Китай добиваются «установления открытой, справедливой, равноправной, транспарентной и основанной на верховенстве закона многосторонней торговой системы»; обе страны поддерживают скорейшее разрешение Дохийского раунда торговых переговоров. «Заявление о перспективах на будущее» также подчеркнуло необходимость в совместном

[18] Swamy, Subramanian, *Financial Architecture and Economic Development in China and India: A Comparative Perspective*, (New Delhi: Konark Publishers, 2006), p. 281.

[19] Agarwal, Manmohan, (2008), "Book Review" [Friedman E. and B. Giley (eds.), *Asia's Giants: Comparing China and India*, Palgrave Macmillan, New York, 2005], in *China Report* (New Delhi), Vol. 44, No. 2, (April–June).

координировании стратегий оказания содействия развивающимся странам в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Механизмы регионального сотрудничества, как например, Восточно-Азиатский саммит, встречи «Европа-Азия», ШОС, Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества и т. д., рассматриваются этими странами как структуры для будущего сотрудничества и координации политик^[20].

Индия продолжает сохранять свой набор политических задач, вытекающих из ее политики коалиции, которая запрещает быстрые и радикальные решения. Тенденция «подвешенного парламента» в значительной степени, скорее всего, продолжит и укрепит этот «дух преемственности» в политике Индии в отношении Китая, который остается логическим следствием культуры коалиционных правительств с начала экономических реформ в Индии в 1991 г. Последнее десятилетие также стало свидетелем стабилизации внешней политики Индии, с «экономической дипломатией» и «активной многосторонностью», более предпочитаемым приоритетом политики Нью-Дели. Эта реальность имеет глубокие корни и стоит выше всплеска продуктивности Индии в сфере программного обеспечения и аутсорсинга бизнес-процессов, и формирование Китая в качестве мирового заводского цеха. Именно эти два сектора больше остальных пострадали от глобального экономического кризиса.

Именно в этом контексте и Индии и Китаю следует сфокусировать свое внимание на других секторах, например, на игнорируемом обеими сторонами сельскохозяйственном секторе. Даже после трех десятилетий (в Китае) и двух десятилетий (в Индии) экономических реформ население обеих стран прокармливает себя за счет сельского хозяйства и связанных с ним сфер деятельности. Несмотря на то, что сельское хозяйство составляет все меньшую долю ВВП обеих стран, демографический переход к созданию устойчивых несельскохозяйственных секторов очень медленный и потребует десятилетий экономических реформ и адаптации. В Индии вопрос развития сельского хозяйства является спорным и влияет на жизни миллионов людей. Он также хорошо повлиял бы на результаты выборных процессов и замедлил бы несколько актуальных экономических инициатив^[21].

Индия и Китай добились существенных результатов в увеличении ВВП, объемов внешней торговли и дохода на душу населения. Тем не менее, эти двигатели роста еще недостаточно высоки. Но политические системы этих стран, которые и влияют на принятие таких решений, сильно отличаются друг от друга.

В отношении экономик можно сказать следующее: в то время как Китай зависит от своего обширного и разнообразного производственного сектора, экономический рост в Индии обусловлен необычайным увеличением доходности сферы услуг, в основном сектора информационных технологий. Внедряя модель, основанную на развитии сферы производства и успешно применяемую в Японии, Южной Корее и Тайване, Китай сумел расширить свою промышленную сферу благодаря огромным внутренним сбережениям (около 50% ВВП), пулу дешевой и относительно квалифицированной рабочей силы, а также смелым и глубоким реформам, которые установили несколько ограничений на предприятия с иностранным участием и представили либеральный инвестиционный режим. В свою очередь, это стало причиной притока прямых иностранных инвестиций, особенно в экспортные сектора^[22].

[20] Narayanan, Raviprasad, 'India-China Relations: The United Progressive Alliance (UPA) Phase', Harvard Asia Quarterly, Vol. xi, No. 4, 2008 (Fall), p. 26.

[21] Narayanan, Raviprasad, 'India-China Relations: The United Progressive Alliance (UPA) Phase', Harvard Asia Quarterly, Vol. xi, No. 4, 2008 (Fall), p. 25.

[22] Sharma, Shalendra, 'Sizing up the Dragon and the Elephant: China and India's Ascendancy in the Global Age', Harvard Asia Quarterly, Vol. X, No. 2, 2006 (Spring): <http://www.asiaquarterly.com/content/view/full/184/40/> Accessed on 26 February 2010.

Однако и Индия и Китай, будучи вторыми крупнейшими получателями прямых иностранных инвестиций, вполне возможно могут подвергнуться негативному влиянию мирового экономического кризиса. Рецессия на Западе привела к снижению спроса Запада на услуги и товары индийского и китайского производства. Именно здесь обеим странам необходимо перестроить свои стратегии и перейти от развития торговли к развитию внутреннего потребления. Индия уже работает над тем, чтобы привлечь в свою экономику нефтяные доллары, так как страны западной Азии устали инвестировать в экономики Запада, испытывающие тяжелые времена. Но в качестве первого шага Индии следует согласовать свою стратегию с Китаем, который также уделяет внимание привлечению нефтяных долларов. Кроме того, Китай владеет огромными запасами иностранной валюты, которые могут быть использованы для инвестирования в Индию.

Для того чтобы привести свои дела в порядок, обе страны должны работать вместе, чтобы расширить свои двустороннюю, межрегиональную и внутриазиатскую торговли и, возможно, работать на азиатский аналог Бреттон-Вудской для регулирования финансовых систем Азии. Пришло время также для перехода от стратегии развития торговли, как основного фактора роста, к стратегии развития потребления. В обеих странах есть огромный спрос на строительство инфраструктуры и потребление. Благодаря именно сильной внутренней и региональной базе, Индия и Китай смогут сделать свое взаимодействие автономным и независимым от любых внешних (западного) вмешательств. Именно с этой позиции силы Индии и Китая смогут вместе внести существенный вклад в глобальный экономический рост.

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить следующее: вполне справедливо, что и Китай, переживающий экономический рост, и Индия, с формирующейся экономикой, имеют возможность поменяться ролями и заявить о своих правах на большую долю участия в принятии политических решений. Потенциал их стратегического экономического взаимодействия несколько раз прогнозировался экспертами с точки зрения «естественного альянса» между «подсобным помещением мира» и «мирового цеха». Во время визита в силиконовую долину в г. Бангалор 5 апреля 2005 г., премьер-министр Китая Вэнь Цзябао сравнил их с «китайской погодой», «объединяя и аппаратное и программное обеспечение, мы сможем занять лидирующие позиции на мировой арене»^[23]. И как само собой разумеющееся, выражение Chindia (обозначающее Китай и Индию вместе) стало еще одним распространенным словом.

Недавно, в одной из своих последних научных статей посол Китая в Индии перечислил несколько факторов, ограничивающих двустороннюю торговлю между странами. Это: а) исходя из численности их населения, средние показатели ВВП, мощности индийско-китайского рынка и объем торговли, в то время как объем взаимных инвестиций – ниже удовлетворительного; б) продукция торговли между Китаем и Индией состоит в основном из сырья, пропорция товаров с высокой добавленной стоимостью очень низка; в) уровень взаимного доверия не соответствует требованиям торговли, а Индия продолжает вводить ограничения из-за своего недоверия к Китаю; г) протекционизм Индии, что было ярко выражено в 92 антидемпинговых заявлениях против Китая (1993-2006), а также признание Китая в качестве страны с открытой экономикой; д) проблемы с оформлением визы для ки-

[23] Huchet, Jean-Francois, 'Between Geostrategic and Economic Competition: Emergence of a Pragmatic India-China Relationship', China Perspectives (Hong Kong), No. 3, 2008, p. 59.

тайских бизнесменов; е) сложности в получении банковского страхования для предприятий^[24].

В итоге экономическое взаимодействие этих стран претерпело, безусловно, существенные изменения и экономическая значимость Китая и Индии все больше признается во всем мире. Обе страны постепенно кооптируются в важнейшие глобальные политико-экономические форумы. Это напрямую связано с растущей уверенностью в себе Индии и Китая. Повышающийся уровень их взаимного одобрения отражается в письмах индийских лидеров и экспертов, открыто подчеркивающих свое восхищение опытом Китая^[25]. В конце концов необходимо подчеркнуть, что в древние времена культура являлась основной движущей силой индийско-китайской торговли и будет еще долго оставаться ею.

Например, буддизм сыграл важную роль в обеспечении международного обмена драгоценными предметами – кораллами, жемчугом, драгоценными камнями, изделиями из стекла, благовониями и парфюмом из Индии и шелком из Китая. Благодаря доступу к транспорту и коммуникациям, сегодня даже основная продукция стала объектом культурных предпочтений^[26]. Тот факт, что и Индия и Китай являются представителями древнейших цивилизаций Азии и в некотором отношении имеют общее наследие, культуру и ценности, еще более укрепит их взаимодействие в будущем.

Однако наша элита и наши политические лидеры должны будут гарантировать, что они в состоянии предсказать и бороться с новыми вызовами и систематическими трудностями и что личные интересы не будут разжигать разногласия, не оставят Индию и Китай на периферии под их вечным влиянием.

[24] Zhou, Gang, 'Current China–India Relations and Economic Cooperation', *China Report* (New Delhi), Vol. 44, No. 1, February 2008, pp. 44–45.

[25] Srivastava, R. K., 'Chinese Success with FDI: Lessons for India', *China: An International Journal* (Singapore), Vol. 6, No. 2, September 2008, 316–329.

[26] Liu, Xinru, *Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges, AD 1–600* (Delhi: Oxford University Press, 1988), Chapter II, pp. 53–64.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СЕПАРАТИЗМА: ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, СРЕДНЯЯ АЗИЯ И УЙГУРСКИЙ ВОПРОС¹

СЕБАСТЬЯН ПЕЙРУЗ

Доктор наук, старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и Объединенного центра программы Шелкового пути (SAIS, Университет Джона Хопкинса, Вашингтон, округ Колумбия – Институт безопасности и политики развития, Стокгольм)

Введение

В 2008 г. такие события, как движение за предоставление независимости Косово, российско-грузинская война и возобновление внутренних конфликтов в Синьцзяне и Тибете вновь сделали сепаратизм ключевым на повестке дня международной политики. В каждом из трех случаев опять возникала проблема неоднозначности трактовки вопроса о нерушимости границ и права народов на самоопределение, характерного для истории Европы в первой половине XX в. и вновь ставшего актуальным с распадом коммунистических государств (Советского Союза, Чехословакии и Югославии). Возврат к вопросу о праве на сецессию и поддержка, оказанная влиятельными государствами определенным регионам, стремящимся к независимости, представляют собой новый значительный вызов системе международных отношений, который может получить особый резонанс в Евразии.

После получения независимости все постсоветские государства были едины в стремлении противостоять требованиям сепаратистов, но ситуация неожиданно изменилась после того, как российская Дума признала независимость Южной Осетии и Абхазии. В Средней Азии, где построение государственности по-прежнему идет непросто в связи с многочисленными внутренними проблемами (мультиэтнические сообщества, существенные различия в уровне развития регионов, стремительное обнищание населения), вопрос о сепаратизме относится к числу ключевых. В этой связи возрождение проблемы уйгурского сепаратизма в Западном Китае, а летом 2008 г., после событий в Грузии, в Западном Китае отмечались многочисленные беспорядки и восстания, в которых предположительно участвовали уйгурские боевики, вызвало всеобщую озабоченность.

В своей работе я кратко опишу сложности, которые проблемы Косово и Грузии представляют для стратегии ЕС, а затем продолжу анализ значительного влияния этих двух событий на постсоветское пространство в целом и на Центральную Азию в частности под углом зрения уйгурского вопроса.

1. Косово и Грузия: вызов стратегиям Евросоюза?

Хотя признание многими странами международного сообщества суверенитета Косово, объявленного 17 февраля 2008 г., было названо из ряда вон выходящим случаем (*sui generis*), который не может создавать международ-

[1] Источник: EUCAM, Брифинг №4, апрель, 2009.

ного прецедента для прочих сепаратистских движений, этот факт, судя по всему, открыл ящик Пандоры для сепаратистских требований. Нужно добавить, что хотя Косово остается фактически под опекой международного сообщества, Евросоюзу будет непросто регулировать это независимое государство.

Пример Боснии и Герцеговины не внушает оптимизма в этом смысле. В последнем случае, по сути дела попытки поддержать независимость часто приводили к обратному эффекту, в том числе подпитывали безответственность местных политических элит, противодействующих формированию демократической системы.

На этом фоне движение за признание Косово как независимого государства должно было повлечь за собой серьезные последствия для всех территорий постсоветского пространства. Когда правительства Абхазии и Южной Осетии, выступавшие за отделение, объявили 26 августа 2008 г. о своей независимости, они открыто ссылались на прецедент Косово, постоянно указывая на «геноцид» своего населения со стороны грузинских властей. Цель подобных параллелей заключается в том, чтобы предложить логику, позволившую признать Косово, в качестве обоснования своих претензий на независимость как легитимных. И хотя сегодня Россия, похоже, не хочет принять эти две республики в состав своей федерации, в результате конфликта создается ситуация, напоминающая положение на Кипре: регионы, чью независимость сегодня признает, пожалуй, только Москва, рискуют быть фактически управляемыми из Москвы, пока международная геополитическая обстановка не позволит найти устойчивую форму разрешения ситуации. Сначала Европе удалось быть услышанной, когда Никола Саркози, который в то время на основании принципа ротации президентствовал в ЕС, помог двум сторонам договориться о прекращении огня. Но провал встречи на высшем уровне 15 октября 2008 г. (российская и грузинская стороны отказались сесть за стол переговоров) в Женеве показал, что ситуация в зоне конфликта чревата новыми осложнениями. Европа опять оказалась заложницей ситуации, так как в связи с отказом России допустить представителей ОБСЕ в районы Абхазии и Южной Осетии, эта организация не могла больше иметь там своих наблюдателей. В результате, миссии наблюдателей ЕС и ОБСЕ невольно выступают в роли пограничников с российской стороны, тем самым де факто поддерживая стремление этих регионов к независимости.

Прежде всего необходимо вспомнить, насколько сложны сепаратистские конфликты. В основе этой сложности – комбинация исторических факторов (осетины, например, были союзниками России против Грузии в кавказских войнах XIX-го в.) и современных усилий, направленных на использование этнической идентичности в политических целях (для политизации этнических проблем и этнитизации проблем политических).

Геополитическое соперничество между США и Россией в глобальном масштабе также влияет на события на постсоветском пространстве. Признание ЕС независимости Косово сделало позицию Брюсселя по вопросам права на самоопределение туманной для соседних стран и всего мирового сообщества. Означает ли принятый сегодня дискурс мультиэтничности то, что каждый гражданин должен научиться уживаться с соседями или то, что любой этнос имеет право требовать юридического признания своих особенностей на международном уровне? Можно ли надеяться на появление мультиэтнического высоко децентрализованного Косово, которое обеспечит соблюдение важных прав всех наций и конфессий, живущих на его территории, если два последних десятилетия истории Балкан говорят о том, что существует мощная тенденция к разделению по национальному признаку? На сегодня балканская политика ЕС не смогла преодолеть это фундаменталь-

ное противоречие: с одной стороны, ЕС с ликованием утвердил, что национальные идентичности поблекли, с другой – поддержал раскол государства во имя одной нации. По последнему вопросу позиции членов Европейского союза разошлись, так как некоторые его члены, в том числе Испания, Кипр, Греция, Словакия и Румыния, которые сталкиваются с разного рода угрозами сепаратизма, отказались устанавливать дипломатические отношения с Приштиной.

В случае с Грузией Брюсселю было непросто определить стиль своих обязательств по отношению к этой стране, в частности определиться по вопросу о ее членстве в НАТО. Согласен ли ЕС с теми в США, кто призывает вступить в конфронтацию с Москвой через промежуточное государство, или он поддерживает идею о том, что необходимо сохранять нейтральную зону, разделяющую две «великие» державы на евро-евразийском пространстве? Считает ли ЕС, что дальнейшее благополучие грузинских граждан требует радикального разрыва с Россией, или что лучше прийти к решению проблемы через переговоры для поиска путей для двух сторон жить бок о бок? По этому вопросу Европа также не смогла выступить единым фронтом в переговорах с Россией. Вопрос об отношениях с Москвой четко показывает различие интересов стран-членов ЕС: одна группа представлена там новыми членами и бывшими советскими сателлитами, которые критикуют Россию с более радикальных позиций (которые разделяются также Соединенным Королевством и скандинавскими странами, хотя и по другим причинам), а другая – основателями Евросоюза, в частности Германией, Францией, Италией и Испанией, которые не хотят следовать логике конфронтации с Кремлем.

2. Существует ли угроза эффекта домино в отношении сепаратизма на постсоветском пространстве?

После объявления независимости Косово три страны Балтии едва сдерживали ликование по поводу сокрушительного поражения пророссийской Сербии^[2].

Их не смущало даже то, что в ответ Москва может оживить призрак раскола, то есть поставит вопрос о выходе из состава Латвии и Эстонии этнических русских, которые составляют там около сорока и двадцати пяти процентов населения этих стран соответственно. Страны СНГ почти единогласно выступили против независимости Косово: пока только президент Армении Серж Саркисян посчитал это хорошим прецедентом, так как эта ситуация может способствовать получению независимости Нагорным Карабахом, анклавом в Азербайджане, на который претендует Армения, перешедшим под контроль Еревана в 1994 г. после кровопролитного конфликта.

Кремль не скрывал, что он рассматривает действия, подталкивающие Косово к независимости, как нарушение суверенитета Сербии и Устава ООН. Центральноазиатские государства сохраняли сдержанность, а точнее – отмалчивались, поддерживая негативную оценку Кремля по данному вопросу. Молдова, озабоченная возможным отделением Приднестровья, находящегося под влиянием России с 1994 г., осудила войну в Грузии как новый дестабилизирующий фактор в Европе.

Правительства, известные своей прозападной ориентацией, заколебались: Украина отказалась в свое время признать независимость Косово, не желая подвергать опасности своих солдат, которых она направила в международные силы КФОР и миссию военной полиции ООН, а Грузия заявила, что она не готова занять позицию по Косово. Таким образом, даже прозапад-

[2] Talis Saule Archdeacon, «Baltics support Kosovo independences», Baltic Times, February 20, 2008, <http://www.baltictimes.com/news/articles/19846/>

ная логика наиболее лояльных союзников ЕС и США в этом регионе оказалась ослабленной.

Еще большее замешательство возникло в регионе после событий лета 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии. На саммите глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), который происходил в Душанбе после конфликта в Грузии в конце августа, четыре центральноазиатские государства (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан) поддержали позицию Китая. Они обратили внимание на то, что этого требует Устав ШОС, провозглашающий принцип нерушимости границ. Таким образом, несмотря на то, что центральноазиатские государства официально поддержали вмешательство России и осудили прогрузинскую позицию Вашингтона, они отказывались следовать примеру России и признать независимость Южной Осетии и Абхазии. На встрече Организации договора коллективной безопасности в начале сентября страны Центральной Азии не изменили свою позицию. Они выступали с заявлениями в поддержку умиротворяющих действий России и с критикой военной интервенции со стороны Грузии, но когда дело доходило до признания независимости, хранили неловкое молчание. Тем не менее, определенные практические действия все же последовали, подтвердив еще раз, что у правительств центральноазиатских стран возможности маневра в делах с Россией очень ограничены. Так, власти Казахстана объявили, что они отказываются от проектов строительства зернохранилища в порту Потти и нефтеперерабатывающего завода в Батуми – две плохие новости для и так уже ослабленной экономики Грузии^[3]. Но даже если центральноазиатские страны продолжают вести многовекторную внешнюю политику, не устраивающую Москву, их независимость от России после грузинского конфликта, кажется, уже ослабла. Возможность мирного разрешения конфликта вокруг Южной Осетии и Абхазии – забота не только Грузии. Эти конфликты могут также сказаться на ситуации в регионах России, в Украине и в Молдове. Признав независимость двух отколовшихся республик, Москва на самом деле ввязалась в очень рискованную игру, последствия которой еще могут отозваться в регионах Российской Федерации. Прежде всего, это касается Чечни, но также и остальной части Северного Кавказа, в особенности Дагестана и Ингушетии; кроме того, встанет вопрос и о Карелии и Калининграде, пограничных с Европой областях. Правительство Молдовы сталкивается с новой волной движения за независимость района Приднестровья, возглавляемого Игорем Смирновым, который также требует признания своей независимости. Еще более серьезные последствия кризис в Грузии вызвал в Украине, где опять встал вопрос о российском влиянии и о воздействии русскоязычного меньшинства на политическую стабильность – особенно на Крымском полуострове. Президент Украины Виктор Ющенко обвинил премьер-министра Юлию Тимошенко в заключении пакта с Москвой и в том, что она не осудила решительно интервенцию России в Грузии. Недавнее предложение ассоциированного членства Украине усилило напряжение между Москвой и Киевом, что нашло свое отражение и в возможном возврате к газовой войне (в начале 2009 г. тарифы на российский газ вырастут более чем в два раза), и во все более враждебном тоне дискуссий о российском военно-морском флоте в Севастополе, а также по вопросу Крыма.

Более того, в конце 2007 г. Кремль решил начать играть на нервах по вопросу о сепаратизме. Сюда относится и неожиданная инициатива Москвы основать Институт демократии и сотрудничества, официальной задачей

[3] M. Laruelle, «Is Kazakhstan Disengaging From Georgia?», *The Central Asia and Caucasus Analyst*, October 15, 2008. Ситуация, однако, временная. На самом деле Казахстан уже опять поддерживает южно-кавказский маршрут (см. Н. Кассенова, Казахстан и южно-кавказский коридор после русско-грузинской войны. EUCAM Брифинг [Policy Brief] No. 4, Январь 2009)

которого будет изучение прав меньшинств в Европе: русских, имеющих немецкие корни, в Германии и Финляндии, сербов в Косово, а также басков и каталонцев в Испании, корсиканцев и бретонцев во Франции, тирольцев в Италии, ирландцев в Британии, иммигрантов в Европе и т. д.^[4] Политически продиктованное использование темы национальных меньшинств в целях ослабления государства, таким образом, усилилось и сегодня и, похоже, становится главным инструментом Москвы в идеологической критике ЕС.

3. Проблема сепаратизма в Центральной Азии и парадоксальный случай уйгуров

В постсоветской Центральной Азии риск конфликта на почве сепаратизма остается минимальным. После распада Советского Союза существовало только одно значительное движение за автономию – это было движение русских сторонников автономии в Казахстане в начале 1990-х гг., во главе которого стояли политические партии и ассоциации представителей русского этнического меньшинства (которые составляли 38% населения страны на момент получения независимости, а сегодня составляют 30%), такими как «Лад» и «Русская община», и группами казаков, которые бывали настроены конфронтационно^[5].

Несколько недолгих и плохо организованных попыток объявить о своей независимости или о воссоединении с Россией были сделаны в городах на севере страны, сначала в Уральске, затем в Усть-Каменогорске, в Алтайских горах. Угроза возникновения серьезного движения за отделение сохранялась вплоть до 1995 г., но постепенно исчезла, после того как значительная часть казахстанских русских переехала в Россию (за менее чем 20 лет переехали более двух миллионов человек), оставшаяся часть этнических русских постепенно деполитизировалась. Власти Центральной Азии провели политику, направленную на подрыв движения, в том числе и с применением насилия против активистов, а Москва не проявила серьезного интереса к движению. Но главным образом деполитизация началась после того, как экономическое положение страны улучшилось, что позволило тем, кто остался, найти для себя новые социальные и экономические ниши и поверить, что для них в Казахстане есть будущее^[6].

Таджикистан также заслуживает отдельного внимания. В ходе гражданской войны (1992-1997) резко обострились региональные конфликты, но ни одна из конфликтующих сторон не объявляла своей целью выход из состава государства. Вопрос о независимости был на непродолжительное время на повестке дня Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), расположенной в Памире (эта территория населена исмаилитами, верными Ага Хану), только в 1993 г., но это было в разгар гражданской войны. В 1990-е гг. некоторые таджикские политики и интеллектуалы с обостренным националистическим чувством также говорили о желании «вернуть» исторические регионы Бухары и Самарканда, где население говорит по-таджикски, которые были переданы Узбекистану в 1920-е гг., когда устанавливались границы. Но эти пожелания никогда не высказывались официально, как требование таджикского государства. И, наконец, в начале 1990-х годов группа видных интеллектуалов Каракалпакии выступили с идеей отделения от Узбекистана и возможного присоединения к Казахстану или России, но эти требования, основанные на национальной самоидентификации, не

[4] См. статью, объявляющую о создании этого института, написанную Валерием Тишковым, директором московского Института этнографии (<http://www.eawarn.ru/bin/view/Main/Newtasks>).

[5] M. Laruette, S. Peyrouse, *Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux Etats dans l'espace post-soviétique*, Paris: Maisonneuve & Larose/IFEAC, 2004.

[6] M. Fumagalli, «The 'Food-Energy-Water' Nexus in Central Asia: Regional Implications of and the International Response to the Crises in Tajikistan», EUCAM Policy Brief, no. 2, October 2008.

имели шансов на успех и вскоре были сняты с повестки дня. Сегодня все пять государств Центральной Азии являются объединенными государствами – только Узбекистан и Таджикистан имеют автономные регионы, соответственно Каракалпакский и Горно-Бадахшанский, но Ташкент исключил любую реальную автономию Каракалпакии, где население в социальном и экономическом плане полностью маргинализировано, а памирская элита выступает за местную автономию, а не за сецессию. В регионе могут возникнуть еще два типа конфликтов. Межгосударственные конфликты могут возникнуть, например, по поводу трансграничного использования воды^[7] или из-за разногласий по вопросам границ между Казахстаном и Узбекистаном или между Кыргызстаном и Таджикистаном в Ферганской долине. Кроме того, конфликты могут возникнуть в связи с маргинализацией национальных меньшинств (значительное узбекское меньшинство в четырех других соседних республиках, большие группы таджикского и казахского населения в Узбекистане и т. д.), которых в этих странах часто ущемляют, но которые, за исключением узбеков в Кыргызстане, в массе своей политически не организованы. Но если власти Центральной Азии и волнует возможный эффект домино от независимости Косово и Южной Осетии/Абхазии и его распространение на Центральную Азию, то только потому, что эти события могут снова сделать актуальным уйгурский вопрос и потому, что события в Южной Осетии/Абхазии бросают тень на Москву. В последние годы политика Кремля, направленная на помощь соотечественникам за рубежом^[8], неожиданно начала вызывать сомнения относительно его намерений, а именно, может ли Кремль использовать так называемую «русскую диаспору» в ближнем зарубежье для оказания давления на непокорные государства. Однако Россия с готовностью использует «русский вопрос» как средство давления, когда отношения со странами плохие (Украина, Балтийские страны, Молдова и Грузия), но мало интересуется судьбой русского населения в тех странах, с которыми отношения хорошие, включая Центральную Азию. Сегодня этот вопрос мало волнует государства Центральной Азии, и даже Казахстан, потому что маловероятно, что Кремль сочтет идеологические задачи (например защиту своей диаспоры) более важными, чем геополитические и экономические интересы в Центральной Азии. На самом деле, единственное, что по-прежнему заботит правительства центрально-азиатских стран, это уйгурский вопрос. Пекин сумел одержать ряд дипломатических побед и добился того, чтобы во время российско-грузинского конфликта эти правительства подтвердили верность принципу нерушимости границ. Однако далеко не все в регионе поддерживают подход Китая к решению уйгурской проблемы. Можно сказать, что Китай смог навязать дипломатам центральноазиатских государств свою официальную позицию о «трех силах» (*san gu shili*), с которыми нужно бороться: терроризм, фундаментализм и сепаратизм. На правительства этих стран оказывалось давление, как напрямую, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Например, власти Казахстана и Кыргызстана под давлением Китая были вынуждены закрыть политические ассоциации уйгурской диаспоры в своих странах. В 1995 г. между Казахстаном и КНР была подписана Декларация о дружбе, в соответствии с которой обе страны должны были бороться с сепаратизмом и не принимать на своей территории силы, имеющие своей целью подорвать территориальную целостность партнера. Более того, говорят, что спецслужбы Китая проникли на территорию Казахстана с более или менее доброволь-

[7] S. Peyrouse, «The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics, and Languages», Kennan Occasional Papers, Washington D.C.: Kennan Institute, no. 297, 2008, 28 p. <http://www.wilsoncenter.org/topics/pubs/OP297.pdf>

[8] Под «соотечественниками» Кремль понимает одновременно и экспатриантов, то есть российских граждан, живущих за ее границами, так и всех тех, кто так или иначе считает себя частью «русского мира», то есть этнических русских, живущих в ближнем и дальнем зарубежье.

ного согласия властей этой страны, чтобы выследить уйгурских диссидентов и насильственно депортировать их в Китай^[9].

Однако, хотя было бы в принципе неправильно говорить о существовании некой солидарности между народами Центральной Азии и уйгурами, из неофициальных интервью с некоторыми политиками и экспертами из центральноазиатских «мозговых трестов» следует, что отношение к ситуации несколько изменилось. Они не думают, что уйгурам удастся добиться независимости от Китая, так как никогда еще в этом регионе не проживало такое большое количество китайцев хан, и никогда район не был в такой степени экономически интегрирован в общий экономический бум в Китае, обусловленный торговлей. Но многие из них осуждают власти Китая за насильственную маргинализацию, которой власти подвергают уйгуров на земле их предков. Они утверждают, что развитие «дальнего Запада», результатами которого пользуется китайское население хан, было обеспечено за счет коренного населения: уйгуров насильно заставляют работать в наименее эффективных секторах экономики, и в большинстве своем они не имеют доступа к высшему образованию. Более того, закрытие школ, в которых преподавание ведется на родном языке, воспринимается многими как доказательство того, что Пекин проводит политику насильственной ассимиляции уйгуров в культуру хан.

Большинство экспертов из Центральной Азии также сомневаются, что уйгурский исламизм представляет собой реальную угрозу и критикуют Пекин за репрессии против ислама, считая такую позицию контрпродуктивной.

Венера Галимова из Института стратегических исследований в Алматы считает, что отказ китайских властей прислушаться к любым требованиям автономии, даже культурной, только способствует укоренению радикального сепаратизма. Она критикует Пекин за ущемление уйгурской молодежи, проживающей в селах, и за предпочтение, отдаваемое городской студенческой молодежи, что, по ее мнению, толкает первых в ряды исламистов^[10]. Сотрудник того же института Константин Сыроежкин настроен еще критичнее и считает, что политика Китая заставляет уйгуров считать ислам идеологией национального освобождения^[11].

Хотя об уйгурской проблеме говорится меньше, чем о тибетской, Пекин считает ее не менее – если не более – серьезной. С 1980-х гг. между уйгурами и китайцами хан постоянно возникают стычки, часты случаи мятежей и партизанских движений. Имели место и кровопролитные столкновения, например, в 1990 г. в Барине (пригород Кашгара) и несколько раз в 1996-1997 гг., в частности в Ининге, в северной части Синьцзяна у границы с Казахстаном.

С тех пор Пекин ужесточил меры против любой формы автономии и националистических (часто пантюркистских) движений, особенно среди студенческих групп, которые сделали уйгурское движение более радикальным и более исламизированным^[12]. Китайские власти убеждены, что проект развития «дальнего Запада» ускорит модернизацию Синьцзяна и смягчит напряжение, потому что уйгуры поймут перспективы нахождения в Китае. Однако этот проект может и усилить напряженность, так как его реализация сопровождается наплывом китайцев хан, колонистов, так назы-

[9] Савкович Е.В. Уйгурская проблема в рамках ШОС (Казахстан и Китай, 1990 - начало 2000-х гг.). – Аналитика. 2006. 11 января. (www.analitika.org/article.php?story=20060111220352543).

[10] Галимова В.Ф. Этнический сепаратизм в Синьцзяне: состояние проблемы и перспективы // Казахстан-спектр. – 2004. № 1. – С. 9-15.

[11] Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Алматы: Дайк Пресс, 2003. – С. 299.

[12] M. Laruelle, S. Peyrouse, Les Russes du Kazakhstan. Identit s nationales et nouveaux Etats dans l'espace post-sovi tique, Paris: Maisonneuve & Larose/IFEAC, 2004.

ваемых «солдат-крестьян», составляющих строительную и производственную армию (Xinjiang shengchan jianche bingtuan) Синьцзяна. Социально-экономическая стратификация не исчезнет, а наложится на разделение по этническому принципу, и маргинализация уйгуров продолжится^[13]. Хотя объективную информацию о бомбардировках городов Кашгар и Куа в Синьцзяне в начале августа 2008 г. получить сложно – Пекин обвиняет в этом Восточно-туркестанское исламское движение, а активисты уйгурского движения за независимость отвергают эти обвинения, и можно допустить, что бомбардировки могли спровоцировать сами власти – ситуация остается крайне напряженной. Власти, по сути, ужесточили контроль над религиозной жизнью. Они практически запретили частные паломничества в Мекку (можно ездить только в составе официальных групп, но это очень дорого, группы находятся под контролем, и мест в любом случае не хватает), у уйгуров из Кашгарского региона были отняты паспорта, чтобы ограничить пересечение ими границы, особенно с Пакистаном, ограничили допуск в мечети, введя запрет на посещение для гражданских чиновников, студентов и преподавателей, и запретили с этого года ряду лиц, в том числе студентам, отмечать Рамадан.

Как и в случае с Косово, Южной Осетией и Абхазией, для правильного понимания уйгурской проблемы нужно учесть несколько факторов. Как и для сепаратистов Чечни, для уйгуров ислам стал флагом антиколониального движения: хотя Восточно-туркестанское исламское движение частично связано с Аль-Каидой, оно представляет только одно из течений уйгурского движения за независимость, а само движение – только малую часть населения. Возможно, с 2000 г. Китай и хотел бы объявить – как Москва на Северном Кавказе – свою борьбу с уйгурами частью борьбы с международным терроризмом, но уйгурское движение отнюдь не является религиозным в своей основе.

На самом деле, по сути своей этот конфликт на национальной почве сходен с борьбой против колонизации. Кроме того, любая попытка политической либерализации со стороны китайских властей исходно ограничена из-за риска отделения и Синьцзяна, и Тибета, что замыкает порочный круг. Авторитарный режим не может позволить никакой национальной автономии, так как любые демократические подвижки режима чреваты расколом территории. Поэтому страны Центральной Азии по-прежнему озабочены серьезной угрозой дестабилизации региона в связи с уйгурским вопросом: никто не хочет ни появления уйгурского государства, которое будет синонимом «второго Афганистана», ни сохранения постоянной угрозы взрыва в регионе мира, где Кабул и Исламабад уже на грани дестабилизации.

Рекомендации

В Евразии сепаратизм становится серьезной проблемой, и ЕС может сыграть позитивную роль в ее разрешении – особенно в том, что касается предотвращения конфликтов, управления конфликтами и подготовки устойчивых решений существующих конфликтов. Однако эту проблему нельзя решать по частям, позиция ЕС должна быть логичной, последовательной и ориентированной на достижение цели в тех областях Евразии, где существует угроза территориального раскола, если ЕС хочет играть в регионе серьезную роль.

[13] G. Bovington, «Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent», East-West Center Policy Papers, no. 11, Washington: East-West Center, 2004.

Экономические действия

Создать экономические стимулы для мира. Нельзя забывать, что за призывами к сецессии стоят силы, экономические интересы которых требуют сохранения политического беспорядка, так как именно он позволяет им богатеть (например, югоосетинские боевики). Поэтому необходимо разделить политические вопросы, связанные с идеей сецессии, и экономические интересы местных криминальных групп, которые часто мешают разрешению конфликта. Например, на территориях замороженных конфликтов идет активная контрабанда и наркоторговля. ЕС следует поддерживать экономическое сотрудничество на основе признания национальных границ и отказываться от торговли с компаниями, использующими ситуацию сецессии (принять специальные санкции против ввоза некоторых продуктов на европейские рынки и т. д.).

Многосторонние политические и дипломатические действия

Внимательно следить за ситуацией в Молдове и в Украине. Эти две страны следует рассматривать как ключевые для отношений ЕС – Россия. ЕС должен разработать более эффективный механизм для мониторинга политического развития этих стран и провести совместные мероприятия («круглые столы» и семинары) с участием их интеллектуальной и политической элиты, чтобы обеспечить широкую поддержку статус кво государственных границ и не допустить поспешного выступления какой-то из сторон в поддержку раскола.

Обратить больше внимания на вопросы исторической памяти (особенно в связи со Второй мировой войной), чтобы избежать политизации этой темы в отношениях с Россией. По этому вопросу позиции «западных» членов ЕС отличаются от позиций стран, входивших в коммунистический блок, особенно Польши и стран Балтии. ЕС будет непросто единогласно выступать по внешнеполитическим вопросам в отсутствие общей стратегии, разработка которой невозможна, пока не будут сняты эмоциональные проблемы, которые по-прежнему влияют на отношения бывших коммунистических стран с Москвой.

Выступить с инициативой совместной встречи – диалога ЕС – ШОС по вопросам сепаратизма. Это будет способствовать лучшему взаимопониманию между странами по этому сложному вопросу и смягчит антисепаратистскую и антитеррористическую позицию ШОС. Диалог должен быть структурирован так, чтобы вызвать дискуссию о лучших способах решения проблемы сепаратизма в контексте диалога, переговоров и принятия во внимание устремлений всех сторон.

Двусторонние дипломатические действия

Привлечь Россию к участию в постоянном диалоге на тему сепаратизма. Дипломатическая изоляция России по вопросам Южной Осетии и Абхазии сама по себе не должна рассматриваться как победа, так как такой подход может привести к радикальным решениям по вопросам Приднестровья или Крыма, которые, по сути, осложнят дальнейший диалог с ЕС. ЕС следует пытаться установить с Москвой конструктивный диалог и избегать политизации вопроса о меньшинствах или сделать его инструментом в дипломатических отношениях. ЕС не следует забывать, что и Россию волнуют

возможные последствия этой проблемы для ее территориальной целостности.

Способствовать проведению регулярных консультаций (в ходе двустороннего диалога по правам человека ЕС – Центральная Азия и на двусторонних встречах на высшем уровне) с каждой из стран Центральной Азии по вопросам о месте национальных меньшинств. Центральноазиатские страны нуждаются в политических, социальных и экономических моделях, которые позволяли бы балансировать интересы государственного строительства с защитой и развитием сообществ этнических меньшинств. ЕС должен стремиться усилить роль Верховного комиссара по национальным меньшинствам ОБСЕ в регионе в интересах мирной этнической интеграции и финансировать проекты, делающие особый упор на проблему интеграции национальных меньшинств.

Укрепить позиции ЕС в двустороннем диалоге с Китаем по вопросам прав человека и другим вопросам. ЕС должен четче определить свою позицию по уйгурскому вопросу, который не является частью стратегии ЕС в Центральной Азии. Возможно, следует поддерживать законные требования культурной автономии, не ведущие к политическому расколу. Можно найти партнеров на местах, которые выражали бы общественное мнение, и тем самым опровергнуть утверждения властей, что любое упоминание об уйгурской идентичности непременно ассоциируется с исламизмом. Можно предложить стратегию с учетом позиции политической власти Китая, которая способствовала бы ее вовлечению в переговоры. Позитивные подвижки в странах Центральной Азии по этому вопросу оказали бы давление на Китай и показали бы, что существует альтернатива насильственной ассимиляции.

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН В ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ РОССИИ¹

ПАРАМОНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат политических наук, эксперт / аналитик по Центральной Азии и Центральной Евразии, руководитель проекта «Центральная Евразия» (Ташкент, Узбекистан)

СТРОКОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат химических наук, независимый эксперт (Ташкент, Узбекистан)

Как известно, история способна дать ответы на самые сложные вопросы, стоящие на повестке дня и современности, и будущего. Все это справедливо и в случае с историей китайского присутствия в центре Евразии: современной Центральной Азии и смежных пространствах. Как представляется, эта история четко высвечивает не только локомотивную роль Китая в сфере экономики, но и крайне позитивную роль России в Евразии в сферах политики, экономики и безопасности, связанную с закрепившейся начиная с XIX в. именно за российским государством интеграционной функции в евразийских процессах.

На наш взгляд, без глубокого понимания всего этого в самой России, Китае, Европе и других евразийских государствах не будет достигнуто и понимания наиболее оправданных схем и алгоритмов своего развития и взаимодействия друг с другом: страны континента будут, по-прежнему, «идти в фарватере» навязываемых им из вне схем и алгоритмов развития и взаимодействия. Следовательно, так и не будет решена ключевая стратегическая задача, объединяющая евразийские центры силы: по совместному освоению, развитию и обороне Евразии, а в итоге – ее долгосрочной стабилизации.

Возвращение Китая в Центральную Азию

С точки зрения современности началом процесса китайского проникновения в Центральную Азию принято считать распад СССР – дезинтеграцию единого экономического, политического и оборонного пространства Советского Союза, в результате чего на обширных территориях Евразии возник так называемый геополитический и геоэкономический вакуум, который стал «заполняться» ведущими глобальными и региональными игроками (центрами силы), в том числе и Китайской Народной Республикой. Однако с точки зрения истории, китайское проникновение в Центральную Азию все же следует рассматривать именно через призму «возвращения Китая в регион», тем более что китайско-центральноазиатские отношения насчитывают не менее двух тысяч лет, отчетливо высвечивая два принципиально важных периода:

- период расцвета Великого шелкового пути;
- период заката Великого шелкового пути.

[1] Источник: Авторский проект Владимира Парамонова "Центральная Евразия", www.ceasia.ru.

Рассмотрим все это концептуально-схематично. С одной стороны, подобный аналитический – междисциплинарный подход позволяет максимально приблизиться к осмыслению ключевых элементов истории, а, следовательно, современности и возможного будущего. С другой стороны, данный подход предполагает высокую степень условности основных формулировок: требует «спрессовать», «сжать» историю (описав ее кратко, выделив самое главное и пожертвовав второстепенным) и, одновременно, выявить взаимосвязь между вопросами политики, экономики и безопасности.

Период расцвета Великого шелкового пути

Данный период начался примерно во II в. до н. э., когда сформировалась трансевразийская система сухопутного торгового транзита, и продолжался около восемнадцати столетий, вплоть до конца XVI в., став тем самым наиболее длительным в истории отношений между Китаем и Центральной Азией, а также смежными территориями. Китайское присутствие в регионе и китайско-центральноазиатские связи носили в основном торгово-экономический характер, а вопросы *политики* и *безопасности*, хотя и имели значение, однако, в целом, были вторичны по сравнению с вопросами *экономики*.

Во-первых, в *экономическом* плане в период расцвета Великого шелкового пути государственные образования, расположенные на территории современной Центральной Азии, служили торгово-транспортным мостом между Европой и Азией, а сухопутный транзит был главным локомотивом экономического развития и научного прогресса региона, а также смежных внутренних пространств Евразии.

Во-вторых, в плане *безопасности* китайско-центральноазиатские связи имели достаточно важное, хотя и крайне неоднозначное влияние на всю систему международных отношений того времени. С одной стороны, эти связи были органично «вплетены» в борьбу за контроль над различными сегментами сухопутных торговых коммуникаций. С другой стороны, и правители Китая, и правители Центральной Азии прилагали максимум усилий для обеспечения безопасности самих торговых потоков.

В-третьих, в *политическом* плане китайское присутствие в регионе, как и собственно взаимовлияние Китая и Центральной Азии друг на друга, были минимальными, не вели к их «геополитическому сращиванию», равно как и к формированию между ними союзнических отношений. Центральноазиатский регион выполнял две диаметрально противоположные функции во взаимодействии между Китаем и другими цивилизациями, государствами, нациями, культурами и конфессиями: посредническую и буферную. Подобная двойственность отношений во многом была обусловлена значительной географической удаленностью центров политической жизни Китая и Центральной Азии, сильным различием их культур и религий.

Период заката Великого шелкового пути

С конца XVI в. стремительное развитие морских транспортных перевозок в эпоху великих географических открытий привело к переориентации мировой торговли с сухопутных маршрутов на морские, вызвав тем самым тектонические сдвиги во всей системе международных отношений. Как в плане *экономики*, так и в плане *политики* и *безопасности* кардинально возросло значение морских коммуникаций и приморских территорий Евразии, а значение внутренних пространств существенно уменьшилось.

И хотя в период XVII–XIX вв. (по мере освоения приморских территорий в ходе колониальных компаний того времени) значение внутренних пространств Евразии в определенной степени также росло, однако в *экономическом* плане оно так и не приблизилось к значению приморских. Даже несмотря на имевшую место в XIX–XX вв. тесную экономическую интеграцию значительных территорий внутренней Евразии в составе Российской империи, а затем – СССР, научно-технический прогресс и глобализацию, магистральные направления мирового экономического развития и сотрудничества вплоть до настоящего дня по-прежнему тесно связаны с морским транспортом, а основные промышленные центры расположены в непосредственной близости от морских коммуникаций – главных артерий глобальной торговли.

В итоге, уже на протяжении более четырех столетий сухопутный транзит между Европой и Азией, а также, собственно, между Центральной Азией и Китаем находится в состоянии глубокого упадка, что еще в конце XVI в. вызвало принципиальные изменения характера китайского присутствия в регионе и формата китайско-центральноазиатского взаимодействия.

Во-первых, в *экономическом* плане, вместе с закатом Великого шелкового пути и масштабным свертыванием сухопутных торговых отношений между Европой и Азией, были прерваны транспортно-коммуникационные, производственные, научные и иные связи между Китаем и Центральной Азией. Сам же центральноазиатский регион и смежные с ним внутренние пространства Евразии на долгое время оказались в состоянии экономико-географической изоляции. Хотя в результате вхождения в состав Российской империи, а затем – СССР, Центральная Азия частично преодолела эту изоляцию, однако ее экономические связи с Китаем вплоть до распада Советского Союза оставались на крайне низком уровне, а роль региона в качестве торгово-транспортного моста между Европой и Азией так и не была восстановлена.

Во-вторых, по мере заката торговли вдоль Великого шелкового пути в китайско-центральноазиатских отношениях стала нарастать и *политическая* напряженность. Как представляется, это во многом связано с тем, что сильное влияние народов региона на национальное самоопределение уйгуров и других этносов в корне противоречило геополитическим интересам Китая, вынуждая его предпринимать решительные действия по установлению контроля над приграничными с Центральной Азией территориями, на которые распространялось китайское влияние. Поэтому, в силу закономерного в данных условиях политического размежевания, центральноазиатский регион сохранил за собой лишь буферную функцию во взаимодействии Китая с другими цивилизациями, государствами, нациями, культурами и конфессиями, однако практически полностью утратил посредническую. В результате с конца XVIII в., после включения соседнего с Центральной Азией региона – Восточного Туркестана (части современного Синьцзяна) в состав Китайской империи, китайско-центральноазиатские политические связи были практически свернуты. В период же вхождения региона в состав Российской империи и СССР все политические вопросы стали предметом сначала российско-китайских, а затем и советско-китайских отношений.

В-третьих, в условиях кардинального снижения значимости экономических отношений закономерным стал пересмотр Китаем и Центральной Азией ключевых принципов взаимодействия в сфере *безопасности*: в сторону все большего восприятия друг друга в качестве потенциальных противников и источников угроз. Особо острые формы это стало приобретать с конца XVIII в., после включения Восточного Туркестана в состав Китайской империи. Начиная же со второй половины XIX в., когда центральноазиатский

регион вошел в состав Российской империи, а также в период существования СССР, все вопросы безопасности стали предметом сначала российско-китайских, а затем и советско-китайских отношений. Это значительно смягчило и саму остроту противоречий между Китаем и Центральной Азией.

В целом, концептуально-схематичный анализ основных этапов присутствия Китая в Центральной Азии и смежных пространствах позволяет сделать следующие, как представляется, принципиально важные выводы.

Во-первых, с точки зрения истории, именно сухопутный транзит между Европой и Азией долгое время был главным локомотивом экономического развития и научного прогресса во внутренних пространствах Евразии, включающих Центральную Азию, значительные территории Китая, а также ряда других стран/регионов. По сути, сухопутный торговый транзит выступал в качестве системообразующего элемента формирования в центре Евразии более устойчивых, стабильных и предсказуемых схем международного сотрудничества в сферах экономики, политики и безопасности. Поэтому следует предположить, что без восстановления торгового транзита по трансевразийским сухопутным коммуникациям не может быть и речи о выстраивании такой схемы и такого алгоритма межгосударственных отношений в Евразии, которые отвечали бы интересам и одновременно стали гарантом комплексного, динамичного и долгосрочного развития континента, в том числе Китая, России и Европы.

Во-вторых, с точки зрения современности, более чем вековое совместное сосуществование России и Центральной Азии в рамках единых государственных образований объективно делает историческое наследие российско-центральноазиатских отношений более значимым и весомым по сравнению с наследием китайско-центральноазиатских отношений. И хотя с момента распада СССР геоэкономическая и геополитическая взаимозависимость между Российской Федерацией и Центральной Азией существенно ослабла, тем не менее, по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективах китайское присутствие в регионе, как и собственно китайско-центральноазиатские отношения, не могут быть концептуально оценены вне российского контекста.

В-третьих, с точки зрения будущего, базовая формула прогресса и процветания внутренних пространств Евразии может быть найдена в институциональных рамках Шанхайской организации сотрудничества – единственной структуры, объединяющей РФ, КНР и страны Центральной Азии. При этом есть все основания полагать, что системный прорыв в комплексном развитии ШОС и всех государств-членов данной организации может быть достигнут не иначе как за счет консолидации усилий России, Китая и стран Центральной Азии по совместному освоению, развитию и обороне внутренних пространств Евразии и, в первую очередь, всемерному повышению их транзитного значения в условиях интенсификации взаимодействия между Европой и Азией в сферах экономики, политики и безопасности. Поэтому, помимо укрепления ШОС, это требует выстраивания устойчивых каналов диалога и взаимодействия между Шанхайской организацией сотрудничества и Европейским союзом, масштабной координации их усилий в плане освоения, развития и защиты своих сегментов Евразии.

С распадом СССР, казалось бы, вновь открылись исторически уникальные перспективы для многопланового межгосударственного сотрудничества на пространствах Евразии, экономической основой чего стал бы восстановленный Великий шелковый путь – сухопутный торговый транзит между Европой и Азией.

Однако так ли это на самом деле? Как представляется, на сегодняшний день это далеко не так. Хотя распад Советского Союза и привел к значитель-

ному усилению присутствия Китая в Евразии, в то же время он «автоматически» не вызвал реабилитацию трансевразийского сухопутного транзита, равно как и формирование устойчивой схемы межгосударственных отношений в центре континента. В итоге, период заката Великого шелкового пути вовсе не завершен, а системные проблемы и противоречия, в том числе в отношениях между Европой и Россией, Россией и Китаем, Китаем и странами Центральной Азии, так и не преодолены.

В этом плане характерно, что такие важные центры силы на континенте, как РФ и ЕС, не только не предпринимают согласованных действий для решения существующих во внутренней Евразии проблем, но и, более того, своей современной политикой лишь способствуют их обострению: Россия особо не торопится использовать свое выгодное географическое положение для развития сухопутного транзита между Европой и Азией, а Евросоюз делает основную ставку на развитие трансевразийских транспортных коридоров в обход России.

Как представляется, через призму изложенных выше концептуально-схематических выводов и следует рассматривать характер современного и будущего развития значительных пространств Евразии, складывающийся и будущий формат межгосударственных отношений на континенте в сферах политики, экономики и безопасности. Главное, если продолжать рассматривать этот формат вне евразийского контекста – контекста развития отношений между Европой и Азией, ключевой роли здесь России, то он будет продолжать вести к реализации наиболее неблагоприятных сценариев для Евразии. Тем более что именно тенденция на дестабилизацию значительных пространств континента получает все новые и новые импульсы с момента распада СССР. Но главный вопрос здесь вовсе не во «внешнем заговоре против Евразии», а в неспособности основных центров силы континента понять свою же историю, найти исторически наиболее оправданные схемы и алгоритмы развития и взаимодействия, а в итоге – свои же долгосрочные интересы...

Примечание: статья подготовлена по заказу интернет-проекта «Время Востока», реализуемого Институтом стратегического анализа и прогноза КРСУ, <http://www.easttime.ru>

КИТАЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Кандидат экономических наук, эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

История китайского присутствия на Дальнем Востоке

Китайское присутствие на Дальнем Востоке имеет давнюю историю. Например, по сей день живым архитектурным свидетельством присутствия китайцев во Владивостоке до революции остаются старые районы в центре города с системой проходных дворов, где когда-то жили китайские рабочие (см. рис.1).

Прошло больше семидесяти лет – до нового более-менее массового появления китайцев на российском Дальнем Востоке, и опять постепенно сложились районы и места их концентрации. Так, например, во Владивостоке, китайцы традиционно се-

Рис. 1
Бывший
китайский район
во Владивостоке.
Двор ул. Фокина

лились в гостинице «Амурский залив», а в Хабаровске они компактно расселяются в авиагородке, недалеко от аэропорта, покупая там квартиры или снимая их в «сталинских» домах в 3-4 этажа, некогда построенных когда-то для летчиков, и в общежитиях неработающего сейчас завода им. Горького.

Ни в Хабаровске, ни во Владивостоке нет районов, где живут только китайские граждане, о чайнатаунах речь пока не идет, но есть районы их концентрации. Так, если в авиагородке Хабаровска они снимают или покупают квартиру, и рядом кто-то сдает еще одну квартиру, они обязательно ее снимут, и таким образом и образуются места их компактного проживания.

С начала 1990-х гг. существовали специальные казино для китайцев и целая сеть магазинов, куда их привозили и где они покупали часы, бинок-

[1] Статья написана на основе 19 экспертных интервью (в Хабаровске опрошено 4 эксперта во Владивостоке – 15 экспертов), взятых автором этой статьи. Чувство глубокой благодарности автор выражает Ж.А. Зайончковской, советы и неоценимая помощь которой сделали возможным проведение этого исследования. Финансовую поддержку исследованию оказал Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, директору которого, В.В. Ивантеру, автор выражает личную признательность за поддержку и всемерную помощь в проведении этого исследования. Свою глубокую благодарность автор также выражает Шаловой Г., сотруднице ИСПИ-Казахстан, чью помощь в обработке интервью для этого проекта сложно переоценить.

ли, подозрительные трубы, российское золото, конфеты, напитки. Со временем эти магазины и казино закрылись, да и сама инфраструктура сервисов китайских граждан и для них на Дальнем Востоке сильно изменилась. Теперь сами китайцы привозят в Россию всевозможные товары и, продавая их по невысоким ценам, помогают выживать семьям с небольшими доходами, а также помогают экономить всем тем, кто хочет это сделать, покупая их продукцию. Безусловно, вопрос качества некоторых из этих товаров заслуживает отдельного разговора, но факт остается фактом – китайские товары очень дешевы и конкурентоспособны.

Сложности статистического учета

По мнению экспертов, в последние годы на Дальнем Востоке стало больше тех китайских граждан, кто долго пребывает на территории РФ, а туристов стало меньше. Эксперты называют 3 причины такого спада: первая – закрытие казино, куда ездили китайские туристы (особенно это было характерно для Благовещенска), вторая – ограничения для иностранцев в торговле на рынках, третья – введение визовых ограничений.

Сложности в системе учета китайского присутствия эксперты, в том числе, связывают и с тем, что со временем структура статистической отчетности не меняется и вообще слабо совершенствуется, а это не добавляет ясности ситуации. По свидетельству владивостокских экспертов, за последние 10 лет отношения с Китаем стабилизировались, и китайцев, скорее всего, не становится больше или меньше. Существует стабильная численность, в 10-12 тысяч, и происходит внутренняя ротация в этих рамках – выезд-въезд. На границе и в миграционной службе ситуацию с китайцами, въехавшими на официальной основе, контролируют. Но ситуация гораздо хуже и серьезнее с безвизовиками: сколько их, где они, кто они – сложно сказать. И хотя их число, по словам экспертов, не так уж велико, но проблема эта стоит остро.

По мнению экспертов, около 20% китайских мигрантов приезжают с родственниками женского пола (мамами, женами, племянницами, дочерьми), и уместно говорить не о семейности, а о семейственности такой миграции. Работают китайские мигрантки в торговой сфере, сфере услуг, мелком бизнесе. Визуально на рынках их можно наблюдать торгующими тапочками, занимающимися мелким ремонтом, вытачивающими ключи. Это мелкий бизнес, и он не соприкасается с большим бизнесом, таким как строительство, где семейного подряда очень мало. И такая семейственность, в том числе через межэтнические браки с местным населением, имеет в последнее время восходящую тенденцию.

По мнению опрошенных экспертов, примерно 25-30% мигрантов на Дальнем Востоке на сегодняшний день работают нелегально. Если говорить о количестве нелегалов, то эксперты предпочитают говорить о том, что их число резко не уменьшилось, хотя, по-видимому, сократилось. Отчасти этому способствуют более жесткие законы. В Хабаровске, например, миграционные службы часто проводят операции «Нелегал» по рынкам, стройкам, общежитиям. Важно еще и то, кого считать нелегалом. Ими китайские граждане становятся по разным причинам: одних заставляют судьба – им так нужно, чтобы исчезнуть из поля зрения контрольных или надзорных органов, но большинство понимает, что лучше иметь документы, чтобы спокойно работать, потому что за ними осуществляется особенно строгий контроль. Поэтому разными путями китайцы пытаются легализоваться. Кроме того, эксперты отмечали, что увеличение или уменьшение количества нелегалов связано, в том числе, и с количеством людей, не охваченных статистически-

ми сводками. К сожалению, открытая для специалистов единая информационная база по мигрантам на Дальнем Востоке до сих пор отсутствует.

По суждениям экспертов, местная боязнь китайского присутствия и китайского продвижения на Дальнем Востоке складывается как на основе устоявшихся стереотипов, так и из-за неуверенности в том, что «в случае чего» интересы местного населения не будут поставлены в качестве главного приоритета. В основном же, население Хабаровска и Владивостока, по мнению экспертов, лояльно относится к соседям-китайцам, понимая, что в условиях глобализации никуда от Китая Дальнему Востоку «не деться». При нехватке рабочей силы их приезд и работа – благо для экономики, просто необходимо соблюдать законы и не допускать коррупции, что, по представлениям экспертов, и является самой сложной проблемой.

Рис. 2
Центральный рынок
Хабаровска

Стратегии поведения и реакция на выстраивание барьеров для ведения бизнеса

Хотелось бы поделиться с читателем личными наблюдениями за китайской торговлей на рынках Хабаровска и Владивостока, и он хочет ими поделиться с читателем. Из-за ограничений, введенных на торговлю, как правило, в отделе с китайскими товарами присутствует русская девушка, которая принимает деньги от покупателей, но всегда присутствуют один или два китайца или китайки. Они остались на рынке, но стоят «за спиной» у русских продавцов, оформленные менеджерами, носильщиками, рабочими. При оформлении специальных трудовых договоров китайцам разрешается быть и владельцами своих торговых точек. Это можно увидеть на Центральном рынке Хабаровска, где есть бутики и торговые точки, в которых работают только китайцы. У них, по-видимому, оформлена рабочая виза на осуществление этой деятельности. Иногда на рынке китайцы стараются китайские товары выдавать за российские (например, в одном из магазинчиков Хабаровска на входе была крупная надпись «Москва», хотя торгуют здесь явно китайскими товарами).

С введением ограничений на беспошлинный ввоз в РФ частными лицами товаров из-за рубежа, в том числе и из Китая, весом до 35 кг, по стоимости не превышающих 65 тыс. руб., повлекло за собой, например, в Хабаровске, возникновение т. н. эконом-туров. Такой тур стоит 1 тыс. руб. и он предоставляется торговцем или хозяином магазинчика россиянину (их называют «помогайки»), который на 1-2 дня едет в Китай – на катере через Амур на другую сторону реки (это примерно час езды на лодке), с тем чтобы он перевез 30-32 кг багажа, а себе купил не более 3-5 кг каких-либо товаров (это может быть та же одежда). Россияне едут, в том числе и потому, что за эту тысячу или полторы рублей можно два дня прожить в Китае, развлечься. Главное для «помогайки» в этом случае – пройти российскую таможню. Перевозчики-

помогайки требуют от китайского владельца товара список того, что они перевозят, чтобы знать, что там находится. Китайскую таможенную пройти очень легко, а на российской таможне могут спросить, что везешь и кому везешь, и проверить, укладывается ли провозимое в 65 тыс. руб. Очевидно, что такой «выход», найденный предпринимателями, отражает реальную неурегулированную проблему оптовой торговли между Китаем и РФ, решать которую необходимо и возможно в интересах небогатого российского населения и укрепления российско-китайских торговых связей.

Китайские мигранты и проблемы сельскохозяйственной сферы

Возвращаясь к визуальным наблюдениям автора за китайской торговлей, можно отметить, что на продовольственной части Центрального рынка Хабаровска китайцев почти не видно, хотя товары из области Лазо (где они традиционно выращивают в теплицах овощи и фрукты), например арбузы, явно китайские, как и яблоки, и некоторые другие овощи и фрукты.

Рис. 3
«Китайские»
арбузы на
Центральном
рынке
Хабаровска

По мнению самих китайских представителей, продукция Китая обильнее прочих иностранных товаров представлена на Дальнем Востоке, и ее много, и очень разной – в том числе и некачественной. Других товаров просто меньше, поэтому их и не ругают, а ругают китайские. Вообще, работа китайцев в сельском хозяйстве

Дальнего Востока – тема отдельная и очень непростая. Так, сезонные сельскохозяйственные рабочие-китайцы летом иногда строят временные жилища рядом с полем, которое снимают в аренду и что-то на нем выращивают, и почти, а иногда и буквально, в шалашах живут с весны до поздней осени. Например, в Еврейской автономной области во много сельских хозяйствах, трудятся китайские рабочие.

При использовании таких арендованных земель возникают определенные проблемы, и это вызывает серьезную озабоченность и полемику. По свидетельству экспертов, вся китайская продукция делится на две составляющие: то, что выращено в Китае и привезено в РФ, проходит достаточно жесткий санитарный контроль, а выращенная в России продукция практически не проверяется и не сертифицируется. По свидетельствам части опрошенных экспертов, в СМИ неоднократно поднимался вопрос о том, что из-за вносимых в почву химических удобрений на арендованных китайскими гражданами полях, земля выходит из оборота уже через три года: такое интенсивное использование портит ее, и она уже не может плодоносить^[2]. Удобрения эти перевозятся через реку нелегальным путем. В прессе и по ТВ эта проблема связывается также с тем фактом, что на Дальнем Востоке самая большая заболеваемость раковыми заболеваниями. Предполагается, что это происходит из-за использования в пищу продуктов, выращенных на таких удобрениях. Но эксперты также указывали, что на Дальнем Востоке вообще

[2] См., например: «Хабаровский край отказывает китайским крестьянам в аренде своих земель». 2 августа 2006 г. <http://www.restate.ru/material/22736.html>

более высокий природный радиационный фон, существовавший с самого начала систематических радиационных замеров. Кроме того, как источник такого радиационного фона эксперты отмечали захоронения химических и ядерных отходов на Дальнем Востоке, в том числе недалеко от населенных пунктов, и Владивостока в частности, так что, как видим, информация очень разноречива. Дальний Восток традиционно отличался более высоким уровнем онкологических заболеваний. Несомненно одно – контроль, как за радиационным фоном, так и за использованием арендуемых китайскими гражданами земель, вполне реален. Так, например, продукция, поступающая из Китая, на российской границе обследуется строго, а в самой РФ контроль качества производимой продукции крайне слабый. Массовая проверка, в условиях нехватки сотрудников в контролирующих органах и коррупции, превращается в достаточно формальную процедуру, касающуюся не только китайской, но и местной продукции. Так что речь, по-видимому, должна идти, прежде всего, о контроле производства продукции на территории РФ и пресечении контрабанды химически вредных удобрений на границах РФ. К сожалению, проблема экологического контроля – это проблема не Приморья, это проблема России в целом.

Китайские мигранты и сфера торговли и услуг

Переходя к описанию китайской рыночной торговли во Владивостоке, можно отметить, что постепенно, наряду с торговлей и общепитом, китайские граждане развивают сферу услуг, в том числе открывают парикмахерские, массажные салоны, фотосалоны, подгонку и ремонт одежды, ремонт обуви, сумок, курток, телефонов.

Рынок этих услуг все больше и больше развивается. Россияне пользуются такими услугами потому, что обслуживающие их китайцы знают русский язык, в помещениях, где оказываются такие услуги, достаточно чисто, хорошо все обустроено, а главное, дешево.

Рис. 4
Объявление
в рейсовом
городском
автобусе
Владивостока

Значительная часть китайского бизнеса остается в необустроенной форме. Так, на той же «Спортивной» – рынке Владивостока, в дождь и грязь посетителям приходится перепрыгивать через лужи и мириться с антисанитарией. Но доступность предлагаемых для российского населения цен позволяет существовать и такому китайскому бизнесу. Существует и целиком китайский рынок, расположенный в пригороде и называемый «Китай-город» (см. фото), до него ехать примерно полчаса, от центра на автобусе или такси.

Если говорить о китайских пунктах питания, то в Хабаровске, например, есть китайские ресторанчики, число которых постепенно растет уже несколько лет, и цена там – за вход. Заплатив 200 руб., можно есть без ограничений. Цена сейчас выросла – несколько лет назад она была 100 руб.

Рис. 5
Реклама
китайской
парикмахерской на
рынке «Китай-
город» во
Владивостоке

Рис. 6
Рынок «Китай-
город» во
Владивостоке

они более разнообразны по ценам и обслуживанию, чем в Хабаровске.

Учебная миграция и обучение китайскому языку

Переходя к учебной миграции из Китая на Дальний Восток, можно отметить, что на Дальнем Востоке в основном учатся китайские студенты из самых близких – северо-восточных провинций (Хэйлудзянь, Дзилинь и Ляолян). По свидетельству экспертов, учебных китайских мигрантов на Дальнем Востоке не менее 3 тыс. и не более 5-6 тыс. человек, в основном в Хабаровске, Владивостоке и Благовещенске. Одни из самых популярных специальностей – юриспруденция, менеджмент.

Если вузы имеют договоры по взаимозачету аттестации, то дипломы частных лицензированных российских вузов признают в Китае, а обычно признаются только дипломы государственных вузов. Обучавшиеся в РФ китайцы ценятся в Китае – они уже имеют опыт проживания и контакты за рубежом.

Китайские студенты, подрабатывающие на рынках, сейчас стали учиться более прилежно, и их обучение не служит прикрытием для работы, как, по свидетельству экспертов, частенько бывало раньше. Но вместе с тем, китайские студенты не могут совсем не работать на рынках: так как они учатся в вузах и знают русский язык, они востребованы там, и на рынке их нанимают с радостью, предлагая заработок, от которого сложно отказаться. Рынок их в себя «втягивает». Обычно это начинается с просьбы помочь в выходные,

Такие закусовые начали появляться давно, только их количество возрастает очень медленно, а самая дешевая китайская еда – в закусовых на рынках, где торгуют китайцы. Надо отметить, что в Хабаровске до сих пор не существует развитой единой сети быстрого и дешевого питания, для которой сеть немногочисленных китайских закусовых могла бы быть серьезным конкурентом. Эксперты во Владивостоке отмечали, что в открываемых китайцами ресторанах работают мигранты из стран Центральной Азии, например узбеки. В целом во Владивостоке больше китайских ресторанов, и

а потом студенты постепенно переходят и к работе в будни, после занятий. Часть экспертов связывают работу китайских студентов на рынке и с ментальностью китайцев, составной частью которой является уважение к обеспеченным людям.

Приморье, по свидетельству экспертов, по численности учебных мигрантов находится на 3-м месте после Амурской области и Хабаровского края. Во Владивостоке существует Институт Конфуция, где россияне обучаются китайскому языку, а в Техническом университете учатся китайские студенты, немного студентов занимается и в академии искусств.

Владивостокские вузы готовы принять большее число китайских студентов, чем обучают сейчас, но это ограничивается числом мест в общежитиях, и сами условия проживания оставляют желать лучшего. Кроме того, Китай тоже стремится найти другие страны, где можно получить образо-

Рис. 7
Институт
Конфуция во
Владивостоке

вание, а конкуренция на мировом образовательном рынке очень большая. Сейчас пошел спад изучения русского языка в Китае, а всплеск, который был в 1990-е гг., к сожалению, сейчас затухает.

По свидетельству экспертов, развитие профессионально-технических училищ в Приморье не позволяет говорить, что они готовы принимать китайских учащихся. У них слабая материально-техническая база, что было – все разрушилось, а на восстановление нужны время и деньги, которые выделяются крайне скупо.

* * *

Подытоживая, можно сказать, что к проблеме малого использования потенциала российско-китайского сотрудничества, в основном не решенной именно с российской стороны, в последнее время добавилась проблема переориентации КНР на другие мировые рынки сбыта и сотрудничество со странами, с более удобными условиями для развития партнерских отношений. Время идет вперед, а Россия, окружив себя мифами о «китайской угрозе», так и не задействует «китайский фактор» в своем экономическом развитии, делая позитивное и, главное, взаимовыгодное развитие российско-китайских отношений делом все более отдаленного будущего, постепенно вытесняя в сферу теневых экономических отношений отношения с КНР в настоящем.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ

КАЗЫБЕК ШАЙХ

Исполняющий обязанности председателя АГБОФ «Фонд мира РК», генеральный директор Агентства креативных решений «SNAIKH» (Алматы, Казахстан)

Наше соседство с Китаем является следствием длительных исторических процессов выстраивания отношений, имеющих уходящую в далекую древность длительную историю. Люди, такова их природа, выбирают или изменяют для жизни окружающее их пространство, природу, а с соседями стараются выстроить гомеостаз отношений.

Особенности культуры китайцев и культуры казахов сделали возможными наше соседство и сосуществование.

Так это было в древней истории, когда наши предки могли перемещаться более или менее свободно, так происходит и сейчас, когда наши страны непрерывно пытаются укрепить внутреннюю устойчивость, учитывая потребности, ресурсы и потенциал соседей, что зачастую и определяет, каких соседей мы имеем.

Целью статьи является задать импульс и вынести на обсуждение список перспективных позиций в развитии отношений сотрудничества между Китаем и Казахстаном, которые смогут стать основой для пополнения данного списка учеными Казахстана и других стран.

Казахстан интересен Китаю, по моему мнению, по нескольким причинам:

1. Пояс ресурсной безопасности.

Китай – один из крупнейших мировых производителей. И это залог его внутренней устойчивости и быстрого роста в мировом пространстве. Экономика производителя требует непрерывного сбыта и беспрестанного поступления ресурсов.

Китай испытывает трудности в балансе спроса и предложения в сфере ресурсов, и поэтому многие значимые стратегические ресурсы характеризуются низким содержанием, плохим качеством и небольшими размерами, в связи с чем Китай переживает обостряющийся дисбаланс между спросом и предложением. А мировые производители, как правило, опираются главным образом на индустриальные экономические секторы с высоким расходом ресурсов. В этой связи, наряду с полноценным развертыванием внутреннего потенциала в сфере ресурсов, Китай активно создает зарубежные базы для обеспечения стабильного снабжения ресурсами, что становится неизбежным выбором Китая в целях исполнения ответственности в сфере производства перед миром и обеспечения устойчивого развития народного хозяйства.

Активная реализация создания пояса ресурсной безопасности и создание механизма по национальной энергетической безопасности являются глобальными приоритетами Китая. Как известно, в сфере ресурсной безопасности Китай ввел энергетическую дипломатию. В этой связи тщательно прорабатывается и формируется механизм глобальной системы отношений с разнообразными каналами по переброске нефти и диверсификации секторов обеспечения ресурсами. В этом плане именно Казахстан с его богатыми и доступными к транспортировке природными ресурсами интересен для развития пояса ресурсной безопасности и устойчивости роста Китая.

2. Расширение плацдарма сбыта китайских товаров и технологий.

Казахстан с его небольшим населением, тем не менее, является самостоятельным интересным рынком сбыта китайских индустриальных продуктов, технологий и товаров. Богатство Казахстана природными ресурсами сделало его поставщиком сырья на мировом рынке. Казахстан является частью глобальной системы мирового рынка сырья и это, в свою очередь, является катализатором закупок самим Казахстаном добывающего, транспортного и перерабатывающего оборудования и технологий, которые делают Казахстан в этом сегменте рынка потребителем на мировом уровне. И численность населения не играет в этом значимую роль. Создав в Казахстане площадку вхождения на рынки Центральной Азии, Китай получает возможность непосредственно и, соответственно, высокоэффективно осваивать рынки всей Центральной Азии. Также вступление Казахстана в Таможенный союз открыло для Китая новые возможности переноса своих предприятий на территорию сопредельного с ними Казахстана с доступной транспортной инфраструктурой и более или менее выстроенной китайскими руководителями политикой, создав тем самым возможности расширения своей площадки для вхождения на выгодных для себя условиях на рынки бывшего СССР и дальнейшего продвижения на рынки Ирана, Турции и Европы.

3. Развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР)

Синьцзян-Уйгурский автономный район играет важную роль в энергетической безопасности Китая, поскольку именно через СУАР проходят основные трубопроводы из Центральной Азии. Непрерывающиеся витки насилия в СУАР демонстрируют, что Пекину пока не удается установить контроль над ситуацией в регионе. Также очевидно, что руководство КНР будет решать свои стратегические задачи в СУАР комплексно, усиливая местную власть, задействуя потенциал управления идеологией населения, Public Relations и создавая программы по экономическому развитию СУАР, так как эффективным методом профилактики экстремизма является повышение уровня жизни населения. И в этом плане Казахстан интересен Китаю в качестве стратегического партнера. Поскольку, по уже сложившейся ситуации, внешняя торговля СУАР на 80 % ориентирована на государства Центральной Азии, а главный торговый партнер в регионе – Казахстан (доля в импорте – 44 %, экспорте – 39 %). Обострение энергетического аппетита Китая, а также прокладка на территории Казахстана транспортных и энергетических систем только усилят этот тренд.

4. Партнер в международной политике Китая.

По моему мнению, Китай постепенно становится вторым мировым политическим полюсом, заменяя в этой нише бывший СССР. Благодаря грамот-

ной внешней политике Китая, не обременяя себя внешними конфликтами, создает мощные политические союзы. Выигрышным, в отличие от СССР, является то, что союзы и блоки, которые поддерживает (создает) Китай, основаны не на военном и политическом противостоянии, а построены на прагматизме экономических интересов его участников. Казахстан в этом плане признается Китаем в качестве регионального экономического лидера в Центральной Азии и эффективным игроком в построении отношений с Россией. Дружественный Казахстан, с его потенциальной способностью решать или снимать остроту ресурсной и энергетической безопасности (одних из главных детерминант международной политики КНР), расширяет маневренный потенциал международной политики Китая, давая возможность разворачивать программы с более долгосрочным горизонтом планирования и устойчивой эффективностью.

Интересы Казахстана в Китае можно разделить на текущие и перспективные

Разделение интересов связано с тем, что Казахстан, как политическая и экономическая система, находится по многим пунктам на более ранних этапах развития, но процессы глобализации и возможности, рожденные информационными системами, приводят к скачкообразному развитию Казахстана.

Соответственно текущее и перспективное развитие происходит за более короткое время, и их желательно рассматривать вместе, как целое, но при этом предварительно разделив, поскольку они не все отражены в реализуемых на текущий момент программах сотрудничества между двумя странами.

В качестве «текущих» можно обозначить следующие интересы:

- привлечение из Китая инвестиций или недорогих финансовых ресурсов;
- устойчивый сбыт природных и энергетических ресурсов;
- приобретение по более низким ценам ТНП, технологий, оборудования, машин и стройматериалов;
- «утяжелитель» и «международный балансировочный противовес» при продвижении политических интересов Казахстана. Причем отношение к этому настолько серьезное, что Казахстан стал страной, в которой количество китайцев в Правительстве больше чем в любой другой стране мира.

К «перспективным» интересам можно отнести:

- экологические – связанные с регулированием вопросов, связанных с трансграничными реками и экологическими последствиями, связанными с эксплуатацией природных ресурсов Казахстана;
- миграционные – Казахстан только при сотрудничестве с властью Китая сможет ограничить поток нелегальной миграции из КНР – с одной стороны, с другой стороны, также только при хорошей поддержке официального Пекина, мы сможем реализовать программы репатриации в Казахстан этнических казахов, проживающих на территории КНР;
- поддержка «голосом» при выборах представителей Казахстана в руководящие органы международных организаций (например, ООН, ВТО, МВФ, МОК и т. п.). Это новый тренд в развитии внешней политики Казахстана, но он уже имеет положительный опыт, и я уверен, Казахстан будет развивать эту практику, в качестве метода продвижения своих интересов, а также интересов «односеgmentных» с Казахстаном стран;
- выделение Центральной Азии в качестве самостоятельной политической и экономической зоны с сохранением за Казахстаном лидирующей

роли в этом процессе. Данное выделение возможно как внутри крупных международных организаций, таких как ВТО, ШОС, так и на уровне организации процессов создания таможенных или экономических союзов государств Центральной Азии;

- сотрудничество в реализации совместных космических программ. Китай стремится сократить разрыв от США и России в космическом присутствии и развитии технологий, использующих космическое пространство. Казахстан обладает на своей территории необходимой инфраструктурой, которая в данный момент находится в аренде у России. Договор аренды создает необходимое правовое поле, при котором Казахстан сможет сдать в аренду космическую инфраструктуру любому другому государству или корпорации. Для Китая аренда и использование существующей инфраструктуры смогут значительно снизить себестоимость развития космических программ и, самое главное, значительно сократить время на преодоление отставания от развитых в этой отрасли государств.

В заключение этой статьи хотелось бы еще раз подчеркнуть: оба государства – и Китай и Казахстан – объективно заинтересованы в усилении друг друга.

Но также очевидно, что это понимается на уровне высшего руководства двух стран. На уровне основной массы населения Казахстана Китай, к сожалению, воспринимается с определенной опаской.

В этом плане руководителям обоих государств необходимо развивать инструментарий «народной дипломатии», когда дружеские и доверительные отношения между государствами выстраиваются не только «сверху вниз», но и «снизу вверх».

ОБЪЕДИНЯЯСЬ ПОД НЕБЕСАМИ ПОДНЕБЕСНОЙ. ВЫЯВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОГО КИТАЙСКОГО ВЛИЯНИЯ И РОЛИ ПЕКИНА В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

КОСНАЗАРОВ ДАНИЯР

Научный сотрудник Специализированной программы для
Центрально-азиатских государств, Университет Цукуба (Цукуба, Япония)

Многие экспертные мнения в отношении потенциала Евразийского союза абстрактны ввиду того, что подобного рода Союз не только не существует в реальном мире, несмотря на тот факт, что в ментальных категориях эта идея развивается стремительными темпами, но и потому, что специалисты, задавшиеся вопросом о целесообразности данного политически ориентированного проекта на экономической основе, склонны к абстрагированию, к некоему обособлению и даже изолированию от мировых процессов идеи о Евразийском союзе. Но суть дела в том, что, как признают некоторые ученые, и при существующем кризисе всей мировой экономической системы тяжело противопоставлять собственный проект о новом Союзе без учета всех сложностей, комплицированности данного исторического отрезка, зияющего на потере легитимности капиталистической логики и возможного перехода к качественно иному типу конфигурации мировой системы.

Как известно, идея, которая была выдвинута премьер-министром России В.В. Путиным, ни в коем случае не предполагает реанимирование плановой экономики по модели СССР. В этом случае, отмежевание (как и самого СССР в прошлом) от всего остального мира невозможно по своей сути. И не только по причине всеобъемлющего влияния процессов глобализации, в частности в экономическом измерении, с реальным вхождением в нашу повседневность такого понятия как взаимозависимость, но и по причине усиливающего потенциала быть еще более замеченным и задействованным в рамках повышенного внимания всей мировой общественности к экономической деятельности соседствующей стороны, т. е. Китая. С другой стороны, тяжело будет укрыться от воздействия Пекина, который с таким же рвением готов сотрудничать с разного рода политическими и экономическими образованиями, вне зависимости от идеологических противоречий, которые по сути, если не утверждать без схематичных упрощений, поверхностны, ввиду плотной вхожденности каждого актора, – начиная от новых политических образований, заканчивая государствами, имеющими за спиной колоссальный опыт доминирования собственными «перифериями» – мировой системы в самую широкую сеть все той же системы, определяемой важным типом метода продукции.

Если обратиться к потенциальным субъектам Евразийского союза с привязкой вопроса к Китаю, то следует отметить то, что природные ресурсы России и, например, Казахстана – двух стран-партнеров по Таможенному

союзу – один из самых главенствующих экономических рычагов этих стран, не в последнюю очередь воздействующих на азиатское направление. А главенствующий производитель с более обширными возможностями вполне сможет привлечь внимание главенствующего потребителя, т. е. Китая.

Вместе с тем, уместным было бы отметить тот факт, что Евразийский союз, при всей публично проявленной политической воле заинтересованных сторон, не в состоянии функционировать на конкурентной основе все с тем же Китаем. Факторами являются не только материальные возможности, заметно суженные под влиянием мирового финансово-экономического кризиса, но и причины привязанности этих материальных возможностей к ситуации на мировых рынках, в частности в сфере энергоресурсов. В этом плане ситуация на внешних рынках будет существенно влиять на состояние развития Союза, ее экономической мощи. Добавим, что Китай, как один из основных индикаторов хода глобальной экономики, сохранит за собой способность влиять и на мощности внутри Союза. Существующий статус-кво внутри стран, которые известны намерениями поддержать своим вступлением Евразийский союз, не в силах провести быструю диверсификацию собственных экономических рычагов, в первую очередь в отраслях, требующих акцента на инновации и технологии. Исходя из этого, можно предположить, что создание Евразийского союза без кардинального изменения подхода по отношению к собственному видению в отношении экономического развития не принесет каких-либо существенных изменений.

По-видимому, политические дивиденды для действующей элиты стран, заинтересованных в создании региональной платформы на основе интегрирования экономик, вырастут в масштабах, если принять во внимание имеющуюся геополитическую повестку заинтересованных в учреждении Союза стран, как и по причине всеобъемлющего влияния геополитического дискурса в отношении региона, в котором планируется очертить новые границы посредством создания нового объединения, но без активации новой волны реформ, не обязательно сугубо либеральных, но которые также не будут иметь свойство легитимировать прошлые практики проведения реформ. Представляется, что крайне сложно найти истинный политический аргумент в пользу подобного Союза в долгосрочной перспективе.

Если вернуться к отношениям с Китаем и его определяющей роли, то стоит отметить следующее наблюдение: проявленная политическая воля все-таки отражает желания заинтересованных в создании Союза сторон к переходу на качественно иной, более высокий уровень собственной экономической состоятельности. Роль Китая в данном понимании существенна, ввиду образования в мире консенсусного видения касательно возможной роли Китая в будущем. Следовательно, предпринимаемые «союзниками» шаги по совместному консолидированию экономик на фоне финансово-экономического кризиса показательны, а значит, отражают их реакцию ко всему происходящему по соседству и во всем мире. По всей вероятности, создание Союза предполагает трансформацию собственного политического капитала «союзников» с целью поддержания приемлемого для них уровня сотрудничества с Пекином. Другими словами, предполагается посредством институционализации Евразийского союза не выпасть из поля зрения Пекина в качестве равного партнера.

Несмотря на тот факт, что Союз базируется на экономической составляющей, сохранение равноправных партнерских отношений с Китаем, безусловно, – задача политическая и входит в разряд стратегических по причине наличия эмоциональной, а следовательно политической чувствительности базовых акторов внутри лагеря «союзников», в частности, идет речь о России, сентиментальная составляющая государственности которой сохраняет

идею о великодержавности, что, несомненно, привносит консолидационный и «гармонизирующий» эффект общественной среде.

Касательно упомянутой психологической стороны, вызвавшей реинкарнацию идеи о Союзе, можно сказать, что подобное зарождение нового образования имеет цель «сохранения лица» перед китайскими коллегами в свете будущих изменений в конфигурации мировой системы, как и внедрения слабых идеологических установок в общественно-политическую среду, то есть не столь поглощающей, как это было при институционализации СССР, подстегнутой революционными идеями того времени и в определенном историческом контексте. Ассоциации на ментальном уровне, связанные с понятием Союза и учреждении такого же, только на базе иного типа метода продукции, призывают к сохранившемуся капиталу ретроспективного взгляда на суть происходящего сейчас. Вместе с тем, создание Евразийского союза, надо полагать, учитывает перспективу на будущее.

В этом плане вся доминирующая экономическая логика, краеугольным камнем которой является обеспечение роста экономики, ВВП и т. д., будет подталкивать потенциальный Евразийский союз к поиску собственной легитимности и состоятельности на внешних рынках. Исходя из этого, Евразийский союз может найти некоторую схожесть с т. н. «китайской моделью», где тесно соприкасаются государство и рыночная экономика. Осуществление некоторой консолидации территорий и населения в рамках одной экономической платформы с тесным переплетением государственных интересов и влияния на ключевые отрасли экономики стран-членов Союза, что, по всей видимости, предполагается политической элитой, и, скорее всего, приведет к обнаружению некой схожести с китайским типом поведения в экономической нише, хотя бы по преумноженным стратегическим активам всех госкомпаний потенциальных стран-членов Евразийского союза. Последнее, в свою очередь, предполагает усиление энергетическо-сырьевой «карты», которую можно будет применить при сотрудничестве с Китаем в целях сохранения равноправного партнерства. Подобная тактическая составляющая, вероятнее всего, будет приносить определенные плоды на начальных фазах установления отношений с Пекином уже в роли Союза. Кстати говоря, такой подход возымеет более эффективный характер, если он будет инкорпорирован в стратегию по выводу экономик стран «союзников» из собственной энергосырьевой зависимости. Следовательно, взаимоотношения с Пекином должны предполагать выработку систематичного стратегического видения, нацеленного на диверсифицирование и усиление конкурентоспособности экономики.

Вместе с тем, отношения с Западом сохранят свой вес, даже в рамках такого ориентированного на Китай объединения. Как известно, нынешняя экономическая система, требующая серьезной корректировки, сохраняет влияние западных акторов на ключевые мировые процессы.

Хотелось бы заметить, что сам процесс становления Союза на своей начальной фазе потребует, как минимум, лет десять, чтобы мы смогли утверждать о жизнеспособности такого проекта и его минимальной подверженности каким-либо субъективным интересам той или иной части политической и бизнес-элит стран. Кроме того, традиционный подход к выработке баланса сил не будет исключен из тактических предпочтений «союзников». Безусловно, проведение мультивекторной политики усложнится по причине, требуемой в рамках интеграции консолидации ключевого пакета, позволяющего принимать важные решения сторонам под одним центральным корпусом. Необходимо отметить и то, что государствам Центральной Азии сохранение мультивекторной внешней политики представляется значимым императи-

вом, позволяющим легитимировать роль субъекта международных отношений, установленного на основе понятия государства и государственности.

В качестве возможного примера, способного представить определенную перспективу вероятной траектории развития, разрешите обозначить следующий аспект: как и нынешнему Европейскому союзу, евразийскому объединению придется пережить ряд серьезных циклических кризисов, если не будут кардинальным образом изменены базовые принципы мировой экономической системы, и тогда, после того, как эти кризисы будут преодолены, в частности политические (связанные, в первую очередь, с характером политических режимов будущих стран-членов Союза), то, наверное, уже можно будет более или менее объективно анализировать ситуацию. А сейчас, пока такого проекта нет, многие рассуждения (как и мною высказанные) будут иметь всего лишь спекулятивный характер.

Также заметим, что выработка состоятельного видения по поводу будущей деятельности Китая пока, наверное, преждевременна. Хотя, это не должно связывать руки, и стратегия в отношении Китая обязательно должна обретать контуры исходя из имеющегося уровня контактов и договоренностей с Пекином, как и с учетом всех обязательств перед другими акторами мировой политики.

Добавим, что при колоссальном потенциале сдвига тектонических плит в международной системе, такие идеи как создание союзных объединений должны выноситься на обсуждение для вычерчивания будущих альтернатив и опций в рамках построения эффективной стратегии по улучшению жизненных стандартов и защищенности всех слоев населения в странах Центральной Евразии.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПАРАДИГМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА КАСПИИ»

КНЯЗЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Русского географического общества, координатор региональных программ Института востоковедения Российской академии наук

16 августа в г. Актау прошла международная конференция «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии», организованная Институтом социально-политических исследований, Информационным агентством ИнфоРос и «Общественным фондом Александра Князева». Сложность решения вопроса о правовом статусе Каспия и целый ряд других проблем, препятствующих полноценному взаимовыгодному сотрудничеству каспийских государств, включая и вмешательство некаспийских стран – таковы факторы, обусловившие актуальность выбранной темы экспертных дискуссий. Собравшиеся в Актау эксперты из Казахстана, России, Азербайджана, Китая, Узбекистана и Кыргызстана не ставили целью дать исчерпывающие ответы на все существующие в каспийской проблематике вопросы. Но публичное рассмотрение этих вопросов в их взаимосвязях, с учетом различных подходов, и широкое распространение результатов дискуссий должны внести свою лепту в работу по нахождению политических решений уже на межгосударственном уровне.

Среди обсуждавшихся вопросов – экономическая целесообразность трубопроводного строительства и определение торгово-коммуникационного потенциала (как альтернативного энергоресурсному экономическому потенциала) Каспия, военные вопросы и гуманитарная составляющая, включая туристический потенциал. Несмотря на то, что обсуждение юридического статуса Каспия само по себе не было заявлено целью, обойти его в дискуссиях также не удалось, как и оценку состояния переговорных процессов, позиций некаспийских государств и их влияния на состояние проблемы, как и экологические вопросы.

Цель и задача конференции состояли в том, чтобы из всего обилия тематики силами экспертного сообщества определить наиболее актуальные направления необходимой деятельности по расширению сотрудничества и обеспечению безопасности стран каспийского региона. Программа и повестка дня конференции были сформулированы исходя из необходимости обсуждения поставленных вопросов как в геоэкономической и геополитической плоскости, так и в конкретике текущего регионального сотрудничества.

Актуальность прошедшей конференции, вероятно, только подчеркивается тем фактом, что в тот же день на Форуме межрегионального сотрудничества России и Казахстана, проходившем в г. Астрахани, президенты России и Казахстана Дмитрий Медведев и Нурсултан Назарбаев сочли необходимым дать свои оценки по целому ряду вопросов из числа обсуждавшихся в

Актау. Актуальность конференции в Актау и в том, что весь последующий период проблемы, связанные с каспийской тематикой, почти постоянно находились в числе актуальных вопросов международной политики. Другими словами, организаторам и участникам конференции «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии» удалось не ограничиться форматом сугубо теоретических экспертных суждений, зачастую мало востребованных реальностью. Эффективность же всей экспертной работы в том и состоит, чтобы исходя из общих для всех участников интересов максимально оказать влияние на принятие позитивных политических решений уже на межгосударственном уровне. Конференция в Актау в этом смысле своих целей и задач достигла.

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ О ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЯХ НА КАСПИИ

АХЛЮСТИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат юридических наук, руководитель проектов
ООО «ЛИМА-Консалтинг» (Москва, Россия)

Многолетнее обсуждение правового статуса Каспийского моря на межгосударственном уровне до сих пор не позволяет достичь общего согласия всех стран региона. Противоречия внутри каспийской «пятерки» вызваны как чрезвычайной активностью некоторых государств в вопросе «раздела» моря (например, Азербайджан, власти которого уже ввели в международную практику понятие «национальный сектор Каспийского моря», создав тем самым прецедент), так и вполне объяснимой пассивностью (Иран, использующий переговорный процесс по Каспию для решения иных внешнеполитических вопросов)^[1].

Предложения по объединению идут с разных сторон. Иранский проект договора об Организации сотрудничества прикаспийских государств (ОСПГ) стал первым интеграционным предложением по совместному решению вопроса правового статуса Каспия. В проекте Конвенции по ОСПГ была определена следующая цель: сближение экономических и политических интересов стран-участниц при эксплуатации ресурсов Каспийского моря. Президент России Дмитрий Медведев заявил 17 августа 2009 г. на совещании в Астрахани по вопросам Каспийского сотрудничества о необходимости продолжения проработки идеи создания Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС).

Абстрагируясь от геополитических проблем, вызванных, в первую очередь, историческими и географическими причинами, обратимся к вопросам, которые возможно преодолеть организационно-правовым путем.

Остановимся на природоохранном и природоресурсном аспектах проблем Каспийского моря.

По оценкам Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предпринимателей и экспортеров, сложившаяся ситуация в добыче биоресурсов приведет к тому, что через 3-5 лет осетровых на Каспии может вообще не остаться. По данным администрации Южного федерального округа, численность осетровых в бассейнах Каспийского и Азовского морей сократилась с 15 млн. в 1995 г. до 3 млн. к 2006 г. Аналогичная ситуация складывается в Азербайджане и Казахстане. В Туркмении и в Иране эта отрасль находится под государственным контролем, в связи с чем обстановка там складывается несколько лучше. В конце 1990-х гг. подготовлен, но до сих пор не согласо-

[1] Мехтиев А., Крысталёв Е., Чеботарёв А., Михеев С., Власов А. Консолидация потенциала «прикаспийской пятерки»: проблемы и перспективы: Доклад. // www.casfactor.com

ван проект соглашения пяти прикаспийских государств по сохранению и использованию биологических ресурсов Каспийского моря. Таким образом, давно назрела острая проблема, решение которой требует принятия определенных мер. Одним из таких способов могла бы стать гармонизация норм природоохранного законодательства Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана, производимая путем выработки модельных законов в сфере охраны и воспроизводства биоресурсов Каспийского моря. Эта деятельность возможна и без образования специальной организации каспийских государств. Действия по совершенствованию законодательства могут осуществляться в рамках двух-трех сторонних дипломатических отношений стран региона.

Практически неразрешимым представляется вопрос о справедливой разработке месторождений углеводородов. Представляется возможным перевести проблему из публично-правовой сферы в частноправовую и перейти к регулированию добычи полезных ископаемых на основе норм международного частного права.

Страны региона вполне могут, не дожидаясь образования организации-ассоциации (публично-правового межгосударственного образования), создать транснациональную корпорацию по добыче полезных ископаемых, основанную на частно-правовых началах.

Существующие международные правовые акты СНГ позволяют создать данную структуру.

Так, действующая Конвенция о транснациональных корпорациях (договаривающиеся стороны: Армения, Белоруссия, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Украина) в ст. 2 определяя понятие «транснациональная корпорация», устанавливает, что стороны признают под понятием «транснациональная корпорация» юридическое лицо (совокупность юридических лиц):

- имеющее в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество на территориях двух и более сторон;
- образованное юридическими лицами двух и более сторон;
- зарегистрированное в качестве корпорации в соответствии с нормами Конвенции^[2].

Большинство исследователей отмечают, что транснациональные корпорации (ТНК) являются важнейшим элементом развития мировой экономики и международных экономических отношений. За последнее десятилетие ТНК предстают в качестве «локомотива» национальных экономик практически всех государств.

Потенциал Конвенции позволил ей стать главным правовым документом стран-участниц СНГ в регулировании правового статуса, порядка создания и деятельности ТНК на территории каждой из этих стран. Однако эта цель не была достигнута в силу того, что фактически ТНК по Конвенции получилась не транснациональной корпорацией, а межнациональным объединением. Хотя Конвенция определила в качестве основных целей создания ТНК, во-первых, стремление обеспечить благоприятные условия для поддержания и развития производственной кооперации между предприятиями государств-участниц и, во-вторых, проведение активной промышленной политики, углубление интеграции и привлечение инвестиций.

Говоря о недостатках данной организационно-правовой формы, исследователи отмечают, что Конвенция содержит в себе явные признаки некоего административного насаждения ТНК сверху, предусматривая при этом заключение межправительственного соглашения. Сегодняшняя практика

[2] Содружество. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – 1998. – №1. – С. 20-25.

создания ТНК в рамках законодательства СНГ показывает, что решение о создании ТНК, главным образом, принимается для укрепления межгосударственных, нежели межотраслевых связей между предприятиями из разных государств. В качестве примера можно привести межправительственное соглашение «О создании межгосударственной финансово-промышленной группы «Гранит» от 18 октября 1996 г. (Армения, Беларусь, Киргизия, Таджикистан)^[3].

Каспийская ТНК могла бы на равных условиях быть учреждена различными государственными и негосударственными структурами стран региона и стать участником всех энергетических проектов региона, осуществляя добычу как самостоятельно, так и с привлечением инвесторов.

ТНК, созданная на Каспии, может не преследовать исключительно экономическую цель, как западные аналоги ТНК, а явиться некой оптимизированной формой успешного развития межгосударственного сотрудничества двух и более государств на постсоветском пространстве.

Наделение данной корпорации полномочиями по добыче природных богатств Каспия на партнерских началах позволит снять напряженность в данном вопросе.

[3] Камалов М.М. Неэффективность Конвенции Содружества Независимых Государств «О транснациональных корпорациях» // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 2. – С. 10-13.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕДИАЦИИ

Международный центр медиации образован под эгидой
АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА
на базе **ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.**

**Основная цель Центра –
РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОСРЕДНИЧЕСТВА (МЕДИАЦИИ)
В ОБЛАСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ.**

Научные консультанты – международные медиаторы:
профессор **Татьяна Дронзина** (София, Болгария),
профессор **Антонио Лозано** (Гранада, Испания)

ПРОЕКТЫ ЦЕНТРА:

Международная летняя школа «Медиация в области межэтнических отношений» (Болгария, Поморье, 15-26 июля 2012 года).

Проводится при поддержке Ассамблеи народа Казахстана, Народного собрания Республики Болгарии.

Организаторы: Фонд «Европартнеры 2007» (Болгария) и Институт социально-политических исследований (Казахстан).

Лекторы школы: международные эксперты – медиаторы из Казахстана, Болгарии, Испании и Италии.

ДИСТАНЦИОННЫЕ КУРСЫ

Дистанционное обучение будет осуществляться дистанционным образом, при помощи софтверов «Виртуальная комната» и платформы дистанционного обучения Moodle. Будут применяться интерактивные методы как анализ конкретных казусов, групповые дискуссии, презентации, анализ аудио- и видеоматериалов. Продолжительность одного курса – 30 часов (15 часов лекций и 15 часов индивидуальной работы с участниками). Лекторы: международные эксперты – медиаторы из Болгарии, Испании и Италии.

Предлагаются три курса обучения:

- 1 курс – «**Этнические конфликты**». Лектор – профессор Татьяна Дронзина, Софийский университет (София, Болгария);
- 2 курс – «**Посредничество как инструмент для управления конфликтов**». Лектор – профессор Антонио Лозано (Гранада, Испания);
- 3 курс – «**Религиозные конфликты**». Лектор – профессор Камен Величков (София, Болгария)

Дополнительную информацию можно получить у Гульден Шаловой – координатора Центра, магистра социологии (**gulden.shalova@ispr.kz, моб.: +7 702 439 13 63**) и Асель Капалбаевой – координатора проекта (**assel.kapalbaeva@ispr.kz, моб.: +7 702 912 32 94**).

Дополнительная информация на сайте **www.ispr.kz**

Тел./факс: +7 (7172) 457 002, 457 003

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (ВЗГЛЯД МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ)

БОЕВА АННА АНДРЕЕВНА

Аспирант кафедры экологического и природоресурсного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина
(Астана, Казахстан)

Каспийский регион в настоящее время признается одним из самых динамично развивающихся регионов на постсоветском пространстве. По оценкам аналитиков «Центра стратегических разработок «Северо-запад» (г. Санкт-Петербург), до 2013 г. Каспий даст до 70% прироста добычи стран, не входящих в ОПЕК^[1], то есть Каспийский регион, являясь местом пересечения крупных нефтегазовых потоков, требует соответствующего уровня развития политико-правовых отношений, унификации правовой базы, производственной, транспортной, экологической и социальной инфраструктур. При всей привлекательности Каспийского региона для инвесторов и определении основных акцентов взаимодействия на данном направлении, остается ряд неразрешенных на сегодняшний день проблем. К таковым, например, относится географическая удаленность региона от основных рынков сбыта энергоресурсов.

В своем докладе нами предпринята попытка определить границы решения данного вопроса с учетом анализа политико-правовых мер, развития национальных законодательств Российской Федерации и Республики Казахстан. Для полноты раскрытия данного вопроса нами рассматривается проблематика, решаемая и тремя другими государствами, осуществляющими недропользование в Каспийском регионе.

Тема недропользования в данном регионе – одна из актуальнейших, анализ огромного массива действующих нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Казахстан показывает, что без учета географических, геополитических, социально-экономических аспектов, наиболее оптимально решить комплексно проблемы данного стратегического региона невозможно.

Последние инициативы Казахстана и России на высшем уровне, с включением в данный процесс и других стран пятерки, подтверждают важность предметного исследования, особенно в части законодательства.

Изучив огромный пласт нормативной правовой литературы, мы выявили ряд принципиально важных парадигм, составляющих основу национального права двух стран: имеются существенные особенности вопросов регулирования, при том, что нами подчеркнуты и общие черты становления, развития и реализации законодательства в области недропользования. Например, кроме понятий о видах недропользования, в статье 6 Закона Российской Федерации «О недрах» и в подпункте 18) пункта 1 статьи 1 Закона

[1] Из доклада на VII Российском нефтегазовом конгрессе (Москва, 2009) Сергея Кучумова, и. о. министра по топливно-энергетическому комплексу и природным ресурсам Астраханской области. – http://www.energyland.info/news-show-iz_pervih_ust-neftegaz-29296

Республики Казахстан «О недрах и недропользовании», недропользование подразделяется на разведку и добычу твердых полезных ископаемых и на разведку и добычу углеводородного сырья, при этом имея свои особенности как на море, так и на суше. Учитывая это, в докладе, соответственно, речь пойдет о поиске, разведке и добыче именно углеводородного сырья, то есть нефти, газового конденсата и газа.

Обзор историографии показывает основные этапы и специфику недропользования, его правового регулирования. Например, до 1991 г. территорию Каспия осваивали два государства: СССР и ИРИ. В указанное же время действовали лишь два правовых документа – Договор между РСФСР и Персией 1921 г. и Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 1940 г.^[2], регулирующие международные отношения на Каспии. Договоры эти в основном касались вопросов судоходства и рыболовства, потому что на Каспии, помимо огромного количества углеводородного сырья, сосредоточено около 90% мировых запасов осетровых рыб, более 20 видов морских животных и 20 видов растений, занесенных в Красную книгу. Вместе с тем, в настоящее время требуется отражение наиболее важных вопросов эксплуатации минеральных ресурсов дна и недр Каспийского моря, которые не полно присутствуют в договорных отношениях.

Следует привести данные, подтверждающие, что в 1982 г. правовой режим морского дна был зафиксирован в XI части Конвенции ООН по морскому праву, положения которого не всегда адекватно находили свое применение в случае спорных вопросов, касающихся Каспия^[3].

Распад СССР напрямую затронул политический, экономический, социально-культурный аспекты прикаспийских республик, вскрыл многочисленные проблемы правового регулирования недропользования и природоохранных мероприятий.

Самостоятельная и независимая внутренняя и внешняя политика государств, продиктованная необходимостью восстановления и развития национальных экономик, потребовала больших капиталовложений. Это заставило новые прикаспийские страны обратиться к освоению природных запасов с привлечением иностранных инвестиций. Именно с Каспийским морем и его энергетическими ресурсами связывались основные экономические надежды большинства прибрежных государств.

Вместе с тем, действующий на момент распада СССР правовой статус Каспийского моря не охватывал, по мнению ряда исследователей^[4], вопросы недропользования и добычи нефти и газа, что во многом тормозило процесс освоения этих жизненно важных ресурсов. Данное обстоятельство привело к тому, что возникла необходимость разграничения дна моря на пять частей, в связи с образованием новых прибрежных государств Каспийского моря. Это повлекло за собой определенные трудности, связанные с территориальными вопросами. При этом, полагаем, что дно Каспийского моря по-прежнему остается спорной территорией, разграниченным де-факто, но не полностью оформленным де-юре.

Участники созданного союза Прикаспийских государств признают национальную юрисдикцию каждого из пяти государств применительно к вопросам недропользования, в пределах которых эти государства осуществляют изучение, разведку и добычу углеводородного сырья. Однако отсутствие единого правового документа, удостоверяющего права отдельно взятого государства на часть морского дна Каспия, а также совместного его использования, порождает ряд проблем.

[2] Башмаков С. Право пользования недрами в СССР. – М.: «Наука», 1974.

[3] Конвенция ООН по морскому праву (Монтего – Бей) 10 декабря 1982 г. // СЗ РФ. 1 декабря 1997 г. № 48. Ст. 5493; // Бюллетень международных договоров. – 1998. – №1. – С. 3-168.

[4] Гусейнов В.А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 380 с.

В этих условиях стороны вступили в переговорный процесс по усовершенствованию действующего правового статуса и режима Каспия, достижения определенного консенсуса по данному вопросу. Практика показывает, что данный переговорный процесс претерпел значительные изменения с момента его начала, однако до сих пор стороны не смогли прийти к общему мнению по поводу нового правового статуса Каспийского моря, с правовым участием всех задействованных в процессе сторон.

Так, например, в апреле 2002 г. в Туркменистане состоялся первый Каспийский саммит прикаспийских государств^[5], который явился основой становления нового института регионального взаимодействия – «каспийской пятерки». В его работе приняли участие все пять президентов заинтересованных государств, определивших некоторые политические позиции по данному направлению: установление традиций регулярного проведения встреч для выработки механизмов сотрудничества; подтверждение целесообразности урегулирования наиболее злободневных вопросов в двухстороннем и трехстороннем форматах; недопущение превращения Каспия в очаг напряженности.

В ноябре 2003 г., по инициативе сторон, вступила в действие Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря^[6]. В октябре 2007 г. в Тегеране подписана Декларация по результатам переговоров, касающихся вопросов безопасности на Каспийском море, суверенных прав прибрежных государств в отношении его и ресурсов, перспективах развития дальнейших отношений по освоению Каспия и многих других, что и нашло отражение в тегеранском документе^[7]. В данной Декларации конкретно зафиксировано: «Стороны подтверждают, что всеобъемлющий правовой статус Каспийского моря будет определяться Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря в качестве базового документа, принятие которого возможно только на основе общего согласия прибрежных государств. Стороны заявляют, что разработка всеобъемлющего правового статуса Каспийского моря и скорейшее заключение в этих целях Конвенции о правовом статусе Каспийского моря являются важнейшей задачей»^[8].

В соответствии с Декларацией Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана от 16 октября 2007 г.^[9], Конвенция как базовый документ правового статуса Каспийского моря, на наш взгляд, призвана регулировать вопросы осуществления юрисдикции прикаспийских государств на основе уважения суверенных прав в Каспийском море, включать принципы и нормы, обеспечивающие охрану природной среды и рациональное природопользование, в том числе использование биологических и минеральных ресурсов его дна и недр, а также иные вопросы, касающиеся деятельности на Каспийском море (подпункты 6) и 8) пункта 5 раздела 11).

Однако дальше развитие и правовое регулирование декларативного заявления государств не получило развития. Ситуация не стабилизирована в должной мере, она не решает все правовые проблемы, а иногда только усиливает их значение. Почти 20-летний период неразрешенности проблем приводит иногда к напряженности в регионе: июль 2001 г. – вооруженный инцидент на Каспии между Ираном и Азербайджаном. Иранские боевые

[5] Сабыров А.С. Правовые аспекты участия Республики Казахстан в обеспечении безопасности Каспийского региона: Автореферат... канд. юрид. наук. – Алматы, 2007.

[6] Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря от 4 ноября 2003 года // Справ. прав. система «Юрист». Локальная версия. ИТС: ИнфоТех&Сервис. 19 августа 2006.

[7] Сайлибаева Ж.Ю. Ответственность за нарушение законодательства о недрах: Автореферат... канд. юрид. наук. – Астана, 2009.

[8] Сайлибаева Ж.Ю. Ответственность за нарушение законодательства о недрах: Автореферат... канд. юрид. наук. – Астана, 2009.

[9] Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря от 4 ноября 2003 года // Справ. прав. система «Юрист». Локальная версия. ИТС: ИнфоТех&Сервис. 19 августа 2006.

корабли не дали реализовать проект международного консорциума во главе с британской компанией BP по освоению перспективных структур «Алов», «Араз» и «Шарг», расположенных в южной части Каспия в районе морской границы Азербайджана и Ирана; карабахская проблема для Азербайджана, внутренние проблемы Северного Кавказа в Российской Федерации, затянувшийся спор Ирана с Туркменистаном по поводу разработки пограничных месторождений блоков 27 – 30 в южной части туркменского сектора консорциумом российских компаний «Зарит» и т. д.^[10]

Подписание множества двухсторонних соглашений лишь фиксирует вопросы демаркации дна моря, то есть демаркации национальных секторов пропорционально длине береговой линии каждой из пяти прибрежных государств. Так, важным этапом стало подписание в июле 1998 г. Соглашения о разграничении дна северной части Каспийского моря между Россией и Казахстаном в целях осуществления прав на недропользование; Протокола об определении координат модифицированной срединной линии и условиях совместного освоения минеральных ресурсов месторождений «Курмангазы», «Центральная», «Хвалынское» (май 2002 года). В январе 2001 г. подписано Соглашение между Россией и Азербайджаном, а в ноябре этого же года достигнуто Соглашение между Баку и Астаной, и, наконец, майское трехстороннее Соглашение 2003 г. между Россией, Казахстаном, Азербайджаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря.

Несмотря на общую причастность всех пяти стран к бассейну Каспийского моря, государства, являющихся участниками юридически не зафиксированного союза Прикаспийских государств, имеют различные механизмы государственно-правового регулирования отношений недропользования.

Сопоставительный анализ законодательств двух государств – России и Казахстана показал, что в России зафиксирован в законодательстве разрешительный порядок предоставления недр в пользование в соответствии с законами РФ «О недрах» и «О соглашениях о разделе продукции». Дополнительно требуется получение лицензии на водопользование, которое, в свою очередь, регулируется Водным кодексом РФ и Законом «О плате за пользование водными объектами».

В соответствии с Конституцией РФ были зафиксированы положения о государственной, муниципальной и частной собственности на природные ресурсы, в Гражданском кодексе РФ закреплено право частной собственности на промышленные предприятия и объединения. Федеральными гражданскими законами были закреплены новые организационно-правовые формы этих предприятий, их права и обязанности в области недропользования.

Формирование нового права недропользования в России началось с кодификационного по содержанию и рамочного по форме Федерального закона «О недрах» от 21 февраля 1992 г.^[11], обеспечивающего регулирование в области горного права:

- закрепление государственной собственности на недра, находящиеся в ведении Федерации и ее субъектов, и права собственности недропользователя на добытые полезные ископаемые, полученную недропользователем геологическую информацию;
- установление разрешительной системы (государственной системы лицензирования пользования недрами), единых оснований получения и прекращения прав на участки недр;

[10] Аманова А.А. Международно-правовые проблемы разработки ресурсов континентального шельфа Каспийского моря: Автореф... канд. юрид. наук. – Алматы, 2006.

[11] О недрах: Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года №2395-1 (в ред. от 18.07.2011) // Российская газета. – №52, 1995. – 15 марта; №97, 2002. – 31 мая.

- осуществление государственного контроля за рациональным использованием недр и безопасным ведением горных работ;
- платные основания недропользования.

На основе этих принципов в законе был определен правовой статус участков недр, условия и порядок предоставления и прекращения права пользования недрами, определены требования рационального недропользования, безопасного ведения горных работ, определен круг пользователей недр, регламентированы требования к поиску, разведке и добыче полезных ископаемых, иным видам недропользования. Данный закон установил публично-правовые нормы, регулирующие не только лицензионные, но и договорные отношения в этой области.

После принятия поправок в Закон «О недрах» в 1995 г. появилась возможность заключения недропользовательских договоров в рамках разрешительной системы.

Закон 1995 г. устанавливает режим отличный от лицензионного. В частности, отношения между инвестором и государством регулируются положениями не административного, а гражданского права, что является очень важным моментом. Лицензия является предметом административного права, и ее условия обсуждению практически не подлежат. В отличие от этого, условия соглашения являются предметом непосредственного обсуждения инвестора и государства, и права инвестора основаны на положениях соглашения. Государство уже не может изменить условий лицензионного соглашения в одностороннем порядке.

Параллельно с заключением соглашения инвестору также необходимо получить лицензию. Но в данном случае лицензия лишь подтверждает права на недропользование и носит характер вспомогательного, а не основного документа.

Обязательным условием предоставления водных объектов для пользования недрами является гарантированное соблюдение нормативов предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в предоставленной акватории. На недропользователей также возложен ряд многочисленных обязанностей в области охраны окружающей среды и природопользования, которые конкретизируются в лицензионных соглашениях.

Один из примеров – это лицензия на разведочное бурение, выданная компании «Лукойл» на месторождение, расположенное в заповедной части Каспийского моря, на которую распространяется режим особой охраны, включающий запрет на проведение изыскательских работ и разработку полезных ископаемых.

Данный аспект регулирования отношений, на наш взгляд, достаточно обоснованно представлен в Морской доктрине РФ^[12], принятой на период до 2020 г., утвержденной Президентом Российской Федерации 27 июля 2001 г., а также Энергетической стратегии России на период до 2020 г., утвержденной 28 августа 2003 г.^[13], обеспечивающие правовое регулирование разработки морских месторождений нефти и газа, в том числе в Каспийском море.

Обращаясь к законодательству Республики Казахстан о недропользовании, следует заметить, что оно представлено тремя законами: «О недрах и недропользовании», «О нефти», «О соглашениях о разделе продукции при проведении нефтяных операций». Однако 24 июня 2010 г. вступил в силу новый Закон РК «О недрах и недропользовании», а названные законодательные акты утратили силу^[14].

[12] Морская доктрина РФ, принятая на период до 2020 года, утвержденная Президентом Российской Федерации 27 июля 2001 года.

[13] Энергетическая стратегия России на период до 2020 года, утвержденная Президентом РФ от 28 августа 2003 года.

[14] О недрах и недропользовании: Закон Республики Казахстан от 24 июня 2010 года. № 291-IV (с изменениями и дополнениями от 06.01.2011 г.). // ЮРИСТ – справочная правовая система. – www.zakon.kz

На наш взгляд, новый законодательный акт Казахстана объективно важно дополнен следующими положениями: сокращение перечня разрешительных документов, сроков их рассмотрения и упрощение порядка предоставления права недропользования; детальное урегулирование процедур реализации приоритетного права государства и выдачи (отказа в выдаче) разрешений на отчуждение права недропользования (его части), долей участия (пакетов акций) в юридических лицах, обладающих правом недропользования; определение процедуры прекращения права недропользования в принудительном порядке; установление порядка предоставления права недропользования на основе конкурса и на основе прямых переговоров; введение порядка возобновления действия контрактов на недропользование в случае прекращения их действия в одностороннем порядке по инициативе компетентного органа; систематизация правовых норм, регулирующих проведение нефтяных операций; упразднение соглашений о разделе продукции как модели контракта на недропользование в Республике Казахстан^[15].

Принятие Закона Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» в новой редакции, предусматривающего значительное упрощение порядка предоставления права недропользования, сокращение разрешительных процедур, внедрение прозрачного и ясного порядка отчуждения права недропользования, долей участия и пакетов акций в компаниях-недропользователях, обеспечило значительный приток инвестиций сферу недропользования, в том числе и национальных, в лице состоятельных недропользователей, а значит, уменьшило количество сделок по продаже права недропользования без производства каких-либо работ. Другими словами, детальное установление на уровне законодательного акта процедур реализации приоритетного права государства, отчуждения права недропользования и связанных с ним объектов, сроков, а также исчерпывающей компетенции государственных органов по этим вопросам в большей степени упразднило какую-либо возможность для спекуляций в процессе передачи права недропользования как со стороны недропользователей, так и со стороны государственных органов, то есть способствовало снижению коррупционности в действиях должностных лиц, повысило прозрачность и гласность при проведении операций по недропользованию, систематизировало действующее законодательство о недрах, восполнило имевшиеся в нем проблемы, сократило число отсылочных норм, соответственно, подзаконных актов, отменило устаревшие нормы, урегулировало разрешительные процедуры, сократило административные барьеры при принятии решений в сфере недропользования, то есть усовершенствовало механизм правового регулирования общественных отношений.

Кроме того, ключевые положения Закона Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» нацелены на приведение в соответствие с нормами Экологического кодекса Республики Казахстан действующего законодательства о недропользовании^[16], ужесточение государственного контроля и ответственности за экологические нарушения при проведении операций по недропользованию.

Закон «О соглашениях (контрактах) о разделе продукции при проведении нефтяных операций на море» был признан утратившим силу. Закон регулировал общественные отношения, связанные с предоставлением права на проведение нефтяных операций, заключением, исполнением, изменением и прекращением соглашений о разделе продукции в казахстанской части Каспийского и Аральского морей, определял основные правовые условия

[15] О недрах и недропользовании: Закон Республики Казахстан от 24 июня 2010 года № 291-IV (с изменениями и дополнениями от 06.01.2011 г.). // ЮРИСТ – справочная правовая система. – www.zakon.kz

[16] О недрах и недропользовании: Закон Республики Казахстан от 24 июня 2010 года № 291-IV (с изменениями и дополнениями от 06.01.2011 г.). // ЮРИСТ – Справочная правовая система. – www.zakon.kz.

таких соглашений, а также последующего распределения продукции между Республикой Казахстан и подрядчиком.

Как показывала практика уже заключенных соглашений о разделе продукции, имея высокие цены на сырье, Республика Казахстан не получала в полной мере отдачи по таким проектам. В этой связи и было внесено предложение об исключении соглашения о разделе продукции как модели контракта на недропользование в Республике Казахстан и упразднении Закона «О соглашениях (контрактах) о разделе продукции при проведении нефтяных операций на море».

Фактическими недропользователями Каспийского моря в казахстанской части акватории являются: Северо-Каспийский, который продолжает работы, начатые в 1993 г. в рамках международного консорциума ОКИОК, в соответствии с Соглашением о разделе продукции; «Казахойл – ЯННК», стартовавший с марта 1999 г. в соответствии с Основным соглашением между ННК «Казахойл» и «ЯННК» на площадях «Теренок-Прорва» и «Северный склон Бозашинского свода», находящийся в труднодоступной зоне Каспийского моря.

Проведение нефтяных операций на море в настоящее время (действие утратившего силу Закона будет распространяться на все заключенные соглашения о разделе продукции до окончания сроков соглашений) регламентируется ст. 114 нового Закона Республики Казахстан «О недрах и недропользовании», а сам порядок проведения нефтяных операций на море, внутренних водоемах, в зонах чрезвычайной экологической ситуации и на особо охраняемых территориях утвержден в качестве подзаконного акта постановлением Правительства Республики Казахстан. Все это еще раз подчеркивает казахстанскую особенность – последовательность политики в области недропользования.

Важный момент сравнительного анализа – конституционное закрепление вопросов правового регулирования недропользования, определяющего недры в странах Каспийского региона. Обратим внимание, что в Конституциях этих стран наиболее распространено определение недр как собственности государства. Например, такие страны Каспийского региона, как Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан установили их в форме лицензирования на договорных отношениях.

Одной из острейших проблем Каспийского региона остается решение вопроса о делимитации дна Каспийского моря и правовом статусе Каспийского моря на международном уровне. Второй, не менее значимой проблемой можно назвать решение вопросов транспортировки каспийской нефти. Третьей проблемой недропользования в целом и в Каспийском регионе, в частности, является сжигание, утилизация и переработка попутного и природного газа, четвертой – стабильность контрактов (лицензионных соглашений) и соглашений о разделе продукции, пятой – применимое право при заключении, исполнении контрактов, а также разрешение спорных вопросов и, наконец, шестой – местное содержание (local content). Необходимость урегулирования на правовом уровне данных вопросов остается актуальной.

Другим чрезвычайно важным аспектом, отраженном в нашем исследовании, является решение широкого круга экологических проблем, связанных с рациональным использованием нефтегазовых ресурсов, формированием нового типа экосистемы Каспийского региона. Подтверждение этому – анализ научной исторической, правовой, политической литературы: международное нормативное правовое регулирование экологических проблем к настоящему времени не выстроено. Проблематичной остается организация государственного экологического контроля, неоперативно решаются вопросы, связанные и с экологическими платежами, и с юридической ответствен-

ностью, и с экологическими аудитами. Практика показывает, что нефтяным инвесторам приходится неизбежно заниматься выяснением и согласованием пределов юрисдикции, своей и государственных органов. На эффективном решении экологической проблематики отражается неурегулированность вопроса полной юрисдикции хозяйственной деятельности на Каспии, включая прибрежную десятимильную зону и, прежде всего, деятельность по разведке шельфовых месторождений на пограничных зонах, а также эксплуатацию рыбных богатств.

В качестве одного из выходов решения данного вопроса считаем принятие международного базового правового документа – Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, которым можно закрепить основные начала-принципы недропользования, ратифицируя ее в отраслевом нормативном акте на уровне национального законодательства. На основе общего согласия прибрежных каспийских государств сформулировать политико-правовые принципы, закрепляющие и признающие недропользование в Каспийском регионе как неотъемлемой части всей системы недропользования. Закрепление данных принципов должно стать шагом к определению юрисдикции прикаспийских государств на основе уважения их суверенных прав, включая принципы и нормы, регулирующие охрану природной среды и рациональное природопользование, в том числе использование биологических ресурсов Каспия и минеральных ресурсов его дна и недр, судоходства.

Таким образом, принятие политико-правовых обязанностей в национальном законодательстве стран Каспийского региона позволит выработать единые стандарты недропользования, закрепив их на законодательном уровне, с целью их единого правового регулирования, в том числе для защиты интересов каждого государства.

ВЛИЯНИЕ ВОЗМОЖНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУБОПРОВОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

ИБРАГИМОВ РОВШАН

Доцент, заведующий кафедрой международных отношений Университета Гафгаз (Баку, Азербайджан)

После распада Советского Союза появились новые независимые государства, три из которых – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан – стали прибрежными странами бассейна Каспийского моря. Стоит отметить, что появление новых государств вокруг этого крупнейшего в мире закрытого водного резервуара создало новую геополитическую ситуацию в регионе.

Исторически сложилось, что режим использования Каспийского моря определялся лишь со стороны двух государств: России и Персии. При этом лишь Россия имела право иметь военный флот на данном водоеме. Данная привилегия была получена со стороны России, согласно Туркменчайскому мирному договору, который положил конец войне между двумя государствами в 1828 г. В XX-м в. отношения на Каспийском море вначале между РСФСР и Персией, а затем и Советским Союзом и Ираном определялись соглашениями от 1921 и 1940 гг.

После распада СССР и появления новых независимых государств, таких как Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, появились и первые разногласия между прибрежными странами. Каждая страна исходила из собственных интересов. Азербайджан и Казахстан выступали за секторальное разделение Каспия, поскольку были заинтересованы в скорейшей разработке месторождений, находящихся в акватории моря. Такое разделение на сектора было произведено еще в 1970 г. для усовершенствования хозяйственного пользования данного водоема. Азербайджан и Казахстан до сих пор производят эксплуатацию морских залежей углеводородов согласно данному делению.

Россию и Иран, основные залежи энергоресурсов которых располагаются за пределами Каспия, больше беспокоят проблемы безопасности. Обе страны против присутствия третьих стран на Каспии, в первую очередь – США. Поэтому они выступали против эксплуатации морских месторождений нефти и газа до определения статуса Каспийского моря, что служило препятствием для участия иностранных компаний. Скажем больше, позиция Ирана больше тяготеет к продолжению разногласий и отхода от решения статуса Каспия. В данном случае Иран имеет возможность влияния на ситуацию, сложившуюся вокруг Каспия.

Сотрудничество между странами Каспия касается, в первую очередь, создания транспортной инфраструктуры для экспорта углеводородов из стран Центральной Азии на европейские рынки. Стоит отметить, что в данном направлении эти страны экспортируют свои энергоресурсы через территорию России и очень заинтересованы в создании альтернативных транспортных коридоров. Этим самым сократится зависимость этих стран от России. Такая возможность позволила бы этим странам более независимо проводить свою внешнюю политику.

Казахстан и поиск альтернативных транспортных путей, проходящих через Каспийское море

Одной из таких стран, которая заинтересована проводить собственную внешнюю и энергетическую политику, является Казахстан. В настоящее время Казахстан не имеет возможности вести подобную политику. Пример – желание Казахстана участвовать в приватизации Литовского нефтеперерабатывающего завода, на котором планировалось перерабатывать до 12 млн. тонн казахской нефти в год. Попытка закончилась ничем. Россия отказала в транспортировке данного объема нефти через свою территорию.

Альтернативой для Казахстана в вопросе транзита энергоресурсов может стать коридор через Каспий и далее по территории Азербайджана. С точки зрения поставок сырой нефти на европейские рынки Азербайджан находится в более выгодном положении. Казахстан, вынужденный экспортировать нефть через территорию России и изначально лишенный альтернативных путей экспорта, за исключением небольших поставок посредством танкеров нефти в Баку и далее в Грузинский порт Поти, оказался в зависимости от северного соседа. Получалось, что до 90% всего экспорта Казахстан транспортировал через Россию. Такая ситуация не может устраивать Казахстан.

В свою очередь, Азербайджан стал крупным экспортером нефти на мировые рынки, в основном благодаря введению в строй трубопровода «Баку – Тбилиси – Джейхан». Азербайджан после введения нефтяных трубопроводов «Баку – Тбилиси – Джейхан» и «Баку – Тбилиси – Супса», а также газопровода «Баку – Тбилиси – Эрзурум» стал первой страной на постсоветском пространстве, которая получила альтернативный доступ для выхода на мировые рынки. Благодаря этому, Азербайджан стал проводить более независимую внешнюю политику в энергетической сфере, выступив одним из ключевых партнеров по доставке углеводородов для стран-членов Европейского союза в обход России.

В этой связи Казахстан, как и Азербайджан, пытается разделить маршруты транспортировки нефти на европейские рынки. Довольно долгое время Казахстан экспортирует свою нефть из Тенгиза по железным дорогам Азербайджана и Грузии, до Черноморских портов последней. Однако объем транспортируемой по данному маршруту нефти незначителен.

В развитии альтернативных транспортных путей заинтересованы и сами европейские страны, опасаящиеся энергозависимости от России. Казахстану интересно участие в нефтепроводе «Баку – Тбилиси – Джейхан». Эта тема стала одной из ключевых в ходе визита президента Азербайджана в Казахстан 7-8 августа 2007 г. Между азербайджанской нефтяной компанией ГНКАР и казахстанской «КазМунайГаз» были подписаны Соглашение о стратегическом сотрудничестве в нефтегазовой отрасли и Меморандум о совместном сотрудничестве по Транскаспийскому проекту. Согласно соглашениям, стороны намерены развивать транспортный коридор, посредством которого нефть из казахстанских месторождений Тенгиз и Кашаган будут поставляться из Ескене в Курык, а оттуда уже в Баку, после чего посред-

ством нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан» к Средиземному морю. В проект входит сооружение нефтетерминалов на казахстанском и азербайджанском побережьях Каспийского моря, постройка танкеров и соответствующих судов, а также соединительные сооружения до нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан». Первоначально планируется, что 20 млн. тонн нефти в год будут транспортироваться танкерами, при увеличении объема будет рассматриваться вопрос о сооружении нефтепровода по дну Каспийского моря. Следует отметить, что Азербайджан не менее Казахстана заинтересован в развитии этого маршрута. Таким образом, Азербайджан станет не только поставщиком энергоресурсов на мировые рынки, но и транзитной страной. Это укрепит положение Азербайджана на международном уровне.

Кроме того, в последнее время Азербайджан пересматривает свою нефтяную концепцию и планирует сменить статус страны-поставщика сырой нефти на производителя и распределителя готовой продукции на европейском рынке. С этой целью был приобретен морской терминал в Кулеви в Грузии, где ГНКАР планирует построить свой нефтеперерабатывающий завод. Также эта компания совместно с турецкой компанией «Тупрас» приватизировала крупный химический комплекс «Петким» в Турции, а также планирует соорудить крупный нефтеперерабатывающий завод в Измире стоимостью в 3 млрд. долл. ГНКАР уже возвел собственные заправочные станции на территории Грузии и Украины. Эту же цель преследует и Казахстан, также приобретший терминал в Грузии в Батуми.

Несмотря на то, что между Азербайджаном и Казахстаном были заключены договора, и даже первая партия нефти из месторождения Тенгиз была экспортирована на мировые рынки, в настоящий момент казахская нефть не транспортируется по трубопроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан». Причин этому несколько. В первую очередь, приостановка даже того небольшого объема нефти, которая транспортировалась по данному нефтепроводу, связана с тем, что в Баку были пересмотрены тарифы на транспортировку казахстанской нефти, с которыми не было согласно руководство «КазМунай-Газа». Однако основной причиной того, что соглашение не вступило в силу, явилось то, что с морского месторождения Кашаган в 2008 г. не началось производство нефти по причине технических и иных осложнений, с которыми столкнулись компании, проводящие работы на этом месторождении.

Нефтяные пласты на Кашагане расположены на глубине более 6500 метров, в самих пластах наблюдается высокое давление, которое усложняет проведение работ. Кашаганская нефть содержит высокую концентрацию сероводорода, опасную для окружающей среды. Кроме того, приходится проводить работы в особых условиях, чтобы не подвергать отравлению работников. Производства нет и по сей день. Проект будет реализован не раньше 2013 г.

Однако перенос даты транспортировки казахстанской нефти мог возникнуть и по другой причине. Дело в том, что на месторождениях Азери – Чыраг – Гюнешли было обнаружено намного больше нефти, чем предполагалось ранее. Члены консорциума, управляющие трубопроводом, предполагали, что объемы транспортируемой нефти будут сокращаться к 2010 г. и желали заместить его объемами казахстанской нефти. Однако производство не сократилось, и поэтому вплоть до сегодняшнего дня «Баку – Тбилиси – Джейхан» работает в полном объеме.

В целом стоит ожидать, что в перспективе транспортировка казахстанской нефти по нефтепроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан» будет реализована. После того как Казахстан начнет производство нефти на месторождении Кашаган, будут необходимы альтернативные транспортные пути для выхода на мировые рынки.

Помимо того, что Казахстан рассматривает альтернативные пути для экспорта нефти, турецкие заливы, через которые проходят доставляемые из Новороссийска танкеры с казахстанской и российской нефтью, не смогут обеспечить проход такого объема энергоресурсов. Возможный годовой объем транспортировки через Босфор и Дарданеллы составляет лишь 200 млн. тонн. Уже сегодня экспорт нефти через заливы фактически достиг этой цифры. Перевозка нефти может быть угрозой для Стамбула, ведь ширина залива местами составляет лишь 600 метров.

Одной из таких альтернатив для Казахстана является Иран. Казахстан заключил договора с этой страной на поставку своей нефти на ее рынок, где данная нефть использовалась в хозяйственных нуждах этой страны. В обмен Иран экспортировал свою нефть через Персидский залив, замещая казахстанскую и позволяя ей выходить на мировые рынки. Однако данное соглашение продолжалось недолго. Международные санкции, введенные против Ирана по причине развития этой страной своей ядерной программы, вынудили Казахстан искать иные пути для выхода на европейские рынки. И единственным таким путем является экспорт казахстанской нефти через территорию Азербайджана.

Туркменистан и поиски путей для экспорта природного газа в Европу

Что касается Туркменистана, то эту страну больше интересовала не столько разработка своих морских месторождений, сколько возможность транспортировки энергоресурсов через Каспийское море на западные рынки. Однако разногласия между Азербайджаном и Туркменистаном в середине 1990-х гг. по ряду вопросов привели к охлаждению отношений между этими странами.

Разногласия начались с определения долга Азербайджана по поставкам природного газа, импортируемого из Туркменистана. Но основной причиной фактического разрыва отношений стало определение принадлежности нефтяного морского месторождения на границе обеих стран под названием Кяпаз (азербайджанское наименование) или Сардар (туркменское). В 1997 г. Азербайджан подписал договор с российскими компаниями «Лукойл» и «Роснефть» о создании консорциума по разработке данного месторождения. Однако после вмешательства Туркменистана данный консорциум так и не начал свою деятельность.

В свою очередь, Туркменистан подписал договор с компанией «Mobil». Но и эта компания не смогла приступить к работе по причине неопределенности принадлежности данного месторождения. Были остановлены работы по определению возможного прохождения Транскаспийского трубопровода, спонсируемые США и проводимые Туркменистаном. Туркменистан отозвал посла из Баку и объявил визовый режим с Азербайджаном.

После прихода к власти Владимира Путина позиция России по вопросу статуса Каспийского моря несколько изменилась. В мае 2002 г. Россия пришла к соглашению с Казахстаном о разделении дна Каспийского моря, а уже через месяц подобное соглашение было заключено и с Азербайджаном. Позднее, 23 сентября 2002 г., между этими странами было подписано трехстороннее соглашение.

Россия стала единственной страной на Каспии, определившей свои морские границы с соседями. Одна из причин – необходимость разведки крупного нефтяного месторождения Хвалынь в российском секторе Каспийского моря.

Однако Туркменистан и Иран продолжали придерживаться прежней позиции по Каспию. Более того, в 2002 г. между Азербайджаном и Ираном

произошло столкновение на море. Разведывательное судно проводило исследования в южной части азербайджанского сектора Каспийского моря с целью определения наличия углеводородных запасов на перспективных месторождениях Араз, Алов и Шарг. Иранские военные суда воспрепятствовали проведению работ и вынудили судно покинуть эту часть моря. Исследования на данных месторождениях так и не были возобновлены.

Потепление отношений между Азербайджаном и Туркменистаном началось лишь после избрания на пост президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова. Прагматичный лидер с первых дней занялся поиском альтернативных путей экспорта природного газа. Одним из приоритетных направлений является западное – через Каспийское море в Азербайджан и далее в Грузию и Турцию по газовому трубопроводу «Баку – Тбилиси – Эрзурум».

В реализации этого проекта заинтересованы Европейский союз и США. Запад заинтересован в создании альтернативной России транспортной системы для импорта газа из стран Центральной Азии и Азербайджана. Этому отвечает разработанный трубопроводный проект Набукко. Но без участия в нем Туркменистана и Казахстана существует риск, что он будет нерентабельным и экономически убыточным.

Однако для реализации данного проекта необходима, прежде всего, договоренность между Азербайджаном и Туркменистаном по определению прохождения срединной линии, которая будет разделять Каспий на национальные сектора. Сейчас в отношениях двух стран наблюдается оттепель. В частности, после обоюдных визитов межправительственных комиссий удалось договориться о погашении внешнего долга Азербайджана Туркменистану за употребленный газ. Вскоре после этого Туркменистан вернул своего посла в Баку. Уже в 2010 г. президент Туркменистана заявил, что для строительства Транскаспийского трубопровода достаточно двустороннего согласия Азербайджана и Туркменистана, без вмешательства остальных прибрежных каспийских стран.

За присоединение Туркменистана к проекту Набукко выступают страны Запада. В ходе визита в Туркменистан комиссара Европейского союза Бениты Ферреро-Валднер в 2008 г. была достигнута договоренность об экспорте туркменского газа до 10 млрд. кубометров в год. В любом случае для строительства Транскаспийского трубопровода фактически ничего сделано не было. Члены консорциума по проекту строительства трубопровода Набукко рассматривают его в чисто коммерческом ракурсе, в то время как для Азербайджана и Туркменистана это геостратегический проект.

Компании-члены консорциума по строительству Набукко считали, что желания Туркменистана диверсифицировать транзитные коридоры для экспорта своего газа на мировые рынки будет достаточно, чтобы он в двустороннем порядке договорился с Азербайджаном, и они начали бы реализацию проекта по строительству Транскаспийского трубопровода.

Однако для реализации Транскаспийского трубопровода двум этим странам была необходима политическая поддержка и гарантия безопасности, равная той, которая была предоставлена со стороны США во время саммита ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г., после чего стала возможной реализация проекта трубопровода «Баку – Тбилиси – Джейхан». Это дало возможность Азербайджану стать участником проекта, минимизировав степень угрозы, исходящей со стороны других соседей по Каспию, изначально не желавших осуществления проекта «Баку – Тбилиси – Джейхан». Эти две страны не смогли противостоять реализации проекта, входящего в интересы США.

Несмотря на то, что США поддерживают реализацию проекта Набукко, они все же уклоняются от прямой политической поддержки проекта.

Основной причиной данного шага являются приоритетные направления во внешней политике, а именно: США завязли в Ираке и Афганистане, и теперь ищут пути выхода из данной ситуации. Кстати, вторая причина использования термина «Южный коридор» в названии декларации связана именно с данной позицией США. Так, США, в лице Ричарда Моргинстара, представителя Госдепартамента США по энергетическим проблемам Каспия и Центральной Азии, неоднократно заявляли, что эта страна поддерживает реализацию Южного коридора, не называя какой-либо конкретный проект. При этом Моргинстар подчеркнул, что может быть реализован как один из проектов, входящих в понятие Южного коридора, так и их комбинированный вариант, в зависимости от коммерческой привлекательности. Под понятием Южный коридор стоит понимать не только газопровод Набукко, но и теоретически разработанные Трансадриатический газопровод (ТАР), проект «Белого потока», а также частично реализованного газопровода ITGI, который должен проходить через территории Турции, Греции и Италии, с целью транспортировки азербайджанского газа.

Место США попытался занять Европейский союз. Евросоюз пытается заместить на данной позиции США, выступая неким политическим центром, способным функционально действовать на региональном уровне. Для Евросоюза данная позиция значима, поскольку внешняя и энергетическая политика внутри союза сохраняет характер межправительственного консенсуса и построение наднациональных отношений лишь на начальной его стадии.

В связи с этим 13 января 2011 г. в Баку была подписана «Совместная декларация о Южном газовом коридоре» между Европейской комиссией и Азербайджаном. Следом делегация Евросоюза отправилась в Туркменистан для достижения соглашения и с этой страной: Туркменистан считается основным источником газа для проекта Набукко. В данной ситуации возникает ключевой вопрос: сумеет ли Еврокомиссия справиться с возложенной на саму же себя миссией и полноценно заместить США, или нет. Ведь в случае успеха Евросоюз мог бы выработать новые механизмы консолидации, как в вопросах общей внешней политики, так и энергетической, а также выйти на новую роль – если не глобального, то, как минимум, регионального актора.

Не стоит забывать, что национальные интересы стран-членов Евросоюза в энергетической и внешнеполитической сферах превалируют над общесоюзными. Как видно, для Еврокомиссии это двухуровневая стратегия: совмещение в едином направлении интересов членов союза, а также способность выработать механизмы политической поддержки и гарантий безопасности для Азербайджана и Туркменистана, а в какой-то степени и для Казахстана и Узбекистана.

При таком стечении обстоятельств сложно предположить, что сможет Евросоюз сбалансировать российское присутствие и интересы, как это сделали США в вопросе Баку – Тбилиси – Джейхан. И если реализация Баку – Тбилиси – Джейхан способствовала становлению экономической независимости Азербайджана, то реализация и поддержка Транскаспийского газопровода, а следовательно и Набукко, может дать такую возможность странам Центральной Азии. Геополитика и ее масштаб в данном случае много шире, соответственно, больше и ответственность. В данном случае сложно ожидать, что Евросоюз самостоятельно сможет справиться с этой задачей. И в этом случае реализация Набукко может быть отложена в долгий ящик.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

КУЗЕТБАЕВА БАГИЛА КУМАРБЕККЫЗЫ

Кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Международные отношения» Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова (Актау, Казахстан)

Переговорный процесс по установлению нового правового статуса продолжается до сих пор. Как известно, определение правового статуса Каспийского моря затрудняется отсутствием четкой правовой базы в регионе Каспия. Единственными международно-правовыми документами, определяющими правовой статус Каспийского моря, формально оставались Договор между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. Данные документы определили режим свободы судоходства и рыболовства для прикаспийских государств, запретив плавание судов в водах Каспия под флагом некаспийских государств.

С распадом Советского Союза и увеличения числа прикаспийских государств до пяти встал вопрос о принятии нового документа по правовому статусу Каспия, которым могла бы стать Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. По взаимной договоренности, Конвенция может быть принята только на основе консенсуса прикаспийских государств.

21 декабря 1991 г. главы государств-участников СНГ подписали Алма-Атинскую декларацию, взяв на себя обязательства гарантировать выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего СССР. Эта Декларация была подписана и новыми прикаспийскими государствами – членами СНГ.

Азербайджан зафиксировал свое исключительное право на «национальный сектор» в принятой Конституции 1995 г., а Казахстан также внес в свой новый Уголовный кодекс статью, предусматривающую уголовную ответственность за исследование, разведку и разработку естественных богатств континентального шельфа или исключительной экономической зоны без соответствующего разрешения.

Казахстан остается верен своей политике обеспечения добрососедских отношений в регионе Каспийского моря и считает наиболее целесообразным установление суверенной зоны в 22-25 миль, внешняя граница которой являлась бы государственной. Такое компромиссное по сути решение могло бы удовлетворить интересы всех каспийских стран и позволить успешно взаимодействовать на море. Казахстан изначально придерживался принципа демилитаризации Каспия и для обеспечения безопасности и стабильности на Каспийском море предложил взаимовыгодную формулу сотрудничества по линии пограничных, таможенных служб и правоохранительных ведомств.

В 1994 г. Казахстан предложил вариант раздела Каспия на национальные сектора – разделить на сектора только дно моря, а вопросы рыболовства, экологии, судоходства разрешить сообща, не ущемляя интересы ни одного прикаспийского государства.

В июле 1998 г. между Казахстаном и Россией было заключено соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование, а в мае 2002 г. – протокол к данному соглашению.

Одним из основных документов о правовом статусе Каспия стало подписание 29 ноября 2001 г. Казахстаном и Азербайджаном Соглашения о разграничении дна Каспийского моря, которое устанавливает принцип разграничения дна Каспия на национальные секторы по срединной линии. Данный документ касается осуществления деятельности на дне в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр национальных секторов моря.

23-24 апреля 2002 г. в Ашгабаде состоялся саммит прикаспийских государств. Россия, Азербайджан и Казахстан придерживались принципа «Делим дно, вода общая» – деление нефтегазоносного дна между пятеркой по модифицированной срединной линии между противоположными и соседними участками побережья, принадлежащими разным государствам. Иран предлагал поделить Каспий не по срединной линии, а так, чтобы каждому прибрежному государству досталось по 20%. Туркменистан выступал за секторальное деление и дна Каспия, и его водной толщи с выделением в центре моря 20-мильной зоны для свободного судоходства.

23 сентября 2002 г. в Кремле было подписано Соглашение о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря. В соответствии с подписанным президентами двух стран документом, дно Каспийского моря и его недра разграничиваются между Россией и Азербайджаном на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленности точек и модифицированной по договоренности сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся на Каспии практике.

Также между Казахстаном, Азербайджаном и Россией 14 мая 2003 г. заключено соглашение о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря.

Иран считает, что всякая договоренность в обход хотя бы одного из прикаспийских стран не может вступить в силу. Прибрежные государства в ноябре 2003 г. в Тегеране подписали рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря.

Позиция Казахстана по правовому статусу Каспийского моря заключается в том, чтобы применить к Каспию отдельные положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., касающиеся режимов и ширины различных участков моря. В целях эффективного обеспечения политических и экономических интересов прибрежных государств Казахстан, согласно положениям этой Конвенции ООН, предлагает установить на Каспии территориальное море, рыболовную зону и общее водное пространство, определив при этом в этих зонах соответствующие режимы. Казахстан считает, что внешняя граница территориального моря должна являться государственной границей, в пределах которой прибрежное государство будет обладать всей полнотой суверенных прав.

Тегеранский саммит 2007 г. обрисовал четкую перспективу регионального сотрудничества между прикаспийскими странами. Особое место среди достигнутых результатов принадлежит декларации, принятой президентами прикаспийских стран в Тегеране 16 октября 2007 г. Декларация явилась своего рода сводом политических правил поведения, которых стороны будут придерживаться до выработки и вступления в силу конвенции о правовом статусе Каспия. Кроме того, были существенно раздвинуты рамки взаимодействия каспийской «пятерки», в них была включена экономическая составляющая, а также блок вопросов безопасности.

В октябре 2008 г. в Астрахани состоялась межправительственная экономическая конференция прикаспийских государств на уровне вице-премьеров и с участием профильных министров. Конференция в Астрахани продемонстрировала весомый потенциал торгово-экономического сотрудничества на Каспии.

В апреле 2009 г. в Москве заседала специальная рабочая группа по определению правового статуса Каспия. Осуществляемые масштабные совместные проекты в Прикаспийском регионе связаны в основном с разработкой сырьевых ресурсов и прокладкой новых маршрутов их доставки на мировые рынки. Оценочные и подтвержденные объемы запасов нефти и газа в регионе, возможные маршруты их экспорта будут влиять на развитие политических событий в этом регионе в начале XXI в. Углеродные ресурсы в этом регионе являются очень эффективным внешнеполитическим фактором, который в значительной степени будет влиять на характер экономического международного сотрудничества в Прикаспийском регионе.

В сентябре 2009 г. в г. Актау состоялась встреча президентов Казахстана, России, Азербайджана и Туркменистана. Президенты обсудили представляющие взаимный интерес вопросы региональной и международной повестки дня. В то же время, стороны отметили, что вопрос о правовом статусе Каспия необходимо рассматривать в пятистороннем формате, то есть с участием Ирана.

Для определения статуса Каспия следует урегулировать и согласовать между всеми прикаспийскими странами вопросы определения приоритетов в эксплуатации биологических и минеральных ресурсов; установления пределов суверенных прав и юрисдикции прикаспийских стран; решения экологических проблем защиты и сохранения морской среды с учетом высокого уровня взаимосвязи прибрежных государств; обеспечения военной безопасности прикаспийских государств и решения проблем военного мореплавания. Эти вопросы могут быть решены на основе учета интересов всех прикаспийских государств.

Прикаспийский регион не должен стать одной из мировых зон нестабильности. В нем не должны происходить различные конфликты, от локальных до конфликтов мирового масштаба, из-за столкновения национальных и экономических интересов различных государств. А эти интересы, как показывает практика встреч, саммитов, сейчас находятся в прямой зависимости от успехов и достижений экономического развития.

Литература

1. Нефтегазовые ресурсы Казахстана в системе мировых и региональных интересов. – Алматы: КИСИ, 2002. – 216 с.
2. Абдыгалиев Б. Каспийский узел: нефть и геополитика // Национальная и региональная безопасность центральноазиатских стран в бассейне Каспийского моря / Сборник материалов международной конференции КИСИ при Президенте РК и Стокгольмского международного института изучения проблем мира. – Алматы, 2000. – С. 15
3. Кожакоев А. Правовой статус Каспия: международное сотрудничество и региональная безопасность // Национальная и региональная безопасность центральноазиатских стран в бассейне Каспийского моря / Сборник материалов международной конференции КИСИ при Президенте РК и Стокгольмского международного института изучения проблем мира. – Алматы, 2000. – С. 41
4. Митяева Е. Развитие в Каспийском регионе и интересы США // США: экономика, политика, культура. – 1999. – №11.
5. Портнягина И.И. Прикаспий: региональные угрозы социальному порядку в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 18. «Социология и политология». – 2006. – № 2. – С. 93.

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының **ҚАЗАҚ ДИАСПОРАСЫН ЗЕРТТЕУ ОРТАЛЫҒЫ**

2011 жылы
негізі қаланған.

Орталықтың негізгі мақсаты: **ҚАЗАҚ ДИАСПОРАСЫН ЗЕРТТЕУ**

Орталық жанында қазақ диаспорасын, шетелде тұратын отандастарды зерттейтін әлем ғалымдарынан, этникалық қазақ-ғалымдардан, диаспора өкілдерінен, қазақстандық ғалымдарынан тұратын Ғылыми кеңес құрылған.

Орталық директоры — **Ракишева Ботагөз Исләмқызы,**
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты

Қазақ диаспорасын зерттеу орталығының филиалы Мюнхенде (Германия) орналасқан.
Филиал басшысы — профессор **Каюм Кесиджи,** саяси ғылымдарының докторы

CENTRE FOR KAZAKH DIASPORA STUDIES Institute for Social and Political Research

Established in 2011

The mission of the Centre **IS TO STUDY THE KAZAKH DIASPORA**

There is an Academic Council functioning under the Centre which unites the scientists, ethnic Kazakhs, representatives of the Diaspora and Kazakhstani experts specializing in studying the life of Kazakhs living abroad.

Director of the Centre — **Botagoz Islyamovna Rakisheva,**
Candidate of Social Sciences

The affiliate of the Centre for Kazakh Diaspora Studies is located in Munich (Germany).
Head of the affiliate — Professor **Kayyum Kesici,** PhD in Politics

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ Института социально-политических исследований

Основан
в 2011 году.

Основная задача центра: **ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ**

При Центре создан Ученый совет, куда входят ученые мира, занимающиеся исследованием казахской диаспоры, ученые-этнические казахи, представители диаспоры, казахстанские ученые, основной объект исследований которых – соотечественники, проживающие за рубежом.

Директор Центра — **Ракишева Ботагөз Ислямовна,**
кандидат социологических наук

Филиал Центра по изучению казахской диаспоры находится в г. Мюнхене (Германия).
Руководитель филиала — профессор **Каюм Кесиджи,** доктор политических наук

www.ispr.kz
bota.rakisheva@ispr.kz

Tel./fax: +7 (7172) 457 002
457 003

РОЛЬ, МЕСТО И ЛИДЕРСТВО КАЗАХСТАНА НА КАСПИИ

КЫДЫРБЕКУЛЫ ДУЛАТБЕК БАЛГАБЕКОВИЧ

Доктор политических наук, профессор Кафедры Менеджмента и общественных дисциплин Международного университета информационных технологий (Алматы, Казахстан)

Распад СССР в 1991 г. привел к разделу Каспийского моря. Каспийское море является уникальным водоемом в мире, которому нет аналогов. За прошедшие двадцать лет до сих пор не определен правовой статус Каспия, без которого невозможно решение других задач экономического характера. Еще с советских времен были разведаны многочисленные залежи нефти и газа. На территории Казахстана и Азербайджана были построены буровые станции по добыче нефти. В Туркменистане добывался газ. Поэтому сразу после провозглашения государственной независимости новых прикаспийских стран в эти отрасли были приглашены американские и европейские, а позже китайские, индонезийские и южнокорейские нефтегазовые компании. Были отданы им в концессии на добычу нефти и газа многие месторождения.

Однако с середины первого десятилетия XXI в. начинают происходить новые глобальные изменения в мире. Во-первых, это мировой экономический кризис. На фоне этого кризиса прежние мировые экономические лидеры постепенно отходят назад, уступая место новым. Во-вторых, идет активное формирование многополярного мира. Президент США Барак Обама признал существование такового, с которым прежде не мог смириться его предшественник Джордж Буш-младший. В-третьих, идет процесс потери США статуса единственной супердержавы. Б. Обама принял президентство Америки, теперь уже не супердержавы начиная с 2008 г. Двадцатилетнему единоличному господству США, начавшемуся после 1989 г., приходит конец. США вынуждены покинуть или сократить свое экономическое присутствие в регионе Центральной Азии. В-четвертых, идет усиление экономической мощи Китая по всем направлениям в мире. Экономика США и Европы становится зависимой от китайских производителей. В Казахстане китайские компании также в значительной мере скупили акции американских и европейских нефтяных компаний. В-пятых, Китай, прежде всего, контролирует формирование новых геоэкономических отношений в Азиатско-Тихоокеанский регион и окрестных регионах, в т. ч. в Центральной Азии, России и Северной Америке.

США и европейские страны в единой системе Европейского союза не желают уступать свои позиции в Центральной Азии. Равным образом они не желают расставаться со своими позициями и в прикаспийском регионе. Таким образом, появляются такие внешние геополитические игроки на Каспии, как Китай, ЕС и США.

Для противодействия этим внешним игрокам становится необходимым формирование геополитических моделей внутренних альянсов на Каспии.

Ими являются те страны, берега которых омывает Каспийское море. Это Россия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан и Иран.

Прежде Каспийское море принадлежало СССР и Ирану. После распада СССР сложилась модель из постсоветских государств и Ирана. Данная схема выглядит следующим образом.

Первая модель – СССР + Иран на 1990 год.

Вторая модель – Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан + Иран на 1992 год.

О третьей модели. Появление новых независимых государств теоретически вызвало формирование новых цивилизаций. По религиозному признаку эти цивилизации на Каспии выглядят таким образом: Иран, Азербайджан, Туркменистан, Казахстан + Россия, где Россия является православной, а остальные мусульманской цивилизациями. Здесь не стоит вопрос по Самуэлю Хантингтону, который предрекал будущее столкновение цивилизаций между собой. Здесь идет речь о формировании новых культур и субкультур.

Четвертая модель. Ситуация на Каспии на протяжении двадцати лет после распада СССР складывалась таким образом, что главными геополитическими игроками (субъектами) на Каспии являлись Россия и Иран. Картина такова: Россия, Иран + Казахстан, Туркменистан, Азербайджан.

Следует отметить, что Казахстан, Туркменистан, Азербайджан являлись не только геополитическими объектами, здесь шло также и совпадение по лингвоцивилизациям. Эти геополитические объекты являются тюркоязычными странами. Геополитические субъекты относятся к индоевропейской группе языков.

Экономический рост Казахстана, отказ Казахстана от обладания ядерным оружием, многовекторная внешняя политика страны, инициатива Казахстана в создании СВМДА как азиатской системы безопасности, инициативность руководства страны во главе с Президентом Н. Назарбаевым в евразийской интеграции и признание этого государства со стороны мирового сообщества лидером в регионе Центральной Азии – все это дает многочисленные основания на идею появления нового геополитического игрока на Каспии. Республика Казахстан стала региональным геополитическим субъектом. Поэтому новая, пятая геополитическая модель на Каспии складывается следующим образом: Россия, Иран, Казахстан + Азербайджан, Туркменистан.

Последние лишь по мере своего экономического и политического развития могут со временем сформироваться в равных геополитических и геοэкономических субъектов в прикаспийском регионе. Для Азербайджана является главным решение конфликта с Арменией по вопросу о Нагорном Карабахе. Для Туркменистана – выход из изоляции, в которую страна впала при президенте С. Ниязове. Статус нейтралитета несколько не мешает Туркменистану быть экономически и политически активным в каспийской региональной политике.

Однако главный вопрос – до сих пор не достигнуто решение о правовом статусе Каспия. Выражением этой проблемы являются следующие модели прежних отношений:

1. Россия, Казахстан, Азербайджан + Иран без Туркменистана
2. Россия, Казахстан, Туркменистан + Иран без Азербайджана
3. Казахстан, Туркменистан, Азербайджан + Россия без Ирана
4. Иран + Казахстан, Азербайджан, Туркменистан без России

Но не было до сих пор такой модели: Иран + Россия, Азербайджан, Туркменистан без Казахстана.

Это показывает, что Казахстан всегда верен своей заинтересованности в решении правового статуса Каспийского моря. Каждая страна своим отсутствием на деле срывает разрешение данной проблемы. Участие Казахстана

во всех встречах по урегулированию проблем Каспия показывает, что Казахстан держит свое лидерство в данном вопросе.

В ноябре 2010 г. в Баку главы прикаспийских государств подписали Соглашение о сотрудничестве в области безопасности на Каспии. Согласно этому документу, «стороны вновь заявляют о признании суверенных прав прибрежных государств в отношении Каспийского моря и его ресурсов. Они подтверждают твердое намерение завершить работу над Конвенцией о правовом статусе Каспийского моря, которая будет являться базовым документом, регулирующим деятельность прикаспийских государств на Каспийском море»^[1].

Накануне этой встречи глав государств каспийского региона была надежда на достижение компромисса о правовом статусе Каспийского моря. Рассмотренная в январе 2001 г. ситуация в каспийском регионе демонстрирует повышенную заинтересованность всех государств региона в скором решении вопроса относительно определения правового статуса Каспийского моря. При этом практически каждая из пяти стран предлагает собственные механизмы ускорения этого процесса с учетом своих собственных интересов^[2]. Но стороны вновь не пришли к согласию в главном вопросе.

Таким образом, в течение длительного времени идут переговоры между прикаспийскими государствами о статусе Каспийского моря – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран – на разделе Каспия по одной пятой части между всеми прикаспийскими государствами. В 2003 г. Россия, Азербайджан и Казахстан подписали соглашение о частичном разделе Каспийского моря по срединной линии. Однако это соглашение вызвало недовольство со стороны Ирана и Туркменистана, которые рассматривали это как проявление сепаратных переговоров без учета интереса других сторон.

Тем не менее, решение вопроса о статусе Каспия затягивается, т. к. часто срывается из-за претензии характера национальных интересов какой-либо одной из каспийских стран. Как видим, одним странам выгодно что-то одно, а другим – другое.

Казахстан, равно как и другие прибрежные страны стоит перед выбором: либо Каспий действительно море с выходом в Мировой океан, либо раздел на национальные сектора как внутреннего водоема. Россия и Иран имеют альтернативные выходы в Мировой океан. В частности, Казахстан экспортирует нефть через Иран по особому соглашению, по которому Иран использует казахскую нефть, а продает свою и расплачивается с Казахстаном. Россия и Иран, имея другие морские владения как бассейнов Мирового океана, не проявляют особой заинтересованности в придании Каспию статуса моря. Географически Каспий является громадным озером, но по площади не уступает обычным морям. Через Волго-Донской канал Каспийское море искусственно связано с мировым океаном.

В мировой истории и политике приводится немало примеров раздела озер и морских владений между прибрежными государствами. Великие озера в Северной Америке, поделенные между США и Канадой, соединяются с Атлантическим океаном. Тем не менее, они не являются образцовой моделью для каспийских стран. Красное море, будучи внутренним морем Индийского океана, поделено между Египтом, Саудовской Аравией, Йеменом, Суданом, Джибути, Эритреей, и Израилем. Здесь не наблюдается определенного геополитического соперничества между странами и доминирования какой-либо страны. С другой стороны, эти страны по уровню развития совершенно разные. Поскольку Красное море географически является морем, то нет на-

[1] <http://www.1news.az/politics/20101118050533533.html>

[2] <http://www.casfactor.com>

добности в том статусе, который необходим для Каспия. Здесь распространяется международное морское право. Та же ситуация и с Черным морем. Казахстан является членом Международной морской организации с 1994 г., что дает стране право на выход в Мировой океан.

Поэтому правовой статус стал бы гарантией для свободного мореходства в Мировой океан для стран, не имеющих выхода туда. Так, в 2006 г. казахстанский парусник вышел в Мировой океан через Волго-Донской канал, пользование которым разрешено согласно особому соглашению между Казахстаном и Россией. Но другие страны региона либо пока не имеют договора с Россией по использованию канала, либо не проявляют такой заинтересованности.

Одним из первых шагов представляется налаживание отношений в области туризма. Граждане прикаспийских стран могли бы свободно посещать страны друг друга. Так, в Мангистауской области Казахстана имеются вполне подходящие природные ресурсы и пригодные земли для создания курортных зон вдоль побережья Каспия, которые не уступали бы бывшим всесоюзным советским курортам в Сочи и Крыму. Подобные условия имеются и в Балканском велаяте (бывшая Краснодарская область) Туркменистана. В Азербайджане имеются такие курорты на Апшеронском полуострове еще с советских времен. В Астраханской области России есть немало зон для охотничьего туризма в поймах и дельтах реки Волги.

Что нужно для скорейшего принятия статуса Каспия? Во-первых, отказ от геополитического доминирования более сильных держав, таких как Россия и Иран. Даже Казахстан в случае признания его геополитическим субъектом должен отказаться от своих геополитических амбиций и притязаний.

Во-вторых, необходимо налаживание горизонтальных отношений между каспийскими странами, предусматривающих равноправное экономическое, торговое, политическое, а также научное и культурно-образовательное сотрудничество. С одной стороны, равноправие кажется наивностью и утопией. Но, с другой стороны, к равноправному сотрудничеству следует стремиться так же, как общества стремятся к демократии. Это путь долгий, но вполне достижимый.

В-третьих, приход к компромиссу возможен только на основе схожести национальных интересов каспийских стран. До последнего дня страны прикаспийского региона демонстрируют свои специфичные национальные интересы, что не только не учитывается сторонами, но и не приводит к компромиссу. В любом случае следует избегать каких-либо военных столкновений, либо прийти к соглашению об ограничении военных сил на Каспии.

В-четвертых, формирование регионального союза каспийских стран должно проходить с привлечением равноправного сотрудничества внешних партнеров, какими являются США, ЕС и Китай. Основные условия экономического и торгового сотрудничества с привлечением инвестиций в развитие нефтегазовой промышленности региона, сохранения экологического равновесия, создания заповедников с охраной исчезающих животных, развития рыболовного хозяйства, подъем туризма и т. п. должны ставиться только хозяевами Каспия – государствами региона.

Какова же роль Казахстана как в каспийской проблеме, так и в целом в системе региональных и глобальных отношений? В реальности Казахстан не имеет прямой географической расположенности выхода к Мировому океану, но через Волго-Донской канал, все же, имеет выход к мировым морским коммуникациям. Казахстан использует фактор своего присутствия в зоне Каспийского бассейна в целях позиционирования себя в качестве морской державы. «Общая же позиция Казахстана по решению «каспийского вопроса» такова: установить на Каспии территориальное море, рыболовную зону и

общее водное пространство; внешняя граница территориального моря должна являться государственной границей, в пределах которой прибрежное государство будет обладать всей полнотой суверенных прав, что позволит приобрести дополнительные гарантии безопасности в контексте обеспечения нерушимости границ и территориальной целостности»^[3].

Руководство страны поставило перед обществом задачу достижения войти в число 50-ти развитых стран. Это задача глобального характера. Стремление Казахстана к технологическим прорывам, обозначенным еще в 2002 г., предусматривает освоение информационных технологий, новой фазы индустриализации, решения социальных проблем и т. п. Председательствование Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. показало, что Казахстан постепенно оформляется в региональную державу. Президент Н. Назарбаев отмечает: «В советское время Казахстан был где-то на 12-13-м месте среди 15 союзных республик, а сейчас мы общепризнанные лидеры. По таким показателям, как темпы роста ВВП, величина его объема и объем иностранных инвестиций на душу населения, мы уверенно опережаем все страны СНГ. Сегодня ВВП Казахстана больше, чем экономики центральноазиатских стран вместе взятых. Казахстан уверен в своих силах и готов поддержать другие страны региона»^[4]. Каспийская политика Казахстана является одним из наглядных индикаторов региональной политики страны.

Но все же, что необходимо Казахстану для достижения полного статуса державы и геополитического субъекта? Во-первых, интенсивное социально-экономическое развитие. «Казахстан в настоящее время занимает 2-е место среди 9 стран Северной и Центральной Азии (СЦА) в сфере экспорта и импорта товаров, а также услуг. На долю Казахстана приходится около 12% экспорта товаров и 10% – импорта в СЦА, в то время как его доля коммерческих услуг в странах региона составляет около 7% экспорта и 12% импорта. Однако если взять весь Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), доля Казахстана лишь 1% в экспорте товаров и 0,4% – в экспорте услуг»^[5]. Проект нового Шелкового пути увеличил бы экономические дивиденды и инвестиции, значительно увеличив последние цифры. Транспортные коммуникации являются основными проводниками экономического развития Казахстана в геоэкономическом плане. Морской транспорт является важным дополнением сухопутному транспорту.

Во-вторых, наряду с реформой экономических структур расширить интеллектуальные и образовательные ресурсы, которые являются немаловажными в развитии страны, особенно в области интенсивной информатизации.

В-третьих, ограничить массовое использование природных ресурсов, которое ведет к хищническому расточительству, загрязнению окружающей природы и его ущербу. Запасы нефти и газа, а также других ресурсов недолговечны. Это требует сокращения сырьевой зависимости.

В-четвертых, повсеместно в Казахстане сократить атомную промышленность, особенно учитывая трагедию АЭС в Фукусиме. Атомная энергия изначально является вредной для окружающей среды и человеческого здоровья.

В-пятых, интенсифицировать космическую программу также с минимальным ущербом для окружающей среды. Использование искусственного спутника необходимо для экономики, экологии и безопасности страны.

В-шестых, модернизировать Вооруженные силы страны, оснатив армию и флот самыми современными видами вооружений. Минимальная числен-

[1] <http://www.contur.kz/node/559>

[2] <http://www.eamedia.org/ru/572/643>

[3] <http://news.gazeta.kz/art.asp?aid=350686>

ность военнослужащих требует повышения качества обороноспособности страны.

В-седьмых, приложить все политические и дипломатические ресурсы в многовекторной внешней политике. Создание СВМДА, участие в ШОС и ОДКБ, формирование Таможенного союза и ЕврАзЭС, председательство в ОБСЕ и ОИС, посредническая деятельность в примирении конфликтующих стран мира являются наглядным проявлением лидерских качеств Казахстана в региональной и отчасти глобальной политике.

В-восьмых, увеличить туризм в стране, используя все имеющиеся природные ресурсы и памятники материальной культуры исторического значения. В Казахстане относительно девственная природа. По всей территории страны ведутся археологические раскопки, после чего восстанавливаются исторические памятники. Это, в свою очередь, требует создания прочной инфраструктуры наряду с транспортными коммуникациями.

В-девятых, Казахстану следует обеспечить образовательную и информационную безопасность наряду с экономической, экологической, военной, региональной и другими видами безопасности. Для этого следует, прежде всего, преодолеть информационную зависимость казахстанского общества от других государств.

Таким образом, перспективы Казахстана в формировании статуса субъекта мировой политики приобретают все большие очертания. Критики, скептики и пессимисты продолжают говорить о нереальности достижения, ставя Казахстан в геополитическую зависимость от более сильных соседей. Опыт ряда стран, таких как Турция, Индия, Южная Корея показывает, что они добились данного статуса благодаря тем усилиям, которые они приложили за годы независимого развития, используя все необходимые и имевшиеся ресурсы. В начале 21 века интенсивное использование информационных технологий значительно ускоряет развитие человеческого общества. Выход Казахстана в Мировой океан через Каспийское море стало бы продолжением Великого шелкового пути в 21 веке. В конечном результате, Каспий стал бы одним из главных источников социально-экономического развития Казахстана в данном направлении.

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ И ЕГО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС

КЯМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ

Кандидат юридических наук, Доктор философии международного и конституционного права, ведущий научный сотрудник Центра Стратегических Исследований при Президенте Республики Азербайджан (Баку, Азербайджан)

Эффективное международное сотрудничество между странами Каспийского региона является в настоящее время приоритетной стратегической задачей как для отдельных государств данного региона, так и для региона в целом, как для единого политико-правового организма. Совершенно естественно, что подобное сотрудничество возможно лишь при условии основополагающих консенсусов между странами региона и полной согласованностью практики государств в соответствующих международных отношениях.

Одной из важнейших точек соприкосновения в международных отношениях таких государств является выход к Каспийскому бассейну, что, в свою очередь, формирует одну из основных парадигм международного сотрудничества стран региона – международно-правовой статус Каспия.

Вследствие распада Советского Союза и появления новых государств вдоль Каспия, правовой статус этого пограничного водоема стал одной из наиболее спорных проблем, стоящих перед регионом. Каспийское «море» – это один из уникальнейших водных объектов земного шара. Его живые и минеральные ресурсы с давних времен составляют основы экономики народов и государств, расположенных на его побережье. Транспортные возможности водоема, уникальные туристические и курортно-оздоровительные комплексы, а также нефтяные и газовые месторождения превратили его в приоритет внешней и внутренней политики прибрежных государств. Отсюда и стремление государств прийти к консенсусу о международно-правовом статусе Каспия.

Юридические неточности, оказывающие давление на экономическое развитие и сотрудничество, в основном проистекают из-за отсутствия соглашения о региональном и глобальном сотрудничестве между пятью прибрежными государствами и занятых ими различных позиций относительно не только правового статуса Каспия, но и права, которое может быть применено при делимитации вод и подземных недр.

В современной международно-правовой доктрине на данный момент существует три основных взгляда на определение международно-правового статуса Каспия:

- 1) В качестве морского пространства;
- 2) В качестве пограничного озера;
- 3) В качестве кондоминиума.

Не буду вдаваться в подробности каждого из данных статусов. Хочется сфокусироваться именно на том статусе, который представляется единственно правильным. Как вы могли заметить, в названии темы данного высту-

пления слово «море» взято в кавычки, так как Каспий представляет собой озеро, что уже неоднократно было доказано учеными. Следовательно, и международно-правовой статус ему должен быть предоставлен соответствующий, т. е. именно в качестве пограничного озера.

Наука и только наука в состоянии четко определить международно-правовое положение Каспия как пограничного озера. Поэтому переговорный процесс по установлению международного статуса Каспия определяется, прежде всего, степенью теоретических разработок и их согласованностью с практикой международного права.

Еще в начале 1960-х гг. известный английский юрист Уильям Батлер писал, что несмотря на включение вод Каспийского моря в состав внутренних вод Советского Союза, на самом деле оно является крупнейшим озером, которое исторически называют морем. С ним соглашался и представитель французского научного мира Франц де Хартинг, который отмечал, что и Каспийское море, и Аральское в действительности большие озера, подчиненные национальным юрисдикциям.

Схожего мнения придерживаются и в иранской доктрине. По мнению иранского ученого Довлятшахи, например, современное положение Каспия позволяет рассматривать его не как море, а как озеро, не имеющее сообщения через пролив с океаном или открытым морем. Того же мнения придерживается другой иранский исследователь Бахрам Амирахмадиян, который категорично утверждает, что Каспий как внутриматериковый водоем, не будучи связанным ни с каким океаном, может считаться только озером.

Опираясь на опыт схожих теоретических разработок в Казахстане другой исследователь-правовед Салимгерей приходит к выводу, что Каспийское море является пограничным озером, а не замкнутым морем и отмечает, что еще в Советской доктрине звучали призывы подчинить его правовому режиму пограничных озер и разделить его на советский и иранский участки (Уусталь, Николаева, юристы). Салимгерей совершенно правильно рассуждает, что использование международных озер обычно регулируется и должно регулироваться специальными соглашениями, заключаемыми прибрежными государствами. В случае отсутствия подобных соглашений граница должна проводиться в соответствии с серединой линии либо в соответствии с границами государств, пересекающими озеро. Большинство государств, как известно, предпочитают делить озера вдоль государственных границ.

При этом очень многое здесь зависит от воли государств. Они могут сохранить международное озеро в общем пользовании, но они же могут разделить его воды на прибрежные – «территориальные» и «открытые» для общего пользования приозерных государств с ограничением или исключением прав третьих государств на судоходство и другие виды морепользования. В отличие от моря, которое не попадает под суверенитет прибрежных государств и может быть разделено с согласия таких государств только на зоны функциональной юрисдикции, международное озеро может быть разделено между прибрежными государствами по максимуму, на части внутренних и территориальных вод, включая дно, его недра, покрывающую толщу воды и воздушное пространство. Это дает государствам более широкие возможности достижения взаимоприемлемого консенсуса.

Озеро, в принципе, в юридическом смысле не имеет таких категорий как экономические зоны, шельфы, территориальные воды. Оно относится к внутренним водам – суверенным территориям прибрежных государств, на которые международный режим не распространяется. За подобным положением вещей скрывается определенный смысл: именно таким образом реализуется основополагающий принцип международного права – принцип невмешательства во внутренние дела государств. Установление право-

вого режима пограничного озера является исключительной компетенцией самих прибрежных государств, и посему общепризнанных или общепринятых правовых норм раздела пограничных озер, определяющих хотя бы общие правовые вопросы раздела и эксплуатации их ресурсов, не существует, за исключением одной: разграничение пограничного озера может быть осуществлено только по взаимному согласию всех прибрежных государств.

Значение скорейшего определения международно-правового статуса Каспийского озера сложно переоценить. Каспий полностью отличается от многих других международных озер. Использование его природных ресурсов необходимо для прибрежных государств. Такие минеральные ресурсы как нефть представляют, конечно, особый интерес. Но в то же время, Каспий составляет единую экологическую систему, чрезвычайно уязвимую. Никакое другое международное озеро в мире не сочетает два таких строго несовместимых элемента: необходимость в использовании минеральных ресурсов, постоянно представляющих опасность нанесения вреда окружающей среде, и принятии специальных мер по защите его экологии. Можно предположить, что если прикаспийские государства продолжают вести экономическую деятельность, особенно ту, которая основана на использовании минеральных ресурсов, без какого-либо сотрудничества и строгого надзора над ее соответствием экологическим нуждам, судьба озера может оказаться довольно-таки печальной. Отсутствие сотрудничества и контроля может привести и к экологической катастрофе. Вот почему государства региона должны стремиться к сотрудничеству на основе правового режима, позволяющего скоординированное использование ресурсов. Такое решение гарантировало бы, что никакой вред не был бы причинен ни интересам прибрежных государств, ни экологии уникального в своем роде водоема.

В то же время, последние годы стали основополагающим и производным фактором проблемы обеспечения военно-политической безопасности Каспийского моря. В принципе, военная деятельность на Каспии относится к составным элементам международно-правового режима данного водоема. Однако без обеспечения международной безопасности региона, без формирования основ стабильности и добрососедства между прикаспийскими государствами трудно определить такой статус Каспия, который будет означать равный объем прав и обязанностей сторон, элементы мирной интеграции, характер собственности, а также принципы взаимной деятельности в бассейне водоема.

В процессе определения международно-правового статуса Каспия как пограничного озера права каждого прикаспийского государства должны быть лимитированы обязанностью учитывать общие интересы всех прибрежных государств по защите и сохранению морской среды и ее биоресурсов, сохранению стабильности в регионе, обеспечению военно-политической безопасности и другими ограничениями. По этой же причине определение каспийского статуса как озера дает определенные основания для исключения из морской деятельности на Каспии неприбрежных государств, их компаний и организаций. Во всяком случае, на участие третьих стран в национальном проекте прикаспийской страны необходимо будет получить согласие других прикаспийских государств.

Одним из наиболее приемлемых решений было бы признание Каспия пограничным озером, подобно озерам, расположенным между Канадой и США, а затем разделение его на сектора, соответственно с осуществлением прибрежными государствами своего полного суверенитета. В своем секторе каждое прибрежное государство осуществляло бы исключительный суверенитет на биологические ресурсы, водную поверхность, судоходство, освое-

ние глубин и недр, а также иную деятельность в соответствии с национальными законодательствами и международным правом.

При этом для придания гибкости международным отношениям, открытия путей к сотрудничеству и координации в отношении Каспия следовало бы установить специальный режим управления секторами посредством многосторонних рамочных соглашений по навигации, экологии, консервации и использованию биологических ресурсов и ресурсов морского дна.

Закрепление за Каспийским морем статуса пограничного озера имеет и другие положительные характеристики. Во-первых, утверждение указанного статуса будет соответствием текущей практики государств региона и существующему *opinio juris*. А значит, не повлечет за собой изменений в международном обычном праве, что, в свою очередь, не создаст турбулентности в международных отношениях между прикаспийскими государствами в период смены правового режима. Во-вторых, распространение национальных юрисдикций на сектора создало бы достаточно гарантий интересам прибрежных государств, и в особенности еще более благоприятную обстановку для иностранных инвестиций в регион. И наконец, в-третьих, четкий и согласованный международно-правовой статус Каспия даст новый мощный толчок для развития международного сотрудничества между странами региона.

ПРОЕКТ ТРАНСКАСПИЙСКОГО ГАЗОПРОВОДА — БЛЕФ АШХАБАДА

МЕДВЕДЕВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Исполнительный директор АНО «Центр политических технологий
«ПолитКонтакт» (Москва, Россия)

Нынешний раунд информационной вспышки вокруг перспектив Транскаспийского газопровода развивается на фоне мирового роста спроса на природный газ, еще более усилившийся после техногенных катастроф на японских АЭС, известных событий в Ливии, вызвавших коллапс ее нефтегазовой отрасли и, как следствие, увеличение поставок российского газа в Италию, а также на фоне решений об отказе от атомной энергетики в Европе, в частности в Германии. И в целом укладывается в рамки геополитического противостояния между газопроводными проектами NABUCCO и «Южный поток». При этом данное противостояние в большинстве случаев преподносится таким образом, что победа одного из проектов автоматически означает поражение другого.

В своем выступлении я постараюсь подвергнуть сомнению последний тезис. На мой взгляд, в данном противостоянии заметное место занимает политический блеф, частью которого и является проект Транскаспийского газопровода. Но чтобы понять, в чем состоит этот блеф, необходим некий короткий экскурс в историю данного проекта. Благо, что эта история, несмотря на тот информационный шум, которым она обросла, достаточно коротка, как с точки зрения временного отрезка, так и с точки зрения реального фактического наполнения.

Транскаспийский газопровод появился в 1996 г., как проект, альтернативный российско-турецкому проекту «Голубой поток». Это совпало с объявлением со стороны США Черноморско-Каспийского региона зоной своих стратегических интересов. Был создан «Транскаспийский консорциум», в который вошли компании General Electric, Bechtel National и Shell. В 1998 г. правительство США выделило 1,3 млн. долл. на составление ТЭО проекта, который предусматривал подачу газа с восточных месторождений Туркменистана в турецкий Эрзурум. Завершить строительство газопровода, по которому ежегодно планировалось экспортировать 16 млрд. куб. м газа в Турцию и 14 млрд. – на европейские рынки, предполагалось в 2002 г. Однако в 2000-м работа над проектом была достаточно категорично приостановлена бывшим президентом Сапармурадом Ниязовым. В сентябре того же года американские General Electric и Bechtel National фактически вышли из проекта. 19 сентября 2000 г. PSG объявила о закрытии своего офиса в Ашхабаде, и руководство «Транскаспийским консорциумом» официально было передано SHELL. О причинах неудачи 2000 г. мы поговорим чуть ниже. Их понимание является ключевым в оценке перспектив данного проекта на современном этапе. Но сначала поговорим о том, что происходит сейчас.

Проект был реанимирован в 2006 г., после «газовых войн» между Россией и Украиной. Теперь к проекту, судя по материалам СМИ, проявляет интерес и Казахстан. Сейчас данному проекту главную поддержку оказывает ЕС, а

США как бы отошли на задний план. Тем не менее, именно США в августе 2010 г. выделили Азербайджану 1,7 млн. долл. для подготовки нового ТЭО проекта с учетом возможности участия в нем Казахстана. На эти же средства, как ожидается, будет обновлен и ТЭО строительства нефтепровода по дну Каспийского моря для подключения казахстанской нефти к нефтепроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан».

В декабре 2008 г. австрийская компания «OMV» и германская «RWE AG» учредили «Caspian Sea Company» для оценки вариантов строительства Транскаспийского трубопровода и поиска партнеров по проекту, которые бы занимались строительством и эксплуатацией этого трубопровода. В апреле 2009 г. между Туркменистаном и «RWE AG» (являющимся и одним из участников NABUCCO) был подписан меморандум о взаимопонимании, согласно которому немецкая компания может быть допущена к разработке «Блока № 23» на Каспии.

В настоящее время рассматривается вариант прокладки газопровода по маршруту Тенгиз (Казахстан) – Туркменбаши (Туркменистан) – Баку (Азербайджан). Как вариант, предполагается транскаспийскую ветку соединить с газопроводом Баку – Тбилиси – Эрзурум, являющимся одним из основных отрезков газопроводной системы NABUCCO.

Из последних, наиболее значимых событий текущего года, направленных на продвижение Транскаспийского проекта, необходимо выделить следующие:

- в середине января прошли переговоры президента Туркменистана с главой еврокомиссии Жозе Мануэлом Баррозу, в ходе которых еврокомиссар заявил о готовности ЕС закупать туркменский газ и предложил составить и подписать межправительственное соглашение в области энергополитики. Гурбангулы Бердымухамедов, в свою очередь, рассказал о четырех способах доставки туркменского газа в Европу, назвав при этом строительство Транскаспийского газопровода по дну Каспия до Азербайджана приоритетным. Впервые им было публично озвучено, что вопросы юридического оформления трубы в условиях отсутствия делимитации морского шельфа на Каспии касаются только тех стран, по чьей территории он пройдет;

- 28 февраля текущего года в Ашхабаде прошла международная конференция «Экологические аспекты транскаспийских трубопроводов». Мероприятие было организовано министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана, а ее делегатами стали около 300 участников из США, Великобритании, Германии, Франции, Австрии, Норвегии, Южной Кореи, Китая, Канады, Малайзии, Турции и ОАЭ. Из прикаспийских государств, помимо самого Туркменистана, на конференции присутствовали представители Азербайджана и Казахстана. В качестве одного из выводов конференции прозвучал тезис о том, что строительство газопровода по дну Каспия несет намного меньше вреда, чем строительство завода по производству сжиженного газа и его транспортировка по морю танкерами. Весьма показательным является тот факт, что накануне конференции, 16 февраля, в Ашхабаде прошли политические консультации между США и Туркменистаном с участием помощника Госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Роберта Блэйка;

- 25 февраля в Ашхабаде прошло 11-е заседание совместного комитета «Туркменистан – Европейский союз»;

- в середине июня посол США в Баку Мэтью Брайза заявил о том, что США и Азербайджан приступают к новой фазе сотрудничества в сфере безопасности, которое теперь коснется защиты энергетической инфраструктуры на Каспии;

- 7 сентября 2011 г. прошла информация о том, что Еврокомиссия получила мандат Совета ЕС на проведение переговоров с Азербайджаном и Туркменистаном по соглашению о правовой базе Транскаспийского газопровода. Об этом говорится в документе о внешних энергетических связях ЕС, принятом Еврокомиссией и представленном комиссаром ЕС по энергетике Гюнтером Оттингером. Документ содержит энергетическую стратегию ЕС до 2020 г., в нем изложены 43 конкретных действия для обеспечения энергетической безопасности Европы. Среди основных крупномасштабных проектов, необходимых для реализации, указывается Транскаспийская газопроводная система. Отмечается, что предлагаемое соглашение по Транскаспийскому газопроводу между ЕС, Азербайджаном и Туркменистаном проложит путь для строительства необходимой инфраструктуры для поставок туркменского природного газа через Каспийское море.

Естественно, это неполный перечень событий, имеющий прямое отношение к проекту Транскаспийского газопровода. Не нужно пояснять, что возможность реализации данного проекта, активизируемая заинтересованными силами в США и ЕС, очень многих беспокоит в России. Однако, на мой взгляд, для того чтобы понять, насколько такая возможность реализации ТКГП реальна в ближайшей или хотя бы среднесрочной перспективе, необходимо более подробно разобрать неудачи проекта, постигшие его в 2000 г. И понять, многое ли изменилось с тех пор.

В своем выступлении я сознательно не буду развивать тезис о том, что наличие трудного рельефа дна и высокая сейсмическая нестабильность района являются главными противниками Транскаспия, хотя данный тезис никто с повестки дня не снимал. Но пусть он останется в рамках обсуждения специалистов иного уровня и области знаний. К тому же других оснований для сомнения в реалистичности данного проекта более чем достаточно:

- во-первых, необходимо все же в очередной раз повторить, что для строительства газопровода потребуется согласие всех пяти прикаспийских государств. Поэтому все чаще озвучиваемые в информационном поле заявления о том, что «для строительства Транскаспийского трубопровода достаточно двусторонних договоренностей между Туркменией и Азербайджаном. Все остальное, с нашей точки зрения, – это спекуляции» (с таким заявлением, в частности, выступил в январе 2011 г. в интервью Deutsche Welle Рейнхард Митчек, исполнительный директор консорциума NABUCCO), видятся явно преждевременными. Ни в 2000 г., ни сейчас Россия и Иран не меняли своей точки зрения по существу данного вопроса и в ближайшее время менять не собираются. Представить то, что газопровод начнет строиться в условиях отсутствия согласия на это всех пяти государств, видится утопичным;

- во-вторых, существует два варианта продолжения Транскаспийского газопровода – это либо строительство отдельной трубы и компрессорных станций вдоль действующего газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум, либо «врезка» его непосредственно в данный газопровод. Первый вариант предполагает значительное увеличение стоимости проекта, во втором – входит в явное противоречие со среднесрочными и долгосрочными интересами Азербайджана. В 2000 г. Туркменистан и Азербайджан не смогли договориться о квотах транспортировки газа по Транскаспийскому газопроводу, после того, как он выйдет на азербайджанское побережье. Сапармурад Ниязов настаивал на том, чтобы труба была полностью заполнена туркменским газом, Гейдар Алиев – на том, чтобы квота азербайджанского газа составляла не менее 30%. Сейчас к проекту Транскаспия якобы присоединяется и Казахстан. То есть процесс не упрощается, а, мягко говоря, становится еще менее понятным.

Дополнительно, что касается второго варианта. Пропускная мощность газопровода «Баку – Тбилиси – Эрзурум» составляет 16 млрд. куб. м газа в год, но при условии строительства дополнительных компрессорных станций может быть доведена до 32 млрд. Эксплуатация месторождения «Шах Дениз» имеет несколько сценариев. Согласно одному из них, для того, чтобы с месторождения получить максимальную отдачу, необходимо довести уровень добычи на нем до 60 млрд. куб. м в год и поддерживать данный уровень в течение, как минимум, 15 лет. Исходя из этих расчетов, только самому Азербайджану потребуется второй газопровод, аналогичный по мощности ныне действующему «Баку – Тбилиси – Эрзурум». Да, если исходить из ситуации сегодняшнего дня, то Азербайджан мог бы сегодня безболезненно допустить в действующую трубу 7-8 млрд. куб. м туркменского газа. Но в среднесрочной перспективе и это будет невыгодным для Азербайджана.

Какой бы политический шум не сопровождал сегодня «перспективы» Транскаспийского газопровода, в какой-то момент наступит ситуация, о которой 14 ноября 2007 г. на заседании правительства Азербайджана говорил президент Ильхам Алиев: «Если наши партнеры захотят поставлять свои энергоресурсы с востока Каспийского моря в западном направлении через нашу территорию, то мы, конечно же, можем рассмотреть это на основе согласованных условий, и вопрос может быть решен. Однако мы не являемся и не будем инициаторами этого дела». Таким образом, Азербайджан в отношении Транскаспийского газопровода проявляет гораздо меньше энтузиазма, его строительство для республики особой выгоды не представляет. Кроме того, следует учесть мнение, ранее высказанное одним из азербайджанских экспертов: «Транзитные платежи для нас не столь значимы. Мы отдаем себе отчет и в том, что туркменский газ на рынке Турции лишь усилит конкуренцию с азербайджанским газом. Издержки же в виде обострения отношений с Москвой и Тегераном из-за Транскаспийского трубопровода нам вовсе не нужны».

В этой части выступления мне не хочется повторяться по поводу существующих с 1997 г. азербайджанско-туркменских противоречий по поводу месторождения «Сердар»/«Кяпаз». Однозначно, что когда-нибудь этот спор разрешится на взаимовыгодных условиях, но пока его существование не говорит в пользу Транскаспийского газопровода, для реализации которого нормализация азербайджанско-туркменских отношений является одним из непременных условий.

- в-третьих, что касается вопросов финансирования. В 2000 г. Сапармураду Ниязову был предложен вариант так называемого проектного финансирования. Если в двух словах, то это тот механизм, согласно которому заключаются предварительные контракты на поставку газа, а затем под них ищется международное финансирование. Возврат инвестиций происходит за счет прибыли, получаемой от продажи газа. Так вот, в 2000 г., предложенная туркменскому президенту схема подразумевала, что полноценную прибыль туркменская сторона начнет получать лишь на 16-й год после выхода газопровода на проектную мощность. На что Ниязов тогда ответил, что он не доживет до того радостного момента. Именно после этого в СМИ появились спекуляции на тему, что Ниязов поставил условие перед началом строительства Транскаспийского газопровода выплатить Туркменистану единовременный бонус в размере нескольких сот миллионов долларов, на что не был согласен вышеупомянутый консорциум «PSG». Конечно, за 11 лет цены на газ выросли в разы. Но ведь и стоимость строительства газопровода, особенно в условиях неопределенности его маршрута после выхода на азербайджанское побережье Каспия, будет отнюдь не 2,5-3 млрд. долл., как это планировалось в 2000 г.

В начале марта 2007 г. пресс-секретарь Еврокомиссии Ферран Тарранделлас публично заявил, что Евросоюз признал экономическую рациональность Транскаспийского газопровода, а авторы проекта уже приступили к поиску источников финансирования нового маршрута доставки природного газа из Центральной Азии по дну Каспийского моря в Азербайджан, оттуда в Грузию и Турцию, а затем в Евросоюз. Мне кажется, имеет смысл пожелать им удачи в этом непростом деле, так как, я уверен, вопрос о финансировании проекта останется на ближайшую и среднесрочную перспективу одним из наиболее уязвимых мест данного проекта;

- в-четвертых, видится необходимым пояснить, что скрывается за тем тезисом, что «Туркменистан продает свой газ на своей границе». Об этом неоднократно заявлял ныне действующий президент Бердымухаммедов. Но появление данного тезиса также связано с 2000 годом и спором Ниязова с «PSG» по поводу выгоды для Туркменистана Транскаспийского газопровода. Когда переговоры зашли явно в тупик, в качестве «последнего» аргумента со стороны проводников данного проекта прозвучал вопрос, адресованный туркменскому президенту: «Как же вы собираетесь продавать свой газ, если не будете строить новые экспортные газопроводы?». На что Ниязов ответил, что «мы его будем продавать на своей границе, а раз у вас нет своей трубы, то покупайте его у нас ведрами». За этим курьёзным лишь с виду случаем следует реальное понимание смысла, стоящего за тезисом о том, что Туркменистан продает газ на своей границе. Он говорит о том, что в Ашхабаде абсолютно трезво понимают, что никто не допустит Туркменистан к продаже своего газа конечному потребителю на европейском направлении, в связи с чем выбранный подход продажи газа на своей границе стал единственно возможным и правильным с точки зрения интересов Туркменистана подходом.

Понимание данного тезиса приводит к простому выводу, лежащему на поверхности, с точки зрения Туркменистана, для Ашхабада не существует конкуренции маршрутов, для него существует конкуренция цены. Многовекторность поставок нужна лишь для того, чтобы не зависеть от одного покупателя, и иметь возможность продавать больший объем газа по максимально высокой цене. Но, как будет сказано ниже, многовекторность не всегда дает достижение данного результата.

Из этого следует подвывод: Туркменистан никогда не будет вкладывать собственные инвестиции в трубопроводы, находящиеся за периметром его границ. Он готов вкладывать средства в строительство расположенных на его территории участков магистральных экспортных трубопроводов, оставаясь при этом единоличным их владельцем. Для чего это нужно? Для сохранения контроля и влияния над работой всего экспортного маршрута.

Теперь отсюда следует, что в условиях отсутствия статуса Каспия и признанных границ, невозможно определить до какой отметки в Транскаспии труба будет считаться туркменской. Позволить же кому-то построить свою трубу на туркменской территории – на это Туркменистан не пойдет, что наглядно показал провал в 2009 г. российско-туркменских переговоров в отношении строительства внутреннего газопровода «Восток-Запад». Принципиальность отношения к данным вопросам имеет еще и другой, очень важный для Туркменистана аспект, как для страны, закрытой от мира. Наличие чужого отрезка газопровода на своей территории, возможно, потребует от собственника охранных мер по его защите, т. е. вооруженного присутствия на туркменской территории, не связанного с проведением в Афганистане международной «антитеррористической» операции. Вот этого уж точно Туркменистану не нужно;

- в-пятых, по поводу тезиса о том, что для Ашхабада не существует конкуренции маршрутов, для него существует конкуренция цены. Ранее в Туркменистане весьма эффективно использовался подход «одинаковая цена для всех». Данный подход был выгодно использован Туркменистаном с момента начала работы газопровода Корпедже – Курт – Куи в 90-е годы прошлого столетия. При себестоимости добычи газа в то время в среднем в районе 28 долл. за тысячу куб. м., Россия закупала газ по 32 долл. С появлением указанного экспортного газопровода, несмотря на то, что по нему в первые годы экспортировалось менее 4 млрд. куб. м. газа, но по более высокой цене (34 долл.), у Туркменистана появилась возможность повысить цену и для России. Основание – «наши иранские соседи не понимают нас и обижаются на то, что они покупают наш газ дороже, чем вы. Цена должна быть одинаковой для всех».

Ежегодно (или через год) добиваясь от одного из покупателей повышения стоимости, Туркменистан автоматически повышал цену и для второго покупателя. Данный подход работал достаточно долго, вплоть до 2003 г., когда объемы газа, экспортируемые в Россию, стали намного больше, чем в Иран. После чего цены для России и Ирана перестали быть одинаковыми. Обоснования в переговорах с «Газпромом» изменились – «они же наши ближайшие соседи, к тому же сами потребляют наш газ, а вы его перепродаете по очень высокой цене, поэтому для них и для вас цена газа не может быть одинаковой». С появлением газопровода в Китай схема «одинаковая цена для всех» окончательно исчерпала себя. Тем более что в Китай течет несколько иной по качеству и себестоимости газ, кроме того, Китай предоставил Туркменистану значительные кредиты на выгодных условиях, и с тех пор имеет право «на особые отношения»;

- в-шестых, необходимо учесть, что самый выгодный маршрут для транспортировки среднеазиатского газа лежит через территорию Ирана. Поэтому вне зависимости от мнения России Иран никогда не согласится на строительство Транскаспия. Для Туркменистана добрососедские отношения с Ираном намного важнее, чем риск поссориться из-за Транскаспия. В случае же если когда-нибудь в Иране режим сменится на прозападный, то тогда маршрут через иранскую прикаспийскую низменность будет намного предпочтительней, чем Транскаспий – и с точки зрения себестоимости, и экологии, и технических решений. Мною приведено только шесть пунктов, говорящих о том, что Транскаспийский газопровод изначально был и остается «пузырём».

На самом деле перечень серьезных контраргументов не в его пользу насчитывается намного больше, и они хорошо известны профильным специалистам. Тем не менее, «призрак» Транскаспия, а в большей степени информационный шум вокруг данного проекта уже неоднократно влияли на ход российско-туркменских отношений.

Прежде всего речь идет о повышении закупочных цен на туркменский газ в 2007 г., связанном с подписанием предварительного соглашения по проекту Прикаспийского газопровода, и срывом переговоров в 2009 г. по строительству внутреннего газопровода «Восток – Запад».

В первом случае из-за «угрозы» со стороны Транскаспия цены на газ для России были необоснованно привязаны к выгодам для Туркменистана от строительства Прикаспийского газопровода, заключающимся, прежде всего, в избегании транзита туркменского газа через территорию Узбекистана. Во втором случае российская сторона к недоумению своих коллег, предложивших, на их взгляд, выгоднейшие условия участия структур «Газпрома» в строительстве газопровода «Восток – Запад», необоснованно потребовала политических гарантий (и заявлений) о том, что газ через данный газопро-

вод не учтет по Транскаспию. Которого нет и, по всей видимости, никогда не будет.

На данный момент проект Прикаспийского газопровода остается наиболее привлекательным для Туркменистана по некоторым причинам. В частности, объем газа, экспортируемого в Иран, имеет четкую верхнюю планку – максимум 15-16 млрд. куб. м в год, но никогда не превышал 8-8,5 млрд. куб. м, что не мало само по себе. Но этого уже недостаточно для того, чтобы влиять на поведение России по поводу объемов и цены закупки туркменского газа. (К тому же Ирану туркменский газ продается не дороже 170 долл. за 1 тыс. куб. м, в этом году поставки будут находиться в районе 6,5 млрд. куб. м)

Появление газопровода в Китае пока весьма мало влияет на туркмено-российские переговоры по цене на газ. Как было сказано выше, в Китае течет несколько иной по качеству и себестоимости газ. Китай предоставил Туркменистану значительные кредиты на выгодных условиях и настаивает «на особых отношениях». Но взаимоотношения с Китаем также имеют верхнюю планку выгоды для Туркменистана. И в Ашхабаде прекрасно осознают, что данное сотрудничество может вылиться в то, что, как и в случае с Транскаспием, Туркменистан будет поставками своего газа по цене, приемлемой для Китая, погашать лишь новые кредиты с его стороны (4 млрд. куб. м по 125 долл.).

Именно в этой связи Транскаспий «возвращен с полки», и им на радость европейцы вновь наивно размахивают в качестве «дубинки», тратя деньги в основном на PR. Сегодня ТКГП рассматривается Ашхабадом прежде всего в качестве возможности увеличения геополитического веса страны. И сейчас всплеск по данной теме выгоды Туркменистану, чтобы повлиять в нужном направлении на переговоры с Россией об объемах и цене продажи туркменского газа и началу строительства Прикаспийского газопровода, необходимого Туркменистану для большей независимости от транзита собственных углеводородов через Узбекистан. В этой же увязке находится и ситуация в отношении строительства внутритуркменского газопровода «Восток – Запад».

УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СИНЬЦЗЯНА С ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИМ И ПРИКАСПИЙСКИМ РЕГИОНАМИ

НИНГ ВАНГ

Доктор экономических наук (Ph D), научный сотрудник, директор Института экономических исследований Академии общественных наук Синьцзяна (Урумчи, Китай).

Синьцзян: Период бурного экономического развития

Экономическая глобализация, благодаря которой региональное производство и потребление поднимается на мировой уровень, открыла новые возможности для Синьцзяна. От международной торговли выигрывают все стороны, так как экономическая глобализация позволяет оптимизировать процесс распределения ресурсов, диверсифицировать и интернационализировать ресурсы и рынок. Если Синьцзян не упустит этот шанс и усилит экономическое сотрудничество с соседними странами, то ему удастся в полной мере воспользоваться ресурсами и рынком Центрально-Азиатского и Прикаспийского регионов и создать среду для взаимовыгодного сотрудничества.

Благоприятное экономическое окружение, внимание и поддержка со стороны Центрального правительства Китая являются основными факторами развития Синьцзяна. Во-первых, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) создала основу Синьцзяну для установления политического и экономического сотрудничества со странами Центральной Азии и прикаспийскими государствами; во-вторых, Центральное правительство добилось экономического развития и стабильности в Синьцзяне.

Географическое положение Синьцзяна (в Центральной Азии) дает ему огромное преимущество, так как он соединяет центральноазиатские страны с другими частями Китая. Богатая минеральными ресурсами Центральная Азия является потенциально мощным рынком. Кроме того, сегодня Китай переживает бум и представляет собой крупнейший рынок с быстро растущей экономикой. Помимо бурного экономического развития, в Китае потребление ресурсов растет в геометрической прогрессии. Центральноазиатские и прикаспийские страны обладают большими запасами минеральных и биологических ресурсов. Таким образом, дальнейшее развитие торговли между Синьцзяном и странами Центральной Азии и прибрежными государствами Каспийского моря будет взаимовыгодным.

Синьцзян имеет много общего со странами этих регионов – это и язык, и религия, и традиции, что создает благоприятные условия для Синьцзяна, так как это дает ему возможность понимать особенности рынков этих стран и присутствовать на них. Синьцзяну следует вдвое увеличить спрос на товары местного производства для полного использования своего потенциала. Поэтому Синьцзяну следует производить и экспортировать больше товаров также для того, чтобы удовлетворить потребности соседних стран. В то же время, Синьцзяну необходимо усилить сотрудничество с другими провин-

циями Китая. Например, Синьцзян мог бы извлечь выгоду из партнерства с другими китайскими провинциями, которые имеют больше управленческих и технологических возможностей для того, чтобы стать ключевым игроком в ускорении экономического сотрудничества между Центральной Азией, прикаспийским регионом и другими областями Китая.

Укрепление экономического сотрудничества между Синьцзяном и центральноазиатскими и прикаспийскими странами

Каспийское море находится на стыке евразийского континента; его береговая линия составляет 7000 км, а площадь поверхности воды превышает 370000 кв. км. Странами прикаспийского региона являются Россия, Иран, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан. Каспийский регион богат энергетическими ресурсами. Разведанные запасы нефти составляют примерно 10 млрд. тонн, а разведанные запасы природного газа насчитывают примерно 5% от всего мирового запаса. Из этих стран Синьцзян граничит с Россией и Казахстаном.

Большая протяженность границ с соседними странами создает благоприятные условия для Синьцзяна в ведении экономического сотрудничества с центральноазиатскими и прикаспийскими странами. Население пяти центральноазиатских стран составляет 54,5 млн. человек, плюс 16,68 млн. – в трех внешних кавказских странах и 147,7 млн. – в России, в общем – 218,88 млн. человек. Это означает, что Синьцзян, Центральная Азия и прикаспийский регион имеют огромный потенциал для развития.

Что касается промышленной специализации, Центрально-Азиатский регион был и является основным поставщиком сырья для стран бывшего Советского Союза. Это привело к бурному развитию сырьевой отрасли центральноазиатских стран и к торможению роста в сфере переработки и их огромной зависимости от импорта промышленной продукции. После получения независимости пять центральноазиатских государств, Кавказ и прикаспийский регион сохранили разделение труда в бывшем Советском Союзе. Китай имеет относительное преимущество в трудоемком производстве (текстиль, одежда, продукция легкой индустрии), в то время как Россия, Казахстан и Азербайджан лидируют в ресурсоемком производстве (например, энергетический сектор, производство сырьевых материалов, таких как нефть, газ, сталь, удобрения, цветные металлы и т. п.). Продукция Китая и товары, произведенные его соседними странами, включая Россию, Казахстан, Кыргызстан и арабские страны, весьма дополняют друг друга во взаимной торговле. Такие взаимодополняющие товары у Китая имеются также с Таджикистаном и Узбекистаном. Более того, с древних времен Синьцзян является полиэтническим регионом, в котором проживают многочисленные этнические группы. Китай и Казахстан построили международный центр приграничной торговли «Хоргос» в г. Хоргос, Синьцзян, благодаря которому Синьцзян и дальше развивает рынки в центральноазиатском и прикаспийском направлениях.

Активизация усилий для сотрудничества

На сегодняшний день Синьцзян имеет 11 портов в направлении Центральной Азии, которые позволяют развиваться как внутренней, так и внешней торговле, а также 72 города и провинций, открытых для внешнего мира. Однако Синьцзян и соседние центрально-азиатские регионы находятся далеко от океана и испытывают недостаток в реках для транспортировки товаров. В связи с этим, только тогда, когда Синьцзян и Центрально-

Азиатский и Прикаспийский регионы ускорят развитие инфраструктуры функциональной торговли, железных дорог как основных артерий доставки товаров в порты, автомобильных дорог как опорных элементов, а также авиации и трубопроводов как дополняющих транспортные сети, Синьцзян сможет функционировать в качестве основного торгового хаба, с низкими затратами на перевозку товаров (благодаря экономии за счет роста производства), позволяя региону (и Синьцзяну и его торговым партнерам) расти в стратегическом и экономическом значении.

Железные дороги: на сегодняшний день используются те несколько железных дорог, соединяющих Китай и Центральную Азию. Несмотря на это, разница в железнодорожных стандартах Китая и Центральной Азии является самой большой проблемой. Железная дорога, построенная в Китае, не может быть соединена напрямую с железной дорогой, построенной в Центральной Азии, и требует дополнительной подгонки. Таким образом, если бы Китай и Центральная Азия использовали одни и те же стандарты в строительстве железных дорог, другими словами, если бы были построены 2300 км стандартных рельсовых дорог, Китай, Центральная Азия и Европа были бы более органично связаны между собой.

Автомобильные дороги: Синьцзян имеет развитую дорожную инфраструктуру, связывающую его с пятью соседними странами.

Гражданская авиация: на сегодняшний день гражданская авиация Синьцзяна представлена 114 внутренними и международными авиалиниями, связывающими около 70 крупных и небольших городов, а также 12 провинций. Центром сети перевозок является город Урумчи.

Оптимизация существующих торговых инфраструктур и повышение качества сотрудничества

Ключом оптимизации существующей торговой инфраструктуры и улучшения качества сотрудничества является оптимизация промышленной структуры и повышение качества импорта и экспорта продукции. Что касается сельскохозяйственной продукции, Синьцзян имеет много общего с соседним Центрально-Азиатским регионом, так как природный климат у обеих сторон практически одинаковый. Например, хлопок, свекла, дыня и виноград, выращенные в Центральной Азии, имеют такое же высокое качество, как и в Синьцзяне. Синьцзян известен производством винограда самого высокого качества, но Центрально-Азиатский регион также богат этими плодами; Синьцзян знаменит своими коврами, но и Центральная Азия завоевала хорошую репутацию в этой области. Более того, Синьцзян, также как и Центральная Азия и прикаспийский регион, богат энергетическими и минеральными ресурсами. Таким образом, если Синьцзян не начнет развивать новые производства или не приступит к производству высокотехнологичной продукции, ему будет тяжело выйти на рынок Центральной Азии или прикаспийских стран.

Международное сотрудничество основывается на потребностях всех участников, поэтому мотивация к сотрудничеству возникает из-за нехватки ресурсов и взаимодополняемости всех сторон. Для того чтобы расширить сотрудничество между Синьцзяном и Центральной Азией и прикаспийским регионом, Синьцзяну необходимо будет распределить свою продукцию по категориям и сравнить их с продукцией этих регионов. В результате, у Синьцзяна появится сравнительное преимущество в производимой им продукции, а также в экспорте именно тех товаров и продуктов, в которых нуждаются Центральная Азия и прикаспийские страны, и импортировать только то, в чем он сам нуждается.

Укрепление отношений со странами-партнерами для развития взаимовыгодного партнерства и создания безопасной и эффективной совместной экономической системы

Регулирование региональной промышленной структуры освоения высокотехнологичных производств

Синьцзяну следует поощрять экспорт и проводить техническую реформу, для того чтобы усилить свой творческий и исследовательский потенциал. Кроме того, Синьцзяну надо внедрять инновации для расширения экспорта товаров и ускорения развития технологий посредством экспорта. В этом случае Синьцзян сможет создать собственный бренд и увеличить его долю на международном рынке.

Укрепление отношений со странами-партнерами для развития взаимовыгодного партнерства

Укрепление отношений и развитие взаимовыгодного партнерства относится и к Синьцзяну и к прибрежным провинциям Китая на востоке, а также к Китаю и Центрально-Азиатскому и прикаспийскому регионам. Во-первых, Синьцзяну следует усилить экономическое взаимодействие с прибрежным регионом, для того чтобы товары высшего качества могли транспортироваться в Синьцзян, а оттуда на рынки Центральной Азии, прикаспийского региона и Восточной Европы. Во-вторых, чтобы полностью реализовать сотрудничество в производстве, поставке и потреблении, Синьцзяну следует сотрудничать с Центральной Азией и странами Каспия в области торговли, разработки новых продуктов и технологий. Одновременно, у местных предприятий появится больше возможностей «выжить» и восстановиться в сложной и непредсказуемой международной среде.

Создание безопасной и эффективной совместной экономической системы Центральной Азии и прикаспийского региона

Создание безопасной и эффективной экономической системы зависит не только от разнообразия, количества и качества экспортируемых продуктов, но также от количества и качества человеческих ресурсов. В таких условиях нам необходимо рассмотреть вопрос с точки зрения экономики, культуры, закона, краткосрочных и долгосрочных выгод, использования ресурсов и защиты окружающей среды. Более того, нам необходимо интегрировать производство и переработку, исследование и развитие, экспорт товаров и трудовых ресурсов, торговлю между странами и регионами, транспортировку и логистику для производства высококачественных товаров. В-третьих, Китаю и Центральной Азии следует развивать торговлю услугами и активно приступить к энергетическому сотрудничеству для получения взаимной выгоды. Когда страны Центральной Азии и прикаспийского региона начнут работать вместе, нам удастся создать безопасную и эффективную совместную экономическую систему, которая позволит ускорить экономическое, политическое и культурное развитие всего Центрально-Азиатского и прикаспийского регионов.

20 ЛЕТ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ПО СТАТУСУ КАСПИЙСКОГО МОРЯ: УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ

ПРИТЧИН СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Эксперт Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Каспийское море вот уже несколько веков входит в зону приоритетных интересов России, Ирана, Турции. Около трехсот лет назад появились первые юридические документы в отношении Каспия. В XX в. в течение 70 лет море полностью находилось под контролем СССР и Ирана. 1991 год стал переломным для Каспийского региона. Распад СССР привел к появлению трех новых независимых государств – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которые вместе с Россией и Ираном претендовали на равноправное использование моря и его богатств. Поэтому наиболее острым стал вопрос, как поделить Каспийское море.

За 20 лет переговорного процесса состоялись три саммита на высшем уровне, около 30 встреч специальной рабочей группы на уровне замминистров иностранных дел, а также множество встреч на уровне различных ведомств. Принята и ратифицирована Рамочная конвенция о защите морской среды Каспийского моря, Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, ряд совместных заявлений по итогам многосторонних переговоров. Несмотря на солидное количество встреч и принятых документов, до окончательного подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, которая будет регламентировать сотрудничество прибрежных стран во всех сферах жизнедеятельности, судя по всему, еще очень далеко.

Ключевой проблемой остается принцип раздела моря. Сразу после распада СССР Россия и Иран настаивали на кондоминиуме, согласно которому море оставалось бы в общем ведении, и его природные ресурсы осваивались бы также сообща, по крайней мере, до выработки его нового международно-правового статуса. Но для новых независимых государств добыча природных ресурсов Каспия и выход с ними на международные рынки стало одним из важнейших условий становления государственности и суверенитета. Поэтому Азербайджан и Казахстан изначально были заинтересованы в секторальном разделе моря. И предпринимали для этого активные шаги. Так, в 1994 г. был подписан так называемый «контракт века» между правительством АР и западными нефтяными компаниями об освоении месторождений «Азери-Чираг-Гюнешли», расположенных на шельфе Каспия, а в 1995 г. Азербайджан принял Конституцию, в которой закреплял за собой прилегающий сектор моря. Россия была вынуждена менять свою позицию по разделу Каспия. В итоге, с 1998 по 2003 гг. Россия, Азербайджан и Казахстан поделили север Каспия по срединной модифицированной линии, при этом использован компромиссный принцип «дно делим, поверхность общая», позволяющий прибрежным странам осваивать природные запасы шельфа и развивать рыболовство и торговое судоходство на море.

Туркменистан и Иран не согласны на такой принцип, что задерживает процесс окончательного раздела моря. Туркмения имеет территориальные споры с Азербайджаном из-за пограничных месторождений, и поэтому пока не готова поддержать секторальный принцип. Исламская Республика Иран настаивает на равном разделе моря по 20% акватории каждой прибрежной стране. Дело в том, что для Тегерана не выгодно секторальное размежевание по равноудаленной от берегов линии, так как Ирану в этом случае отходит самый маленький сектор – всего 13%. И если компромисс между Баку и Ашхабадом в принципе возможен, и для этого есть определенные предпосылки, то позиция Ирана по отношению раздела моря уже много лет остается без изменений, и поэтому ожидать, что официальный Тегеран в ближайшей перспективе согласится на секторальный раздел, скорее всего, не стоит.

Примечательно, что на саммите в Баку в ноябре 2010 г. спорная тема принципа раздела моря фактически не поднималась, по крайней мере, на открытой части встречи. При этом были обозначены решения некоторых частных вопросов, которые приближают к завершению работу над правовой Конвенцией о статусе Каспия. Так, Президент РФ Дмитрий Медведев в своем заявлении, сделанном по итогам саммита, сказал, что уже в ближайшие три месяца может быть согласован вопрос о размере национальной зоны моря каждой страны, прилегающей к береговой линии, и она составит 24–25 миль. Факт близости позиций каспийской пятерки по этому вопросу подтвердили и другие главы государств.

То, что стороны начали всерьез обсуждать насущные проблемы, в частности, размера национальной зоны, экологии, находить по ним взаимоприемлемые решения, опуская при этом наиболее проблемные вопросы раздела моря, является главным достижением последнего саммита. Без этой работы не получится максимально реализовать, например, транспортный потенциал Каспия или начать эффективную работу по защите экосистемы.

Другим важным вопросом, на который прикаспийские страны смотрят по-разному, является **принцип или механизм обеспечения безопасности в регионе.**

Стороны по итогам саммитов в Тегеране и Баку обязуются не использовать вооруженные силы для решения проблем на море и не предоставлять свою территорию для агрессии против других прикаспийских стран. Это очень важный момент, так как Каспийское море объявляется морем мира. Но в практической плоскости никакие шаги по созданию действенной системы региональной безопасности пока не предпринимаются. Теоретически есть несколько вариантов обеспечения региональной безопасности: либо создание военной организации, которая бы имела объединенную структуру управления на случай кризисных ситуаций, либо хорошее взаимодействие и опыт совместных действий у всех пяти армий каспийской пятерки. К сожалению, ни того, ни другого в регионе не наблюдается. Российская инициатива «Касфор» пока не пользуется поддержкой у стран-соседей из-за опасений, что Москва попытается через нее усилить свое влияние в регионе.

Пока же мы наблюдаем полноценную гонку вооружений и милитаризации моря, что не может способствовать обеспечению долгосрочной стабильности и безопасности в регионе.

Экономика. В настоящий момент нет такого международного объединения, где были бы представлены все пять прикаспийских стран. Россия и Казахстан являются членами Таможенного союза, вместе с Азербайджаном и Туркменистаном они также входят в СНГ. Иран не входит с остальными странами в какие-либо экономические региональные организации. Конечно, есть точечные межгосударственные проекты, такие как реализация транспортного коридора «Север-Юг», но этого недостаточно для прикаспий-

ских стран, учитывая динамичный экономический рост в каждой из них и огромный потенциал для сотрудничества.

Нет ответа прикаспийских стран на инициативу России о создании Организации экономического сотрудничества на Каспии, которая могла бы создать условия для активизации экономических связей и интеграции. Организация Каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС) могла бы стать эффективной региональной организацией в условиях, когда у стран действительно много потенциальных сфер для сотрудничества.

Другая проблема – разность подходов к транскаспийским трубопроводным проектам. Туркмения настаивает на том, что подобный проект должен быть одобрен только его участниками, а не всей каспийской пятеркой. И сделать это можно, не дожидаясь решения правового статуса. В ходе саммита в Баку президент Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедов заявил: «Туркменистан твердо убежден в том, что прокладка подводного трубопровода на Каспии может осуществляться с согласия только тех сторон, через участки дна которых будет построен такой трубопровод». Позицию руководства республики поддерживает ряд западных компаний. Глава Total Кристоф де Маржери заявил, что его компания готова помочь Туркмении с доставкой газа в Европу через Каспийское море. А на прошедшей в конце февраля – начале марта этого года в Ашхабаде представительной международной конференции «Экологические аспекты транскаспийских трубопроводов» самым заметным стало выступление представителя OMV Николая Милева. В своем докладе он сообщил о результатах юридической экспертизы, проведенной компанией на предмет прокладки транскаспийского трубопровода. Основной вывод исследования заключается в том, что Каспийское море не подпадает под действие морского права, в том числе Конвенции ООН по морскому праву, что дает суверенность работе по строительству газопровода.

Позиция России по данному вопросу иная по двум причинам – юридическим и экологическим, и обе эти причины связаны. Дело в том, что в отличие от Балтийского, Черного морей, где реализованы и успешно работают подобные проекты, Каспийское море является замкнутым внутриматериковым водоемом со сложной геологией дна. Более того, в перечисленных выше морях решен вопрос их статуса, соответственно разделена ответственность на случай аварий или внештатных ситуаций.

Экология. В последние годы возникла проблема создания исполнительной организации, которая бы занималась мониторингом и решением вопросов экологии на море в рамках Тегеранской рамочной декларации о защите экосистемы Каспийского моря. В настоящее время спор идет не о том, создавать или нет офис, а о том, где он должен находиться. Каждая из каспийских стран считает, что офис должен быть расположен на ее территории, и приводит для этого вполне объективные аргументы.

В целом основной недостаток рамочной декларации – это ее рамочность, она не налагает жесткие обязательства на каспийскую пятерку, не предполагает создания полноценной мониторинговой организации с сильными полномочиями, что естественно затрудняет процесс защиты экосистемы. Пример Казахстана показывает, насколько тяжело идут переговоры по пересмотру заключенных в 1990-е гг. контрактов с западными компаниями на предмет изменения их обязательств по соблюдению экологических стандартов. Но это возможно и необходимо. Западные компании рано или поздно уйдут, получив прибыль, нарастив свою капитализацию, а нам, каспийским странам, здесь жить, и поэтому только каспийская пятерка может и имеет все основания для реальной защиты окружающей среды.

Несмотря на наличие очевидных проблем, в отношениях между Каспийскими странами не все так плохо, как может показаться. Дело в том, что за

20 лет переговорного процесса сложилась полноценная переговорная площадка на разных уровнях политического руководства каспийских стран. Встречи президентов, министров иностранных дел, обороны, руководителей различных ведомств – это уже не просто разовые контакты и спонтанные переговоры, это полноценный политический институт, с преемственностью и институциональной памятью участников. Хочется, надеяться, что к тому моменту, когда наконец будет подписана Конвенция о статусе Каспийского моря, этот пятисторонний институт окрепнет еще больше и станет одним из важнейших залогов мира и стабильности в регионе, наравне с самим юридическим документом.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВАМ СОДРУЖЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

РЕВА СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Кандидат политических наук, полковник, начальник Отделения по Центрально-Азиатскому региону Антитеррористического центра государств-участников СНГ (Москва, Россия)

В начале своего выступления позвольте выразить признательность всем коллегам, прибывшим для участия в этой конференции и поблагодарить ее организаторов: Институт социально-политических исследований (Астана), Информационное агентство «ИнфоРос» (Москва) и «Общественный фонд Александра Князева» (Бишкек) за возможность выступить на столь солидном международном форуме.

По нашим оценкам, Центрально-Азиатский регион (далее – ЦАР) будет еще долго оставаться очагом нестабильности. Основным источником этих опасений – Афганистан. С этого плацдарма в страны Центральной Азии постепенно распространяется религиозная идеология джихадистского толка, проявляющаяся в насильственных формах экстремизма. Особую опасность для региона представляют наркобизнес, торговля оружием, нелегальная миграция и ряд других факторов, проявляющихся как транснациональная преступность, связанная с террористической и экстремистской деятельностью.

На этом фоне страны ЕС и США действуют исходя из своих геополитических интересов, проявляя стремление стать основными модераторами в области борьбы с международным терроризмом, что в будущем, на наш взгляд, породит новые вызовы и угрозы безопасности.

Названные факторы требуют, как представляется, более тщательного анализа и определяют необходимость комплексного подхода к их оценке. На наш взгляд, тематика конференции тесно связана с вопросами безопасности, так как ни один выгодный экономический проект не может быть реализован в условиях нестабильности. Принято считать, что для ликвидации причин и условий формирования террористических и экстремистских проявлений, применительно к региону, требуется высокий уровень экономической развитости территории, создание новых рабочих мест, устранение безработицы и т. п. А этому как раз может способствовать реализация крупных международных экономических проектов. Таким образом, успешное международное сотрудничество может стать залогом профилактики и предупреждения новых вызовов и угроз безопасности. То есть существует цепкая и неразрывная связь между уровнем сотрудничества и безопасностью, и эти два явления необходимо осуществлять синхронно. Предлагаем проблематику, или как определено, парадигмы международного сотрудничества на Каспии, рассматривать именно в таком аспекте.

Проведенный специалистами Антитеррористического центра (АТЦ) СНГ анализ свидетельствует, что в настоящее время в регионе имеется устойчивая тенденция роста активности радикальных преступных групп экстремистской направленности, действующих под прикрытием религии. Эти проявления зафиксированы практически в каждом из государств ЦАР, что создает угрозу интересам национальной безопасности государств Содружества.

По нашим наблюдениям, динамика распространения идей т. н. джихадизма превращается в важный компонент современной геополитики. В условиях глобализации и развития Интернета происходит не контролируемый, хаотичный процесс саморадикализации части религиозного общества, появляются идеи о том, что официальные власти стран региона не руководствуются исламскими ценностями при управлении страной, и что мусульманской умме необходимо объявить им джихад. Например, такими установками пользовались боевики новой террористической организации «Армия Махди», деятельность которой недавно пресечена в Киргизии.

Основными носителями идей джихадизма в регионе являются такие террористические организации, как «Исламская партия Туркестана» (бывшее ИДУ, теперь ИПТ, далее – ИДУ-ИПТ) и т. н. «Союз исламского джихада» (СИД). У этих организаций одна общая основная цель – путем изменения конституционного строя во всем регионе, и в первую очередь в Узбекистане, построить в ЦАР Халифат. С учетом того, что регион – это государства с более чем 50-миллионным населением, которые граничат с Афганистаном, это – вызов к изменению статус-кво в регионе.

Наметившиеся в последнее время тенденции к легализации талибов в Афганистане, в конечном итоге, приведут к самым серьезным последствиям. На территории Афганистана может образоваться хорошая база, где будут проходить подготовку боевики ИДУ-ИПТ и СИД, как уже отмечалось, в основе своей представленные выходцами из стран Содружества ЦАР, т. е. имея постоянную ресурсную базу.

А то, что она постоянно формируется на территории государств Содружества, уже ни у кого не вызывает сомнения. Вот некоторые данные:

В Казахстане в Алматинской области в августе с. г. осуждены двенадцать человек, причастные к экстремистской и террористической деятельности. В Талгарском, Карасайском, Жамбылском, Панфиловском районах и городах Кашпагай и Талдыкорган были выявлены факты пропаганды нетрадиционных исламских течений «Таблиги Джамаат», «Хизб-ут-Тахрир» и «Салафит». Более того, в 2011 г. за незаконную миссионерскую деятельность были задержаны 183 активных члена нетрадиционного исламского течения «Таблиги Джамаат».

По данным Верховного суда Республики Таджикистан, в 2009 г. судебные вердикты были вынесены в отношении 37 членам запрещенной организации «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами». А в 2010 г. в стране по обвинению в экстремизме были осуждены уже 158 человек, из которых 135 состояли в рядах этой партии. В 2011 г. на первое полугодие приходится 75 осужденных.

В 2010 г. в Узбекистане более 370 человек были осуждены по обвинению в членстве в запрещенных религиозных организациях и течениях «Нурси», «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами» и «Жиходчилар». Основные города, в которых они действовали, это Ташкент, Карши, Фергана, Коканд и Самарканд. При этом правоохрнительными структурами Узбекистана выявлено 49 лиц, попавших под влияние эмиссаров международных террористических организаций, в том числе и через сеть Интернет. Необходимо отметить, что с учетом принятых правоохрнительными органами Узбекистана превентивных мер по нейтрализации противоправной деятельности активистов «ХТИ» их

лидерами в последнее время делается акцент на временное замораживание деятельности ячеек в регионе, а вербовка новых сторонников осуществляется со строгим соблюдением мер конспирации. Кроме того, лидеры «ХТИ», учитывая роль женщины в семье, большое внимание, по-прежнему, уделяют расширению рядов т. н. «женского крыла» организации.

По некоторым данным, бандгруппы террористических организаций «ИПТ-ИДУ» и «Сид» просачиваются на территорию стран СНГ из северного Афганистана, совершают провокации на узбекско-таджикской и узбекско-киргизской границах, дестабилизируя обстановку в этих государствах.

При этом зона сосредоточения боевиков в Ферганской долине, как основной очаг угроз и вызовов для региона, постепенно расширяется за счет севера Киргизии, где зимой с. г. были задержаны члены террористических организаций «Жаамат Кыргызстана Жайшуль Махди». Всем известно о взрывах в синагоге и у Дворца спорта в Бишкеке, о неудавшемся подрыве автомобиля у здания ГУВД Бишкека. Спецслужбами Киргизии задержано 11 граждан, подозреваемых в участии в террористической группировке «Жаамат Кыргызстана Жайшуль Махди». По словам председателя ГКНБ КР К. Душебаева, члены группы планировали около 40 взрывов у зданий иностранных посольств, дипмиссий международных организаций, государственных учреждений и в местах массовых мероприятий.

Боевые столкновения в 2010 г. на границе и вооруженное противостояние властям в Раштской долине Таджикистана явно свидетельствуют о существовании тесной связи идеологов джихадизма с практиками указанных террористических структур. Неоднократно многие эксперты и представители государственных структур оценивали события на юге Кыргызстана летом прошлого года как спровоцированные боевиками ИДУ-ИПТ и Сид.

В ходе Андижанских событий 2005 г. и Ошских 2010 г. отчетливо зафиксированы факты завладения боевиками военными арсеналами, что, несомненно, привело к еще большему осложнению ситуации в регионе. Создан крайне опасный прецедент, когда военно-политическая дестабилизация использована экстремистскими группировками для вооруженного усиления своих сил и средств. Военные арсеналы становятся специальным объектом террористических устремлений.

Таким образом, военно-политическая обстановка в ЦАР в ближайшее время потребует от государств Содружества и их партнеров по ШОС и ОДКБ готовности к реагированию на повышение террористической активности различной мотивации, прежде всего насильственных форм экстремизма, использующих религиозную идеологию, в том числе по инспирированию межэтнических столкновений.

АТЦ СНГ совместно с органами безопасности и спецслужбами государств Содружества уделяет самое пристальное внимание поиску и применению на практике новейших организационных и тактических форм сотрудничества по противодействию терроризму и экстремизму, которые смогут позитивно повлиять на ситуацию.

Одним из конкретных примеров является совместно проведенная с РАТС ШОС в апреле 2011 г. в Ташкенте научно-практическая международная конференция на тему «Деятельность террористических организаций в странах ШОС и СНГ, меры по обеспечению антитеррористической безопасности и противодиверсионной защиты объектов особой важности, режимных объектов и объектов военной инфраструктуры». Тематика конференции позволила участникам, в основе своей специалистам и практикам, обсудить новые тенденции в деятельности международных террористических организаций в Центрально-Азиатском регионе. Была проведена оценка уровней и источников формирования диверсионно-террористических угроз объектам особой

государственной важности. Исследована система мер обеспечения антитеррористической безопасности и противодиверсионной защиты этих объектов. Высказаны предложения по организации и проведению совместных учений, направленных на обеспечение антитеррористической безопасности и противодиверсионной защиты объектов особой важности, мероприятий по совместному выявлению, предупреждению и расследованию диверсионно-террористических актов.

В аспекте профилактического мероприятия для региона мы предлагаем рассмотреть подготовленную и проведенную под эгидой Антитеррористического центра государств-участников СНГ, во взаимодействии с ГКНБ Кыргызской Республики, 3-4 мая 2011 года в г. Ош (Киргизия) совместную командно-штабную тренировку под кодовым названием «Беркут-Антитеррор-2011» по теме «Взаимодействие органов безопасности, спецслужб и правоохранительных органов государств-участников СНГ при проведении согласованных оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и предупреждению готовящихся террористических актов на критически важных объектах энергетической инфраструктуры».

Совместная командно-штабная тренировка (СКШТ) «Беркут-Антитеррор-2011» проводилась по единому замыслу с национальными учениями антитеррористических сил Кыргызстана «Юг-Антитеррор-2011». В мероприятиях приняли участие представители КНБ Республики Казахстан, ГКНБ Кыргызской Республики, ФСБ Российской Федерации, ГКНБ Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, КС СКПВ, БКБОП. По результатам мероприятия была дана высокая оценка руководством Кыргызской Республики и силовых структур партнеров, которые отметили координирующую роль АТЦ СНГ в противодействии международному терроризму и иным проявлениям экстремизма в странах Содружества. По итогам СКШТ Центром планируется издать сборник материалов и направить в компетентные и правоохранительные органы государств-участников СНГ.

Мы склонны оценивать такие мероприятия как способствующие созданию надежной системы региональной коллективной безопасности с едиными подходами к профилактике, выявлению и предупреждению террористических проявлений и насильственных форм экстремизма. Они, несомненно, несут в себе огромную теоретическую и профессионально-прикладную пользу, и в то же время вызывают большой международный резонанс и фактически способствуют предотвращению ширококомасштабных террористических проявлений на юге Содружества.

Реализуемые нами формы сотрудничества имеют большое практическое значение для региона и оказывают содействие формированию устойчивых тенденций стабильности и создают хорошие условия для новых форм сотрудничества по реализации крупных международных проектов в области экономического развития региона.

Основные выводы:

- в долгосрочной перспективе Афганистан останется эпицентром и экспортером джихадистской идеологии в лице боевиков ИДУ-ИПТ и СИД, лидеры которых направляют свою энергию на изменение политического устройства стран Центральной Азии. Это вызовет рост террористической активности в регионе, сродни событиям 1999 и 2000 гг., когда вооруженные группы боевиков захватывали территории Киргизии, Таджикистана и Узбекистана;

- с учетом роста религиозности населения региона, вызванного активной деятельностью «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» и «Таблиги Джамаат», а также в связи с ухудшением социально-экономической обстановки на фоне финансового кризиса, терроризм и экстремизм могут проявляться в новых,

более изоциренных и общественно опасных формах. Например, когда массовые беспорядки под видом социальных и политических акций протеста будут служить ширмой при реализации варианта силового захвата власти террористическими организациями. Иными словами, не исключена дестабилизация в государствах Центральной Азии по ближневосточному сценарию образца января-марта 2011 г.

С целью активизации работы по координации совместной деятельности в области противодействия международному терроризму **полагаем целесообразным:**

- странам региона в формате СНГ, ОДКБ и ШОС выработать единую политику в отношении проблемы афганского урегулирования и укрепления региональной системы коллективной безопасности конкретными мерами. Прежде всего, проведением в регионе совместных комплексных антитеррористических операций, учений и тренировок;

- СМИ, международным и местным неправительственным организациям направить свою деятельность на формирование в общественном мнении атмосферы тотального неприятия идей терроризма и экстремизма;

- международным организациям согласовать свои действия в регионе по реализации намеченных программ противодействия международному терроризму. В этих целях, подготовить и провести в 2012 г. на базе отделения АТЦ СНГ по ЦАР в г. Бишкеке, совместную научно-практическую конференцию при участии АТЦ СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, ООН, РАТС ШОС, видных ученых, политологов, религиозных деятелей, представителей международных и местных неправительственных организаций.

Благодарю за внимание!

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСНОГО И КОММУНИКАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КАСПИЯ

СУЮНБАЕВ МУРАТ НАСИРДИНОВИЧ

Кандидат геолого-минералогических наук, доцент Кыргызского
национального университета (Бишкек, Киргизия)

- К**аспий омывает берега 5 государств:
- России – на западе и северо-западе, длина береговой линии 1695 км;
  - Казахстана – на севере, северо-востоке и востоке, длина береговой линии 2320 км;
  - Туркменистана – на юго-востоке, длина береговой линии 1200 км;
  - Ирана – на юге, длина береговой линии 724 км;
  - Азербайджана – на юго-западе, длина береговой линии 955 км.

После распада СССР раздел Каспия стал и до сих пор остается предметом неурегулированных разногласий, связанных с разделом природных ресурсов Каспия и его коммуникационного потенциала. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран – на разделе Каспия по 1/5 части между всеми прикаспийскими государствами.

Ныне действующий правовой режим Каспия установлен советско-иранскими договорами 1921 и 1940 гг. Эти договоры предусматривают свободу судоходства по всей акватории моря, свободу рыболовства за исключением десятимильных национальных рыболовных зон и запрет на плавание в его акватории судов под флагом некаспийских государств.

Конвенция ООН 1982 г. предоставляет прибрежным государствам право контроля над континентальным морским шельфом (морское дно и недра подводных районов, находящиеся за пределами территориальных вод государства).

Юридический статус является следствием определенного природного статуса. Но до сих пор нет общепринятой ясности в этом отношении. Надо дать ответ, является ли Каспий морем или озером. Является ли его дно шельфом. Понятие «море» тесно связано с понятием «океан». Поэтому надо иметь четкое представление и о том, что есть материк/континент как антипод понятия «океан».

Материк – очень большой участок суши, окруженный водой^[1] и соединенный небольшим участком суши с другими материками. Отличается от понятия континент тем, что последний со всех сторон омывается водой.

Континент – крупнейшая часть суши, окруженная водой. Выделяются 6 материков и 4 континента (Афроевразия, Америка, Австралия, Антарктида). При этом два разных материка – Северная Америка и Южная Америка

[1] БЭС.

соединены узким Панамским перешейком. Два разных материка – Евразия и Африка соединены узким Суэцким перешейком.

В геологии к континенту относят также подводную окраину материка (шельф), включая острова, расположенные на ней. Таким образом, **материк** – это понятие больше географическое, исходящее из описания **поверхности земного шара**. В то время как **континент** – это понятие больше геологическое, исходящее из **характеристик земной коры**. Поскольку эти характеристики даются опосредствованно – по геофизическим данным (характеристики распространения сейсмических волн), то это понятие является геолого-геофизическим (смотри ниже).

В английском и некоторых других языках словом **continent** обозначают как континенты, так и части света.

Частей света тоже шесть, только материк Евразия традиционно подразделяется на 2 части света – Европу и Азию, а 2 материка Южная и Северная Америки объединяют в одну часть света – Америка. Часть света включает в себя также близкие к материкам острова, причем близость имеется в виду по исторической традиции, а расстояние может быть и большим.

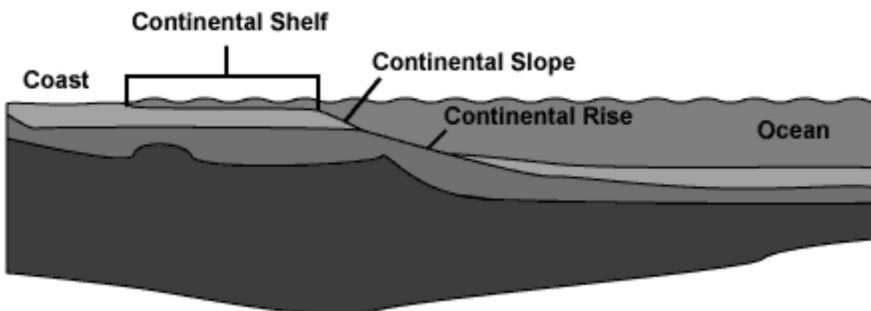
В настоящий момент на земле официально четыре **океана**. В Древнем Риме словом «*oceanus*» обозначались воды, омывавшие известный мир с запада, то есть Атлантический океан. **Океан** – крупнейший водный объект, составляющая часть Мирового океана, расположенный среди материков, обладающий системой циркуляции вод и другими специфическими особенностями. Площадь Мирового океана, в состав которого входят океаны и моря, составляет около 71% поверхности земли (порядка 361 млн. км²). Но это в географическом (гидрографическом) понимании.

В геолого-геофизическом понимании океан – **это тип земной коры**.

Континентальная или материковая земная кора – земная кора, которая состоит из осадочного, гранитного и базальтового пластов. Средняя толщина – 35-45 км, максимальная – до 75 км (под горными массивами). Противопоставляется океанической коре, которая отлична по строению, составу и толщине.

Океаническая кора отличается меньшей мощностью (толщиной) и базальтовым составом. Стандартная океаническая кора имеет мощность 7 км. Именно потому, что толщина океанической коры меньше, уровень ее поверхности в целом ниже, чем у континентальной коры. Поэтому воды, стекающие с континентов, образуют обширные водоемы (океаны) в пределах распространения тонкой (океанической) коры. Океаническая кора образуется в срединно-океанических хребтах и медленно поглощается в зонах поддвига под континентальную кору. Это ее важная **геодинамическая характеристика**, имеющая отношение к понятию «шельф».

Шельф – это выравненная область подводной окраины материка, примыкающая к суше и характеризующаяся общим с ней геологическим строением.

Границами шельфа являются берег моря или океана и так называемая *бровка* (резкий перегиб поверхности морского дна – переход к материковому склону). Глубина над бровкой обычно составляет 100-200 м (но в некоторых случаях может достигать 500-1500 м. Общая площадь шельфов составляет около 32 млн. км². Наиболее обширен шельф у северной окраины Евразии, где его ширина достигает 1,5 тыс. км.

Нефтегазоносность тесно связана с понятием «шельф», потому что для образования углеводородов требуется длительное медленное прогибание земной коры. То есть «шельф» – это понятие **геодинамическое**.

Море – часть океана, более или менее обособленная сушей, островами или возвышениями подводного рельефа и отличающаяся от открытой части океана гидрологическим и метеорологическим режимом: соленостью, температурой вод, течениями и т. д. Некоторые моря являются частью другого моря (например, Эгейское море – часть Средиземного).

Чем более замкнуто море сушей, тем в большей степени оно отличается от океана. С геологической точки зрения современные моря являются молодыми образованиями: палеоген-неоген-антропогенного возраста.

Наиболее глубокие моря образовались в местах крупных разломов земной коры (например, Средиземное море). Мелкие моря возникли при затоплении водами Мирового океана окраинных частей материков при их опускании или при повышении уровня океана и располагаются обычно на материковой отмели. По степени обособленности и особенностям гидрологического режима моря подразделяются на внутренние, окраинные и межостровные.

Внутренние моря – моря, глубоко вдающиеся в сушу и сообщающиеся с океаном или прилегающим морем одним или несколькими проливами. Наиболее известным примером внутреннего моря является Средиземное море. В зависимости от гидрологического режима внутренние моря делятся на внутриматериковые и межматериковые.

Женевская конвенция по морскому праву, принятая в 1982 г., дает следующее определение внутреннему морю: залив, бассейн или море, окруженные одним или двумя государствами и соединенные с другим морем или с океаном узким проливом, либо состоящие полностью или в основном из территориальных морей и исключительных зон двух или более прибрежных государств.

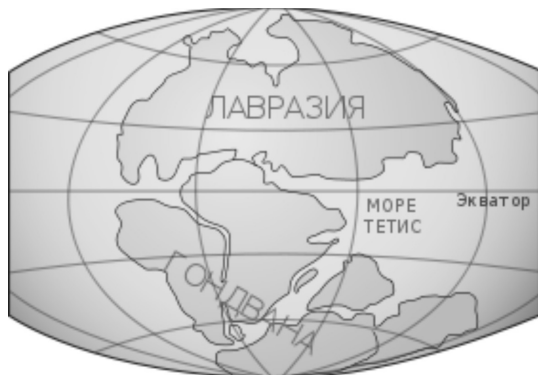
В геополитике термин «**внутреннее море**» обозначает водное пространство, заключенное внутри суши и не являющееся стратегической или культурной границей.

Озеро – это замкнутое углубление суши, в которое стекает и накапливается вода. Озера не являются частью Мирового океана.

Каспий – с точки зрения геолого-гидрографической – самое большое на

Земле бессточное озеро. Протяженность Каспийского моря с севера на юг – примерно 1200 км, с запада на восток – от 195 до 435 км, в среднем 310-320 км. Протяженность береговой линии оценивается примерно в 6500-6700 км. Площадь Каспия – примерно 371000 км², максимальная глубина – 1025 м.

Каспийское и Черное моря, впадина восточной части Средиземного моря, Персидский залив, а также моря Малайского архипелага являются остатками **Тетиса** – древнего океана, существовавшего в эпоху мезозоя (более 65 млн. лет назад) между

ТРИАС
200 млн лет назад

древними континентами – Гондваной (южнее океана) и Лавразией (севернее).

Тетис разделяет Пангею на два континента – Лавразию и Гондвану.

Около 66,5 млн. лет назад остатки древнего континента Гондваны столкнулись с Лавразией, образовав Альпийско-Гималайский горный пояс, который включает в себя Пиренеи, Альпы, Карпаты и Гималаи. После столкновения континентов, Тетис еще некоторое время представлял собой водоем небольшой глубины, покрывающий большую часть южной Евразии. Каспий сформировался примерно 10 млн. лет назад, когда закрытое Сарматское море, потерявшее связь с мировым океаном примерно 70 млн. лет назад, разделилось на две части – Каспийское море и Черное море. Это означает, что Каспий в гидрографическом понимании перестал быть морем 70 млн. лет назад. Большая часть океанической коры Тетис исчезла под плитами Киммерия и Лавразия. Но под днищем Каспия земная кора океанического типа осталась: фундамент северной части впадины Каспия, по мнению некоторых исследователей, сложен океанической корой девонского возраста (416-360 млн. лет назад). Это означает, что Каспий в геолого-геофизическом понимании продолжает быть морем, но дно его уже 70 млн. лет перестало быть шельфом, поскольку утратило соответствующий геодинамический режим.

Коммуникационный потенциал

С юга и востока Центральная Евразия (ЦЕА) ограничена горами, поэтому сообщение с Ираном, Афганистаном и Китаем затруднено. Отсутствуют удобные связи с Пакистаном и Индией, нет выхода к Индийскому океану. Нет удобного выхода даже к Северному Ледовитому океану. Каспий для таких стран Центральной Евразии, как Кыргызстан и Таджикистан, пока является скорее коммуникационным барьером, чем коммуникатором.

Великие цивилизации тяготели к зонам частой смены способов передвижения по земле и воде («речные цивилизации» древности, архипелаг Эгейского моря в его средиземноморском окружении). Зарождение локальных цивилизаций и их рост, все значимые шаги в хозяйственном освоении естественной среды связаны с существованием и развитием транспортных коммуникаций (рек, караванных путей, сухопутных трактов, маршрутов мореплавания, железных дорог, трубопроводов и т. п.). Каждый большой шаг в развитии средств коммуникации менял отношение человека к географическим условиям его существования. Страны, находившиеся на перекрестке мировых путей, добивались быстрого подъема в своем хозяйственном и культурном развитии. Близость к перекресткам мирового уровня позволила Вавилону стать ведущим городом цивилизованного пояса и сохранять такое положение в течение 2000 лет^[2], а Древний Египет сохранял могущество 3000 лет.

Находясь в центре Евразийского материка, регион удобен для развития наиболее коротких трансконтинентальных коммуникаций. Коммуникации, транспорт – это средство контроля территории и создания региона. Известно, что 60% мировой торговли осуществляется самым дешевым, морским путем. Если принять стоимость перевозки морским путем за 1, то стоимость железнодорожного транспорта равна 4, а автомобильного – 15.

Исторически, из-за того что реки несудоходны, пересечение местности на повозках было затруднено из-за горного рельефа и песчаных пустынь. В этих условиях транспортировка грузов могла быть только выючной. Технологией такого транспорта владели кочевники, но они сами торговлей не за-

[2] Емельянов Ю.В. Рождение и гибель цивилизаций. – М.: Вече, 1999. – 542 с.

нимались. Караванная торговля по Шелковому пути возникла как симбиоз оседлых (торговых) народов и кочевых (транспортных).

В средние века существовал околокаспийский транзит: через Хазарию на севере и на юге – через Тебриз, крупнейший город в мире в средневековье.

Быстрое продвижение англичан в начале 1880-х гг. к границам ЦЕА со стороны Персии и Афганистана заставило русскую власть предпринять срочные усилия по наращиванию своего военного присутствия в регионе. Нужна была система быстрой переброски войск в Закаспийские степи, и в 1880 г. было принято решение о строительстве железной дороги от Каспийского моря (Красноводский залив) сначала до г. Ашхабада, а потом до Амударьи (г. Чарджоу). В 1886 г. было принято решение продлить железную дорогу до Туркестана, решив стратегическую задачу военного контроля над захваченными территориями. В 1888 г. дорога, названная Закаспийской военной железной дорогой, была доведена (через Бухарский эмират) до г. Самарканда.

Сейчас железные дороги соединяют страны региона друг с другом, с Россией, Китаем и Ираном. Один из двух северных «выходов» Узбекистана по железной дороге и автомагистралям приходится на Каракалпакстан. Стратегические позиции Узбекистана под вопросом из-за отсутствия прямого железнодорожного сообщения между Каракалпакией и РУ, а также из-за того, что эти 2 выхода проходят через Казахстан. Аральский водный выход тоже проходит через Каракалпакцию и упирается в тот же Казахстан. Вообще, бичом Республики Узбекистан является то, что она (которой становится тесно в регионе) не имеет выходов не то что к океанам, но даже к Каспийскому морю.

Судоходство

На Каспии развито судоходство, действуют паромные переправы, в частности Баку – Туркменбаши, Баку – Актау, Махачкала – Актау. Каспий имеет судоходную связь с Азовским морем через реки Волгу, Дон и Волго-Донский канал. Определенное значение имеют Амударья и Урал.

Ввод планируемого канала «Евразия» значительно сокращает путь с Каспия до Азова. Маршрут Астрахань – Волгоград – Волго-Дон – Азов составляет 1632 км, а по предлагаемому каналу – 613 км. Время движения судов по каналу «Каспий – Азов» составит 4 суток, тогда как с использованием Волго-Донского канала – 8 суток. Экономия в расчете на тонну перевезенных грузов составит 3,2 млн. долл. По каналу «Евразия» достаточно легко обеспечить выход танкеров и военно-морских судов Ирана в Черное море.

В ближайшее время Иран планирует строительство **судоходного канала Каспий – Персидский залив**. Трасса канала пройдет по северо-западу Ирана (по руслу реки Кызылузен) до озера Урмия и далее до реки Шатт-эль-Араб – общего низовья Тигра и Евфрата, где недалеко от места их впадения в Персидский залив расположены крупнейшие иранские порты Хорремшехр и Абадан. Это кратчайший путь из бассейна Каспия в бассейн Индийского океана, при транспортировке каспийской нефти в страны Восточной Азии (с одним из самых высоких в мире темпов роста энергопотребления), минуя Босфор и Дарданеллы. Эта артерия впервые в истории обеспечит России и ряду других государств прямой, притом кратчайший доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану. Таким образом, закладывается экономически целесообразный маршрут бесперебойного поступления нефти Каспия на мировые рынки, минуя черноморские проливы. Россия сможет напрямую выходить в бассейн Индийского океана, минуя Суэцкий канал, а также черноморско-эгейские проливы, где Турция в одностороннем порядке уже

сточает правила танкерного судоходства. Сооружение канала продлится, как минимум, 4 года. Маршрут будет на 20-25 суток короче имеющихся.

По каналу «Каспийское море – озеро Урмия – Персидский залив» достаточно легко обеспечить выход судов Каспийской флотилии России в Персидский залив^[3].

Имеется также план строительства через иранскую территорию нефтепровода на южный берег Каспия из Мосула (Северный Ирак).

Что касается таких стран Центральной Евразии, как Кыргызстан и Таджикистан, то их торговля со странами ЕС в настоящее время лимитируется сильной перегруженностью железных дорог в европейской части России. Эта проблема может быть решена строительством так называемого «Латвийского шелкового пути» – канала, соединяющего верховья рек Волги и Даугавы. То есть (с востока на запад) достаточно достичь по железной дороге порт Актау, а далее речным транспортом можно достичь Латвии и далее – другие страны ЕС, минуя железные дороги России.

В настоящее время на Каспии осуществляются своп-операции по условной продаже казахстанской нефти в Европу при посредничестве Ирана. По каналу «Евразия» такие же операции можно будет осуществлять с иранской нефтью при посредничестве Казахстана и даже напрямую поставлять иранскую нефть в страны Восточной Европы. Естественно, при решении политических вопросов (эмбарго).

Выводы

1. В определении юридического статуса Каспия в настоящее время используются естественные основания различного происхождения: геолого-гидрографического, геолого-геофизического и геодинамического. Это, на наш взгляд, и приводит к путанице. Получается как в притче о трех слепых мудрецах со сломом. Ощупывая кто хобот, кто ногу, кто хвост, они делали разную идентификацию.

2. При идентификации Каспия необходимо учитывать геоисторический аспект: геологическую историю и эволюцию природного статуса Каспия.

3. Для Кыргызстана и Таджикистана Каспий из коммуникационного барьера станет коммуникатором при условии реализации проектов каналов «Евразия», «Каспий – Персидский залив» и «Латвийский шелковый путь».

4. Первые два канала способны серьезно изменить направления, способы и безопасность транспортировки иранской и казахстанской нефти. А также изменить военный баланс в Прикаспии и прилегающих территориях.

[3] Балиев А. Каспийское море будет впадать в Персидский залив. // «Российская газета». – 1999-2003 г.

ТУРИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАНГИСТАУ

СУЮНДУКОВ БЕКАЙДАР ТАСЫМОВИЧ

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова (Актау, Казахстан)

Мангистауская область является одной из 14 административных областей Казахстана и самой редкозаселенной областью – 3 человека на 1 кв. км. Из более 500 тысяч человек, населяющих область, половина проживают в быстро растущем и молодом областном центре – г. Актау.

В Мангистауской области, одной из самых процветающих в Казахстане, содержится значительная часть месторождений нефти и газа. Более 90% производства областной экономики на сегодняшний день составляют добыча и транспортировка сырья. Это делает Мангистаускую область самой добывающей в Казахстане в отношении сырья.

На территории площадью 165600 кв. км встречаются три разных типа ландшафта: береговая линия Каспийского моря, удаленные от моря степи и пустыни. Географический рельеф варьируется от впадины Карагие в 132 м ниже уровня моря к югу от города Актау до гор Каратау (556 м) на севере и плато Устюрт (340 м) на востоке.

В Мангистауской области преобладает резко-континентальный климат с незначительным количеством осадков. Лучшие климатические условия для туротпусков – с середины апреля до середины октября.

В настоящее время Мангистауская область находится на начальном этапе развития въездного туризма. Минимальные предложения по отелям на сегодняшний день в одностороннем порядке направлены на нужды индустрии нефти и газа. Ни на внутреннем, ни на внешнем рынках туризма Мангистау не воспринимается как направление для отдыха, если не считать паломников, едущих к святыне Бекет-ата, а также неорганизованных туристов, приезжающих летом на море. В то же время, по результатам всестороннего анализа, проведенного специалистами по туризму по заданию областного акимата, Мангистауская область обладает наилучшими природными и культурными условиями для развития конкурентоспособного на международном уровне туристского предложения:

- протяженность прибрежной зоны Каспийского моря на территории Мангистауской области составляет 874 км;

- впечатляющий степной и пустынный ландшафт с живописными скальными пейзажами и глубокими каньонами (горы Айракты, Шеркала и др.);

- культурные достопримечательности с очень древней и уникальной историей: «подземные мечети», некрополи, древние города и святыне места (Бекет-ата, Шакпак-ата, Караман-ата и др.).

На основе всестороннего анализа спроса и тенденций развития международного туризма определен потенциал рекреационного спроса в Мангистауской области, который заключается в нижеследующем:

- широкий интерес к «пляжному туризму на Каспийском море»;
- значительный интерес к «круизам по Каспийскому морю»;

- паломнический туризм;
- меньший, но, тем не менее, заслуживающий внимания, интерес к «турам по Мангистау»;
- охотничий туризм;
- развитие бизнес-туризма, в связи с устойчивым развитием областного центра – г. Актау и освоением новых месторождений углеводородного сырья на шельфовой зоне Каспийского моря.

В развитии туристского кластера Мангистауской области особый акцент будет сделан как на существующие природно-климатические ресурсы, так и на достоверно известных потенциальных клиентов, выявленных в процессе исследований. Основными приоритетами развития туристского кластера области являются:

- использование Каспийского моря, природного туристского ресурса, для развития пляжного, круизного туризма и других экстремальных видов туризма, связанных с морем;
- создание конкурентоспособного на международном уровне курортного направления в заливе Кендирли;
- развитие сети туров по Мангистау, охватывающих природные красоты, религиозные и культурные особенности региона для международных участников туров Казахстана;
- позиционирование г. Актау как международного бизнес-, митинг-, конференц-центра, привлекательного для всех стран Каспийского региона;
- создание программы круиза по пяти прикаспийским странам;
- определение географических зон и культурных объектов, нуждающихся в защите или восстановлении в условиях развития туризма (для организации экологического туризма).

Из всех вышеперечисленных только пляжи Каспийского моря обладают наибольшим потенциальным спросом, являются основным фактором, привлекающим туристов в Мангистаускую область.

Каспийское море – самое большое на земле бессточное озеро, расположенное на стыке Европы и Азии, называемое морем из-за того, что его ложе сложено земной корой океанического типа. Каспийское море представляет собой бессточное озеро, и вода в нём солёная, от 0,05 ‰ близ устья Волги до 11-13 ‰ на юго-востоке. Уровень воды подвержен колебаниям, согласно данным 2009 г., он составлял 27,16 м ниже уровня моря. Площадь Каспийского моря в настоящее время примерно 371 000 км², максимальная глубина – 1025 м.

Каспийское море относится к внутреннему бессточному бассейну Евразии. Оно образовалось за счет распада единого крупного бассейна, существовавшего в неогене на месте Черного и Каспийского морей, связь которого с Мировым океаном неоднократно утрачивалась и восстанавливалась вновь. Окончательная изоляция Каспийского моря произошла в начале четвертичного времени в результате поднятий в области Кумо-Маньчской впадины. По своему географическому положению, замкнутости и своеобразию вод Каспий относится к особому типу водоемов «море-озеро». Его гидрологический режим и органический мир, в отличие от других морей, в большей степени зависят от природы и ее изменений в пределах самого бассейна моря, в частности бассейна Волги, расположенного целиком в пределах России.

Море простирается с севера на юг в пределах умеренного и субтропического климатических поясов на 1200 км при средней ширине около 300 км. Большая протяженность по меридиану (10°34') в совокупности с объемом морских вод определяет различия в его климате. Зимой море находится под воздействием азиатского максимума, поэтому над ним дуют северо-восточные ветры, приносящие холодный континентальный воздух уме-

ренных широт. Средняя температура воздуха в январе-феврале достигает $-8...-10^{\circ}\text{C}$ в северной части моря, $-3...+5^{\circ}\text{C}$ – в средней и $+8...+10^{\circ}\text{C}$ – в южной. Повышение температуры воздуха в средней и южной частях моря обусловлено главным образом тем, что морские воды летом аккумулируют значительные запасы тепла, поэтому согревают проходящие над морем потоки воздуха, смягчая тем самым зиму. Мелководная северная часть моря с января по март покрывается льдом. Проходящие зимой над южным Каспием циклоны Иранской ветви полярного фронта приносят осадки.

Лето характеризуется более устойчивой и ясной погодой по сравнению с осенне-зимним периодом. Температурные различия между Северным и Южным Каспием летом невелики. Средняя температура июля на севере составляет $24-25^{\circ}\text{C}$, а на юге $26-28^{\circ}\text{C}$. Годовое количество осадков над акваторией Северного Каспия составляет 300-350 мм, в юго-западной части моря превышает 1200-1500 мм.

Гидрологический режим, водный баланс и уровень Каспийского моря тесно связаны с поверхностным стоком в пределах его бассейна. Свыше 130 рек приносят в море около 300 км² воды ежегодно. Основной сток дает Волга (более 80%). Благодаря стоку Волги, северо-восточным ветрам и силе Кориолиса, вдоль берегов Каспия идет постоянное течение против часовой стрелки. В средней и южной котловинах существуют еще два циклонических течения.

Органический мир Каспия не богат по числу видов, но глубоко эндемичен. Основная часть фауны – средиземноморская, оставшаяся от того периода, когда море имело связь с Мировым океаном, но позднее претерпевшая изменения (сельдь, бычки, осетровые). К ней присоединились более молодые формы из северных морей (лосось, белорыбца, тюлень). Значительная часть фауны представлена пресноводными формами (карповые, окуневые). Свыше 70 видов рыб водятся ныне в Каспийском море. Промысловое значение имеют осетр, севрюга, белуга, стерлядь, белорыбца, судак, лещ, сазан, вобла. Стадо осетровых Каспия считают крупнейшим в мире. Промысел на каспийского тюленя ограничен.

Каспийское море имеет также транспортное и нефтепромысловое значение. Изменения уровня Каспия отрицательно сказываются на транспорте, рыбном хозяйстве, всей природе побережья и жизни населения.

Создание новой, привлекательной курортной зоны отдыха на Каспийском море привлечет как туристов из Казахстана, России и ближнего зарубежья, так и международных туристов. Одним из благоприятных условий создания курортной зоны отдыха является отсутствие конкурентов на территории Каспийского моря на сегодняшний день.

На территории залива Кендирли, где планируется создание курортной зоны отдыха, сосредоточены лучшие природные условия для успешного развития пляжного туризма на всем Казахстанском побережье Каспийского моря.

Залив Кендирли великолепно подходит для нового современного пляжного курорта при успешном решении проблем с инфраструктурой:

- с лучшими климатическими условиями: один из самых умеренных климатов в Казахстане, с продолжительностью пляжного сезона с апреля до октября месяца и относительно мягкой зимой;
- с прекрасными песчаными пляжами;
- с превосходным качеством воды и обворожительным подводным миром.

На территории Мангистауской области кроме природного туристского потенциала огромное значение имеет развитие других видов туризма, среди которых особое место принадлежит религиозному туризму.

По потенциалам развития религиозного туризма Мангистау занимает одну из ведущих позиций в Казахстане, так как, Мангистау является «благословенной богами землей». Это – «край 360 святых, 360 суфиев». 360 мюридов, учеников Ходжа Ахмеда Яссауи (великого учителя, идущего вторым после Мухаммеда) – Шопан-ата, Шакпак-ата, Кошкар-ата, Масат-ата, Султан-эпе, Кенты-Баба и др. были отправлены в Мангышлак распространять философское учение Яссауи. Суфизм в Мангистау быстро укоренился, до конца жизни посланники Яссауи прославляли своего учителя и его учение. В свое время каждый из них был погребен на этой земле с почестями, почитают их и в настоящее время. Даже Бекет-ата, который жил в другие исторические времена, считал себя учеником гениального учителя и последователем его учения. Народ по праву считал его учеником Яссауи. Совершить хадж к святым местам памяти – это значит отдать дань уважения святым, предкам, очиститься от грехов, получить новые состояния «прозрения, озарения, просветления» или новые знания и возвратиться в мир просветленным. Каждый камешек в степи хранит в себе историю народов, ранее населявших Мангистау. Данные «святые места» – это перекрестки реальностей, через которые можно «путешествовать» во времени, получая весь необходимый опыт жизни. И как это наблюдалось во время экспедиции, здесь путешествовали, путешествуют и по всему видно – будут путешествовать, пока существует время жизни. Паломничество на Мангистау можно начинать с посещения святого места, называемого Шакпак-ата, что в переводе означает «старец-ремень». Имя свое святой получил за способности с легкостью извергать огонь из камня, огнем испепелять врага. Согласно легенде это имя Шакпак-ата получил в битвах с врагами, когда от его оружия, как от кремния, отлетали искры. Также его имя сохранилось в звучании «Чахмаг-ата». Когда ему требовался огонь, достаточно было прикоснуться одним ногтем к другому, как тут же сыпались искры в разные стороны. В мифологии Шакпак-ата является повелителем змей и покровителем умерших, а как историческая личность – внуком Шопан-ата, самого почитаемого дервиша Мангистау, покровителя овец, лучшего послушника Ходжи Ахмеда Яссауи. По археологическим данным, подземная мечеть в честь суфия Шакпак-ата, который жил здесь со своими учениками во время вражеских набегов, построена в IX-X вв. В последние годы жизни он не покидал свою подземную обитель. Шакпак-ата относится к числу 360 святых, почитаемых в Мангистау.

Некрополи и подземные мечети Мангистау – это феноменальные явления, отражающие генезис развития искусства и культуры разных народов. Эти общинно-родовые культовые строения послужили символами родового единства для передачи благородного духа рода (родов) в будущее к потомкам. Они связали единой сетью переброев качеств от предков к потомкам и создали условия преемственности разных поколений. Через них передавались жизненный опыт и знания, они являлись и являются световыми ориентирами для тех, кто находился, находится в пути и еще будет путешествовать в будущем.

Среди 360 святых Мангистау особое место принадлежит подземной мечети Бекет-ата, которая расположена в 115 км от города Жанаозен и 165 км от города Актау в урочище Огланды. Дорога в Бекет-ата идет через Шопан-ата. До конца своих дней преклонялся Бекет-ата перед своим Учителем и очень был рад, если, посещая его, мусульмане заходили в Шопан-ата. До сих пор для всех верующих посещение Шопан-ата на пути к Бекет-ата стало неписанным правилом и традицией. В местечке Огланды, где покоится прах святого Бекет-ата и подземная мечеть, имеется гостиница, которая одновременно может принимать на ночлег до 100 человек. До настоящего времени не была

благоустроена дорога от Жанаозена до Огланды. К счастью паломников, приезжающих сюда со всего Казахстана, в 2008 году началось строительство гравийной дороги, которое планируется завершить до конца 2010 года. За последние годы, в зависимости от погодных условий, к мечети Бекет-ата ежедневно приезжают от 50 до 100 паломников со всего Казахстана. После завершения строительства дороги поток паломников может увеличиться в несколько раз. Согласно туристического кластера Мангистауской области, религиозный туризм с паломничеством в святые места региона вместе с развитием курортной зоны Кендишли имеет большое будущее. Для этого требуется, кроме строительства дороги, увеличить вместимость гостиниц и обустроить территорию мечети Бекет-ата до уровня ожидаемого увеличения потока паломников, примерно в 2 раза.

В области для обеспечения развития новых конкурентоспособных направлений экономики, в том числе туризма, разработан интегрированный инвестиционный проект «Земля-Море-Небо», в рамках которого будет построена новая деловая часть г. Актау – областного центра.

На побережье Каспийского моря, вблизи г. Актау, предполагается построить комплекс зданий и сооружений для проживания, активного отдыха, делового общения и деятельности бизнесменов:

- гостиницы (от 3-х до 5-ти звезд);
- жилищные коттеджи типа люкс и экстра-люкс для аренды;
- бизнес-центры;
- гольф-клуб;
- яхт-клуб;
- пляжи;
- причалы;
- спортивные сооружения;
- развлекательные комплексы;
- шопинг-центры с бутиками мировых марок;
- оздоровительные комплексы.

Причудливые ландшафты, множество археологических и культурных достопримечательностей, уголков девственной дикой природы, овеянная мифами великая история кочевников позволяют активизировать развитие в Мангистауской области познавательных туров, степных сафари.

Во время этих туров туристы смогут проводить ночевки в комфортабельных юртах и отелях среднего класса.

Литература

1. Кондыбаев С. Эстетика ландшафтов Мангистау
2. Герасименко О. Полуостров сокровищ. – А-А.: «Казахстан», 1968.
3. Жамалбеков Е.У. Казыналы тубек. – А-А.: «Кайнар», 1990.
4. Кондыбаев С. Мангыстау географиясы. – А-ты: «Каганат – К.С.», 1997.
5. Спанов А., Сатыбалдиев Е.Е. Мангистау: становление индустрии и люди. – Астана: «Парасат», 1999.
6. Тлепов С.Т. Страницы жизни Мангышлака. – А-А.: «Казахстан», 1980.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ХУ ХУНПИН

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Центральной Азии Академии общественных наук Синьцзяна КНР (СУАР, Китай)

Борьба за ресурсы Каспия

Нефтяные запасы Каспийско-Центральноазиатского региона достигают 32,8 млрд. тонн, газовые – 180 тысяч куб. м, что составляет соответственно 8% и 5% от общемировых нефтегазовых ресурсов. Некоторым экспертам это позволяет называть данный регион «ресурсной базой планеты XXI-го века»; некоторые определяют его как «второй Персидский залив». Также есть те, кто предсказывает, что «тот, кто будет контролировать стратегические ресурсы Каспийского бассейна, будет управлять международным энергетическим рынком в 21 в. и, даже более того, те страны будут держать в своих руках ключевые рычаги экономического развития». И хотя подобные мнения явно гиперболичны, тем не менее они демонстрируют весомую позицию каспийских ресурсов на мировом рынке энергетики.

В настоящее время Каспийский регион привлекает крупных игроков, при этом державы соперничают в своем стремлении постепенно концентрировать в своих руках контроль в Каспийском регионе, контроль над нефтегазовой разведкой и транспортировкой углеводородов. В том числе особенно обострилась борьба за экспортные маршруты и коридоры для транспортировки каспийского топлива.

Так, стратегия Соединенных Штатов заключается в том, чтобы получить в свое распоряжение как можно больше добывающих и транспортировочных мощностей в регионе, расширять свой контроль над центральноазиатскими и каспийскими энергетическими ресурсами, всячески стремиться не допустить того, чтобы по пути на европейско-американский рынок углеводородные ресурсы данного региона проходили бы через соседние территории России и Ирана, а поступали бы на рынок напрямую по транспортным каналам. С целью реализации своей стратегии достижения контроля над каспийскими ресурсами, с одной стороны, при поддержке правительства США крупные американские нефтегазовые компании, такие как Эксон Мобил, Шеврон Тексако и прочие, активно инвестируют в добычу углеводородов Каспия. С другой стороны, американская сторона твердо отстаивает целесообразность маршрута «Баку – Тбилиси – Джейхан» с тем, чтобы завершить историю монополии России на экспорт нефтегазовых ресурсов Центральной Азии и открыть первый для данного региона энергетический маршрут, исключаяющий из своей цепи Россию. Помимо этого, США и Европа также иницируют прокладку по дну Каспийского моря трубопровода, который соединял бы линию Баку – Тбилиси – Эрзурум, обеспечивая прямой доступ центральноазиатского природного газа на международный рынок. Одним словом, в энергетических

кругах мирового сообщества США занимают гегемонистскую позицию, и постепенно пытаются приблизиться к своей цели установления контроля над центральноазиатскими углеводородными ресурсами.

Для России Центральная Азия служит «задним двором» или тылом, и неслучайно, что на протяжении последних лет Россия непрерывно работает над укреплением и расширением своего традиционного положения в Центрально-Азиатском регионе и на Кавказе. Ее стратегию можно выразить девизом «Вернуть Центральную Азию», самым трудным моментом здесь для нее может быть восстановление силы своего политического и экономического влияния. Что касается области энергетики, то пройдя эпоху совместной со странами региона разработки, Россия гарантировала себе преимущественное контрольное участие в отрасли. В упрочении контроля над нефтегазовыми трубопроводами и расширении своего участия в разработке энергетических ресурсов и доли в разделе прав и интересов и заключается настоящая цель России. В то же самое время, ее задачи включают сохранение контролирующей роли над экспортными маршрутами каспийских ресурсов, использование своей лидирующей роли в области региональной безопасности, а также геополитических преимуществ относительно Казахстана, Туркменистана и Азербайджана для обеспечения прохождения углеводородов данных трех стран через Россию, чтобы добиться строительства нового трубопровода, пересекающего внутренние земли России. За последнее время Россия добилась определенных успехов на данном направлении, укрепила и расширила свои права и интересы, и в добывающих проектах на Каспии имеет значительную долю.

Сотрудничество Китая и прикаспийских государств

Быстрое экономическое развитие Китая, ежегодный рост его энергопотребления и дефицит энергетических ресурсов уже стали общеизвестной истиной. До 1992 г. Китай экспортировал нефть в Японию и некоторые другие страны, однако, начиная с 1993 г., количество ввозимой в Китай нефти стало превышать количество вывозимой, и Китай тем самым стал превращаться в страну нетто-импортера. Сегодня ежегодно ввозимая в страну нефть превышает 100 млн. тонн. Статистика показывает, что потребление сырой нефти в Китае в период с 2000 по 2009 гг. выросло с 241 млн. тонн до 388 млн. тонн, то есть ежегодный рост составил 6,78%. В тот же период времени импорт сырой нефти вырос с 50969 тонн до 199 млн. тонн, зависимость от внешних поставок возросла таким образом с 24,8% до 51,29%. Импортные поставки нефти в Китай и нефте-транспортные маршруты для него находятся в прямой зависимости. Дестабилизация на Ближнем Востоке и война в Ираке заставляют Китай еще более чувствительно относиться к проблеме обеспечения энергетической безопасности своей страны и развивать свою стратегию диверсификации зарубежных источников поступления нефти и газа. Часть стран Каспийско-Центральноазиатского региона непосредственно граничит с КНР, очевидно, что для безопасности поставок нефти и газа в Китай, как с точки зрения национальной безопасности, так и экономического развития, это имеет экстремально важное стратегическое значение.

Нефтегазовое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии берет свое начало в 90-х гг. XX в., оно охватывает главным образом такие аспекты, как разведка, строительство трубопроводов, поставка оборудования и техническое обслуживание, а также некоторые другие. В последние годы данное сотрудничество переживает значительный прогресс.

В мае 2006 г. было завершено строительство казахстанско-китайского нефтепровода. Протяженность данного маршрута 2800 км, это первый трубопровод, проводящий сырую нефть в Китай из-за рубежа. Данная линия по-

ставляет важное топливо из нефтяных месторождений Каспия во внутренние районы континентального Китая. В 2010 г. ежегодный объем перекачиваемой по трубе нефти достиг 10 млн. тонн, с тех пор, как данный трубопровод был официально запущен, впервые была достигнута его максимальная транспортная загрузка. На момент 16 декабря 2010 г. казахстанско-китайский трубопровод перекачал в Китай 30 млн. тонн топлива.

В декабре 2009 г. был официально запущен центральноазиатско-китайский газовый трубопровод. Его длина составила 1833 км. Данный маршрут берет начало на западе в Туркменистане, проходя через Узбекистан и Казахстан, труба пересекает пограничный пункт Хоргос в китайском Синьцзяне, с запада на восток труба пролегает по двум линиям. Планируемый ежегодный объем перекаченного газа – 30 млрд. куб.м природного газа, в настоящее время перегоняется 10 млрд. куб.м газа.

В условиях непрекращающегося и углубляющегося соперничества держав за ресурсы в Каспийско-Центральноазиатском регионе, Китай, вступая в энергетическое сотрудничество со странами региона, сталкивается с реальностью, что кроме двустороннего взаимодействия также играют роль все более и более сложные факторы. США видят в Китае и его региональном энергетическом взаимодействии угрозу своей энергетической стратегии, и в особенности своей глобальной стратегии. Российская сторона исходит из той позиции, что Центральная Азия – это ее традиционная сфера интересов, и когда часто запутанные российские проекты сотрудничества в области транспортировки энергоресурсов не поддерживаются, то и касательно обсуждения и оценки предлагаемых Китаем проектов энергетического сотрудничества у нее всегда появляется немало сомнений и корректировок. В своей обостряющейся конкуренции относительно центральноазиатских энергетических ресурсов державы неизбежно должны будут обратиться к Китаю с тем, чтобы нефтегазовые проекты сотрудничества в рассматриваемом регионе получили бы большую обусловленность.

Некоторые выводы и предложения

1. Стремиться к сотрудничеству, реализовывать общие интересы

Каспийский регион чрезвычайно богат углеводородными ресурсами, вот почему интенсификация сотрудничества со странами данного региона служит делу реализации китайской стратегии диверсификации источников поступления энергоресурсов. Для таких стран, как Туркменистан, Казахстан и прочие, КНР выступает «наиболее стабильным, обширным и надежным» энергетическим рынком, с ее ежегодным экономическим ростом порядка 8%, КНР играет положительную роль в деле продвижения регионального экономического сотрудничества. Китай и страны Каспийско-Центральноазиатского региона разворачивают свое энергетическое сотрудничество вовсе не из-за какой-либо нетерпимости, каждая отдельная страна региона активно поддерживает сотрудничество, способствуя тем самым реализации задач регионального экономического развития и повышения благосостояния.

2. Актуальные вопросы совместного энергетического сотрудничества

Говоря об энергетическом сотрудничестве между Китаем и странами Каспийско-Центральноазиатского региона, следует отметить, что его развитие определяется стратегическим поведением обеих сторон: как обеспечить безопасность уже существующих маршрутов транспортировки углеводородов, реализовывать поставку энергоресурсов, вопросы разумной ценовой политики относительно цен на ресурсы, а также многие другие вопросы должны

решаться исходя из принципов сотрудничества, взаимной выгоды и общих интересов.

Наблюдая за центральноазиатскими государствами, у стран-получателей энергоресурсов, особенно новых, формируется впечатление, что местные правительства практикуют разнообразные формы давления на иностранные компании для того, чтобы перераспределить их пакеты акций. Это в особенности касается вопросов раздела продукции. Конечно, добывающие страны должны, в первую очередь, обеспечить внутренние потребности, а также пытаться развивать отечественные предприятия по перегонке нефти и нефтеперерабатывающую промышленность. Китай никогда не стремился получить контроль над ресурсами зарубежных стран. Помимо того, что он участвует в работе по осуществлению нефтегазового обслуживания и берет на себя ответственность за проекты по установке базового оборудования, он также выражает готовность расширять сотрудничество на паевых основах совместно с государствами-хозяевами, участвовать в дальнейшем разворачивании нефтегазовой разведки, развитии перегонных мощностей и прочих видах деятельности совместно с другими иностранными компаниями. «КННК» в проектах на территории Казахстана вовлекает очень большой процент менеджерского состава и рабочих из числа местного населения, что прекрасно характеризует ее деятельность.

3. Выстраивание диалога об эффективном энергетическом сотрудничестве, повышение взаимопонимания и доверия

Роль стремительного прогресса Шанхайской организации сотрудничества заключается в том, что она стала выступать гарантом энергетического сотрудничества и открытой площадкой для такой важной составляющей регионального сотрудничества, как усиление взаимопонимания. В настоящее время некоторые неискренние представители за рубежом продвигают теорию «китайской энергетической угрозы». Однако реальность такова, что средне-статистический житель КНР потребляет только 31% нефти от объема потребления нефти на человека в среднем по миру, в то время как каждый житель США расходует 1/18. «Энергетическая угроза Китая», таким образом, выглядит ничем иным, как ничем не подкрепленные слова.

4. Усиливая сотрудничество в нефтегазовой сфере одновременно все-сторонне содействовать развитию двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества

Обращаясь к вопросу о центральноазиатских ресурсах, Китай не только вовсе не задумывает их захват, но, более того, речь идет об открытии всестороннего сотрудничества. Одновременно с интенсификацией энергетического взаимодействия с Казахстаном и Туркменистаном, Китай также активно продвигает идею сотрудничества с вышеупомянутыми странами во вне-энергетических областях. Китай совместно со странами Центральной Азии может развивать многообразную и взаимовыгодную торговлю. Кроме того, центральноазиатские страны нуждаются в разнообразном оборудовании; в данной области сотрудничество с китайскими предприятиями также принесло бы реальные плоды.

В заключение хотелось бы отметить, что энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в основе своей все еще находится в начальной стадии, потенциал такого сотрудничества по-прежнему велик, и имеется огромное пространство для дальнейшего развития.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ «КАЗАХСТАН – ЕС: 2020»: НЕОДНОЗНАЧНЫЕ КОНТУРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЧЕБОТАРЕВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Кандидат политических наук, директор Центра актуальных исследований «Альтернатива» (Алматы, Казахстан)

В своем Послании народу Казахстана «Построим будущее вместе!», озвученном 28 января этого года, Президент РК Нурсултан Назарбаев в качестве одного из внешнеполитических приоритетов республики на ближайшую перспективу отметил разработку и принятие совместно с Евросоюзом и отдельными его участниками в многостороннем или двустороннем формате Энергетической хартии «Казахстан – ЕС: 2020». При этом данный документ, по его мнению, призван обеспечить гарантии стабильности поставок энергоресурсов на европейские рынки и развитие трубопроводных систем.

Однако такое заявление вполне могло вызвать в официальных структурах ЕС определенное замешательство, поскольку с 1991 г. действует Энергетическая хартия, неформально называемая также Европейской энергетической хартией (ЕЭХ). Нужно отметить, что этот документ был подписан 17 декабря 1991 г. в Гааге во время специальной международной конференции официальными представителями тогда еще Европейского сообщества, Межгосударственного экономического комитета и 48 государств. ЕЭХ представляет собой декларацию принципов международного сотрудничества в энергетической сфере.

Фактически эта хартия была призвана: а) в узком плане – преодолеть экономическое и одновременно политическое разделение Европы; б) в широком плане – сформировать эффективные механизмы международного сотрудничества в сфере энергетики на основе общей заинтересованности в надежном энергоснабжении и устойчивом экономическом развитии.

Основными целями ЕЭХ являются:

1) повышение надежности энергоснабжения и в максимальной степени обеспечение эффективности производства, преобразования, транспортировки, распределения и использования энергии в интересах повышения уровня безопасности и сведения к минимуму проблем окружающей среды;

2) содействие развитию эффективного энергетического рынка в Европе и на глобальном уровне на основе принципа недискриминации и с ориентацией на рынок ценообразования;

3) создание обстановки, благоприятной для функционирования предприятий, притока инвестиций и технологий посредством внедрения рыночных принципов в области энергетики.

Реализация данных целей предполагает создание открытого и конкурентного рынка энергетических продуктов, материалов, оборудования и услуг, обеспечение доступа к энергетическим ресурсам, их разведке и разработке на коммерческой основе, к транспортной инфраструктуре в целях международного транзита, к местным и международным рынкам, либера-

лизацию торговли в области энергетики, стимулирование и защиту инвестиций, энергетическую эффективность и охрану окружающей среды и т. д.

Несмотря на свое неофициальное название, хартия с самого начала не была замкнута исключительно пределами Европы. А со временем география ее действия заметно расширилась. К настоящему времени хартию подписали 58 стран мира и ЕС. Полноправными же ее членами, подписавшими 17 декабря 1994 г. и позже Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), являются 51 государство, включая Австралию, Монголию, Турцию, Японию и практически все постсоветские страны. Еще 17 стран и 10 международных организаций имеют в рамках хартии статус наблюдателя

Казахстан с самого начала вошел в число подписантов хартии. А 18 октября 1995 г. Президент РК своим указом ратифицировал ДЭХ и Протокол к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и сопутствующим экологическим аспектам. В связи с этим республика является полноправным членом хартии.

Теперь же, выступив относительно необходимости разработки и подписания Энергетической хартии «Казахстан – ЕС: 2020», руководство республики фактически сделало заявку если не на пересмотр основных положений ЕЭХ, то, во всяком случае, на принятие качественно нового документа, устанавливающего правила энергетического сотрудничества в более узком формате: Казахстан – с одной стороны, и ЕС – с другой стороны. Можно предположить, что к такому шагу Астану могли подвигнуть следующие факторы.

Во-первых, заинтересованность в расширении рынков сбыта своих углеводородов и маршрутов для их транспортировки на эти рынки в связи с увеличением объема их добычи и экспорта. Так, если верить официальным статданным, то в январе-июле этого года было добыто 39 млн. 202,3 тыс. тонн сырой нефти, 7 млн. 382,5 тыс. тонн газоконденсата и 23 млрд. 149,5 млн. кубометров природного газа. При этом данные показатели больше на 1,5 и 8,5% соответственно, чем за аналогичный период 2010 г. В связи с этим увеличился и объем экспорта: нефти и газового конденсата – 42 млн. 218,2 тыс. тонн (на 3%) и газа – 12 млрд. 765,6 млн. кубометров (на 15,9%). К тому же прогнозируется увеличение объема добычи нефти до 102 млн. тонн в 2016 г. и газа – до 45-50 млрд. кубометров к 2015 г.

Во-вторых, стремление снизить зависимость от России в вопросах транзита углеводородов на внешние рынки. В частности, казахстанский газ на сегодняшний день экспортируется преимущественно в Россию. При этом Казахстан не имеет доступа в газопроводную систему этой страны. Кроме того, в связи с началом расширения мощностей системы Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) и приостановки с начала этого года поставок нефти в нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» (БТД) большая доля казахстанской нефти также экспортируется через Россию.

Причем, несмотря на участие Казахстана вместе с Россией в ЕврАзЭС и Таможенном союзе, для него установлены завышенные тарифы за данный транзит. В любом случае, он не имеет прямого выхода на рынки Европы и зависит от транзитных стран. Попытки же Астаны договориться с Москвой о положительном решении этого вопроса являются тщетными. Так, например, по информации российской газеты «Коммерсантъ», в 2009 г. было отвергнуто просьба казахстанских властей к России разрешить экспортировать хотя бы 10% от объема поставок нефти по прямым контрактам с европейскими компаниями, платя лишь за транзит и таможенные сборы^[1].

В связи с этим, Казахстан заинтересован стать непосредственным экспортером нефти и газа в Европу, в том числе с вероятной перспективой присоединения к проектам «Южного газового коридора». Показательным в этом

[1] <http://www.kommersant.ru/doc/1576879>

отношении стало заявление Президента РК, озвученное 18 июля 2010 г. на пресс-конференции по итогам двусторонних встреч с канцлером Германии Ангелой Меркель, о готовности Казахстана присоединиться к проекту «Набукко» при условии строительства его акционерами либо газопровода по дну Каспийского моря, либо завода по сжижению природного газа в прибрежных районах Казахстана.

В-третьих, вполне вероятно, что Казахстан отреагировал на представление Европейской комиссией 10 ноября 2010 г. стратегии «Энергетика 2020», которая определяет энергетические приоритеты ЕС на ближайшие 10 лет и основные направления по их продвижению. В том числе это касается вопросов формирования единого европейского энергетического рынка и координации в рамках ЕС энергетической политики в отношениях с третьими странами, включая привлечение некоторых из них в состав созданного в 2005 г. Европейского энергетического сообщества.

По мере реализации данной стратегии Казахстан может столкнуться с тем, что ему придется по линии энергетики иметь дело де-юре с конкретной европейской страной, а де-факто – со всем ЕС. При неизменной же многовекторности его внешнеполитического курса, в рамках которой приоритет отдается двусторонним связям, вряд ли его такая перспектива будет устраивать. Что касается расширения энергетического сообщества, то из постсоветских республик преимущество здесь явно отдается республикам Южного Кавказа, Украине и Молдове, включенным ЕС в программу «Восточное партнерство». Учитывая же рассмотрение стратегии «Энергетика 2020» на саммите ЕС в феврале этого года, Астана своей инициативой дала Брюсселю накануне этого события четкий сигнал к тому, что она намерена предложить объединенной Европе свои правила игры в рассматриваемой сфере.

В-четвертых, Казахстан, возможно, не желает оказаться в рамках европейской энергетической политики в каспийском регионе на вторых-третьих позициях по уровню значимости для ЕС по сравнению с Азербайджаном и Туркменистаном. Нельзя не отметить в этой связи посещение в январе этого года Баку и Ашхабада председателем Европейской комиссии Жозе Мануэля Баррозу и комиссаром Европейского союза по энергетике Гюнтера Эттингера, где они были приняты главами данных государств и провели с ними переговоры по вопросам поставок соответственно азербайджанского и туркменского газа в Европу. Казахстан же такого внимания не удостоился, что свидетельствует о выборе ЕС приоритетных партнеров по вопросам энергетического сотрудничества не в его пользу.

В-пятых, согласно Государственной программе «Путь в Европу» на 2009-2014 годы, утвержденной указом Президента РК 29 августа 2008 г., одним из ключевых направлений энергетического сотрудничества Казахстана со странами Европы определена работа по приобретению им в соответствующих странах портов, терминалов, нефтеперерабатывающих заводов, автозаправочных станций и других инфраструктурных объектов в целях своего закрепления и долгосрочного присутствия на европейском рынке углеводородов.

При этом реализация такой практики началась еще до принятия данного документа. Так, в 2007 г. национальная компания «КазМунайГаз» приобрела 75% акций румынского нефтеперерабатывающего холдинга «The Rompetrol Group». А в 2009 г. уже вся эта компания стала объектом казахстанской собственности. В связи с этим Казахстан, видимо, заинтересован получить от ЕС и отдельных европейских государств конкретные условия, максимально благоприятствующие реализации им указанной выше деятельности.

В-шестых, похоже, что Европейская энергетическая хартия и прилагаемые к ней документы, которые в свое время подписал Казахстан, не явля-

ются для него правовыми инструментами, способствующими продвижению его национальных интересов в отношениях с европейскими государствами и особенно нефтегазовыми компаниями. В частности, при решении спорных вопросов с осваивающими месторождения Карачаганак и Кашаган соответственно консорциумами «Карачаганак Петролиум Оперейтинг Б. В.» и «North Caspian Operating Co. BV», в которых преобладает европейский капитал, казахстанское правительство в основном опирается на национальное законодательство.

Нужно отметить, что за этими консорциумами и их акционерами тоже не наблюдалось стремления урегулировать сложные ситуации с Астаной на основе Договора к Энергетической хартии. Кстати, едва ли не единственным случаем апеллирования к ДЭХ стало начавшееся в прошлом году разбирательство в Международном арбитражном суде Стокгольма действий Правительства Казахстана по иску молдавской компании «Ascom S.A. Group». Основанием для иска стало расторжение казахстанскими властями в одностороннем порядке с данной компанией контракта на недропользование на месторождениях Толкын и Боранколь (Мангистауская область).

С учетом всех этих и иных аналогичных ситуаций в отношениях с европейскими энергетическими компаниями, Казахстан явно намерен установить качественно новые общие правила игры для них на своей территории.

В-седьмых, не исключено, что Казахстан в определенной степени разделяет позицию России относительно Европейской энергетической хартии. Хотя Россия подписала хартию и договор к ней, однако она не ратифицировала последний документ. А в августе 2009 г., согласно заявлению премьер-министра РФ Владимира Путина, она официально отказалась делать это.

Российские официальные представители и эксперты такую позицию своей страны, главным образом, объясняют тем, что хартия установила серьезный дисбаланс между интересами стран-импортеров и экспортеров энергоресурсов в пользу первых из них. К тому же в апреле 2009 г. Москва предложила альтернативный ей документ – «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики», который не встретил никакой поддержки со стороны ЕС.

В целом, предлагаемая Казахстаном энергетическая хартия по своему временному показателю соответствует Стратегическому плану развития РК до 2020 г., предусматривающему в контексте международных отношений и внешней политики республики существенное возрастание ее роли в обеспечении мировой энергетической безопасности, а также стратегии ЕС «Энергетика 2020».

При этом фактически Казахстан пытается применить здесь отмеченную выше тактику России, но несколько «мягкими» способами. Нисколько не подвергая, в отличие от Москвы, сомнениям и критике Европейскую энергетическую хартию и продолжая оставаться ее полноправным членом, Астана, вместе с тем, намерена предложить Брюсселю выработать и подписать новую и, что важно, практически двустороннюю декларацию принципов и намерений в сфере энергетического сотрудничества. Естественно, что данный документ будет максимально учитывать его внутренние и внешние интересы в отношениях с европейскими партнерами. А на его основе руководство Казахстана, видимо, рассчитывает откорректировать в нужном для себя направлении существующие соглашения с ЕС, отдельными европейскими странами и компаниями в рассматриваемой сфере.

Другое дело, что Казахстану для успешной реализации инициативы подписания Энергетической хартии «Казахстан – ЕС: 2020» необходимо будет предложить ЕС то, что позволит обеспечить его поддержку. С учетом текущих геополитических реалий цена данного вопроса может быть выражена

возможным присоединением Астаны к проекту строительства Транскаспийского газопровода, реализуемому Брюсселем, Баку и Ашхабадом, а также увеличением объема экспорта казахстанских энергоресурсов в европейском направлении и, как следствие, его снижением в сторону Москвы. Однако, учитывая тесные политико-экономические связи Казахстана с Россией, сомнительно ожидать, что первый из них пойдет на все это.

О том, что для Казахстана предлагаемая им хартия является весьма непростым документом, свидетельствует еще и тот факт, что на официальном уровне данный вопрос после его озвучивания Главой государства публично обсуждался всего лишь несколько раз. Прежде всего, это имело место в ходе прошедшего 9 февраля заседания рабочей группы при Координационном совете Ассоциации «KAZENERGY» по вопросам развития транспортного потенциала нефтегазовой отрасли. Определенные контуры будущей хартии были озвучены в выступлении исполнительного директора данной ассоциации Нурлана Утенова о том, что при ее разработке необходимо учесть конкретные механизмы и принципы взаимодействия с транзитными государствами. При этом он отметил здесь не Россию, а страны Восточной Европы, транспортировка казахстанской нефти через территорию которых, по его словам, к портам Балтийского моря сопряжена с логистическими трудностями.

23 февраля этого года в своем интервью радио «Эхо Москвы» вопроса хартии коснулся Премьер-Министр РК Карим Масимов. По его словам, основной сутью данного документа должно стать позиционирование Казахстана как ответственного и полноценного поставщика энергоресурсов. Вместе с тем он сообщил, что Астана пока еще не приступала к переговорам с Брюсселем по этому вопросу. Кроме того, Масимов также подчеркнул, что вопрос относительно возможного присоединения Казахстана к проекту «Набукко» на повестке дня не стоит. Хотя многие вещи здесь Премьер-Министр РК явно не договаривает, не желая, видимо, вызвать отрицательную реакцию со стороны все той же России.

Наконец, 3 марта находящийся с рабочей поездкой в Брюсселе тогда еще глава внешнеполитического ведомства Канат Саудабаев провел с послами Казахстана в европейских странах совещание, посвященное актуальным задачам дипломатической работы в ЕС. В том числе им была отмечена важность «проработки» рассматриваемого вопроса. Судя по всему, казахстанские дипломаты получили задание выяснить отношения соответствующих стран к инициативе Президента РК и возможности подписания с ними будущей хартии.

В любом случае, на сегодняшний день каких-либо конкретных результатов выполнения казахстанским правительством данного поручения Главы государства не наблюдается. То же самое можно сказать и об отношениях ЕС и отдельных его членов к предложенной хартии. Тем более, что в энергетической политике ЕС за это время произошли важные события, включая утверждение стратегии «Энергетика 2020» и недавнее получение Европейской комиссией мандата на проведение переговоров с Азербайджаном и Туркменистаном по вопросам подписания соглашения о реализации проекта строительства Транскаспийского газопровода. В этих условиях и с учетом российского фактора Казахстану придется искать другие аргументы для убеждения ЕС поддержать инициативу подписания Энергетической хартии «Казахстан – ЕС: 2020». И уже в зависимости от весомости этих аргументов и характера реагирования на них Брюсселя станет ясно, будет ли подписан между ним и Астаной данный документ или нет.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: 20 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

9 декабря 2011 года – «Круглый стол», посвященный 20-летию заключения дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном.

Организаторы: *посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан, Институт социально-политических исследований.*

В 2011 году исполняется 20 лет со дня заключения дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан. Две страны являются политическими партнерами и имеют огромный потенциал взаимодействия во всех сферах сотрудничества – безопасности, промышленности и энергетики, науки и культуры.

20-летию юбилею со дня установления между Китаем и Казахстаном дипломатических отношений был посвящен «круглый стол», который прошел 9 декабря 2011 года в Астане в «Пекин Паласе».

С приветственным словом выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики господин *Чжоу Ли*.

Модерировала встречу *Ракишева Ботагоз*, кандидат социологических наук, директор ИССИ ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ Института социально-политических исследований.

В данном мероприятии активное участие приняли многие ученые и эксперты из Казахстана и Китая. Среди них специально приглашенная на это мероприятие известный исследователь *Ху Хунпин*, сотрудник Института Центральной Азии Академии общественных наук Синьцзяна КНР (СУАР, Китай).

Спикеры:

Токсанова Айгуль Нурпеисовна – вице-президент Института экономических исследований Министерства экономического развития и торговли Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Ху Хунпин – ведущий научный сотрудник Института Центральной Азии Академии общественных наук Синьцзяна КНР, кандидат экономических наук (СУАР, Китай)

Джунусова Жаньлжан Хасымовна – заведующая кафедрой «Государственная политика» Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Калашикова Наталья Павловна – инспектор Секретариата Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента РК, ученый секретарь Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, доктор политических наук (Астана, Казахстан)

Алексалян Арутюн Завенович – менеджер по Европейской и Центрально-Азиатской образовательной сети по добросовестности, ТИРИ – Великобритания, кандидат исторических наук (Лондон, Великобритания)

Кожирова Светлана Басейовна – профессор кафедры международных отношений ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, главный редактор журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» Института социально-политических исследований, доктор политических наук (Астана, Казахстан)

Куатбаева Гульнар Куангалиевна – руководитель курсов повышения квалификации государственных служащих с привлечением зарубежных экспертов, Академия государственного управления при Президенте РК, доктор экономических наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, РК), член-корр. МЭАЕ (Астана, Казахстан)

Шамишев Жумабай Ахмедьярович – директор Института генеральной прокуратуры Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Нурсеитов Азамат Айткалиевич – заместитель директора Корпоративного университета «Самрук-Казына», доктор экономических наук (Астана, Казахстан)

Участники «круглого стола» обсудили конкретные и практичные шаги для расширения гуманитарного сотрудничества между двумя странами.

После мероприятия был дан прием от имени Чрезвычайного и Полномочного Посла Китайской Народной Республики г-на *Чжоу Ли*.

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

КОШАНОВА С.Е.

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
жанындағы Конфуций институтының директоры
(Астана, Қазақстан)

КОНФУЦИЙ ИНСТИТУТЫ — ҚАЗАҚСТАН МЕН ҚЫТАЙ АРАСЫНДАҒЫ ДОСТЫҚ КӨПІРІ

Соңғы жылдары шетелде қытай тілін тарату (Ханьбаны) жөніндегі Қытай мемлекеттік комитеті құрастырған қытайлық мәдени-білім беру орталықтары – Конфуций институттары мен сыныптары барлық әлемде кеңінен тарады. Барлық әлемде Қытайды және қытайлық мәдениетті түсінуге, Қытайдың басқа елдермен достық өзара қарым-қатынасын дамытуға ықпал ету орталықтардың миссиясы болып табылады.

Конфуций дәстүрлі ілімдерге негізделген мектептің негізін салды. Ол мектепте адам қоршаған ортаның, адамның заңдарын танып, өз мүмкіншіліктерін ашуға үйренеді. Конфуций өз оқушыларын мемлекет пен қоғамға пайдалы «біртұтас тұлға» ретінде қалыптастырғысы келді, сол себепті әр түрлі канондарға негізделген білімнің әр салалары бойынша оқытуға тырысты. Конфуций құрастырған ілім қытайлықтардың ұлттық мінез-құлқын қалыптастыруға ықпалын тигізді.

Қытайда Қытай туралы білімді кеңейтуге, шетел азаматтарын қытай тіліне үйретуге бағытталған арнайы институттарды құру идеясы пайда болғанда, Конфуций институты деп атауға ұйғарды.

2006 жылдың 20 желтоқсанында Қазақстан Республикасы Президенті Н.Ә.Назарбаевтың Пекин қаласына ресми іссапары шеңберінде Қазақстанда алғашқы Конфуций институтын ашу туралы келісім-шартқа қол қойылған болатын. Конфуций институты білім беру саласындағы екі жақты ынтымақтастықтың маңызды жобасы болып табылады.

КОШАНОВА С.Е.

Director of the Confucius Institute at the L.Gumilyov Eurasian
National University
(Astana, Kazakhstan)

CONFUCIUS INSTITUTE — BRIDGE OF FRIENDSHIP BETWEEN KAZAKHSTAN AND CHINA

Confucius Institutes and Classrooms are the Chinese cultural-educational centers established by the Chinese Language Council International (Hanban). To date the Confucius Institutes and Classrooms have gained ground worldwide. Their mission is to promote understanding of China and Chinese culture all over the world and to develop friendship relations between China and other countries.

Confucius established his school based on traditional studies, where a man could learn the laws of the surrounding world and people and identify his own potential. Confucius wanted to see his followers as «integral persons», who could make a contribution to the development of the state and society. For this reason he taught his followers in various fields of knowledge based on various canons. Confucianism hugely influenced formation of national character of the Chinese people.

As China took the decision to open special institutes which would satisfy the need of people interested in China and the Chinese language, it was decided to name them after Confucius.

The Agreement on establishment of the first Confucius Institute in Kazakhstan was signed on December 20, 2006 within the official visit of President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to Beijing.

Confucius Institute is one of the most important projects of bilateral cooperation in education.

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы
Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас
ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы,
профессор
(Алматы, Қазақстан)

ҰЙҒЫР ОРТАСЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК-САЯСИ ЖАҒДАЙ (ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МӘЛІМЕТТЕРІ БОЙЫНША)

Мақалада ұйғырлардың жалпы этнодемографиялық сипаттамасы берілген, ұйғыр ортасындағы әлеуметтік мәселелерге түбегейлі талдау жасалған, қазіргі заманғы ұйғыр ұйымдары қарастырылған.

Автор өз мақаласында Қазақстан территориясында орналасқан ұйғыр этносының өкілдері мен ұйғыр ұйымдары тарапынан ел қауіпсіздігіне шынайы қауіп төндіру деңгейі тым ұлғайтылған және «ұйғыр қастандығы» теориясының тәжірибеде жүзеге асуы үшін шынайы негіз жоқ деп тұжырымдайды.

SYROEZHKN K.L.

Chief Researcher of the Kazakhstan Institute for Strategic
Studies under the President of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Political Sciences, Professor
(Almaty, Kazakhstan)

SOCIO-POLITICAL SITUATION IN UYGHUR ENVIRONMENT (ACCORDING TO DATA OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

The article provides general ethnic and demographic characteristic of the

Uyghur people and detailed analysis of social problems in Uyghur environment and their reasons. The existing Uyghur organizations are considered as well.

The author concludes that the real level of security threat from the side of representatives of Uyghur ethnics and Uyghur organizations functioning in Kazakhstan has been considerably exaggerated. The author states that there is no real basis for implementation of «Uyghur conspiracy» theory.

ЛИ СИН

Тарих ғылымдарының докторы, халықаралық қатынастар факультетінің деканы, Пекин педагогикалық университетінің Саяси ғылым және халықаралық қатынастар институтының профессоры, ТМД мәселелері бойынша зерттеу орталығының меңгерушісі
(Пекин, Қытай)

ОРТАЛЫҚ ЕУАЗИЯ ЖӘНЕ ЭНЕРГЕТИКА САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ САЯСАТЫ

Белсенді экономикалық даму жағдайында энергетикалық ресурстарға өсіп келе жатқан ішкі суранысты қанағаттандыру Қытай үшін бірінші кезектегі маңызды мәселе болып табылады. Қытай үкіметі ішкі ресурстарды пайдалануға басымдық жасап отыр. Бірақ ресурстардың жетіспеушілігі мен энерготасымалдаушыларға деген ұлғайған сураныс Қытайды энергоресурстар импортына деген тәуелділікке алып келді, ал бұл өз алдына ұлттық қауіпсіздікке әсер етеді, сол себепті Қытайдың тиісті араласуын талап етеді. Теңіз арқылы тасымалдаудың сенімсіздігімен байланысты Қытайға энергоресурстарды тасымалдаудың жолдарын әртараптандыру қажет, сол себепті Каспий аймағының құбыр транспорты бірінші кезектегі маңыздылыққа ие болады.

Осы аймақтың елдері бір-бірімен қатаң бәсекелестікке түседі, ал Ресей Қытайдың Орталық Азия аймағының энергетикалық жобаларына деген қызығушылығын түсініп отыр. Қытай, Ресей және Орталық Азия елдері арасындағы достық қарым-қатынас пен ынтымақтастықты дамыту аймақтық қауіпсіздік мен тұрақтылықты нығайтуда өте маңызды. Қытай мен Орталық Азияны байланыстырушы екі құбыр Қытайдың энергетикалық қауіпсіздігі үшін ғана емес, энергетика секторындағы Каспий аймағындағы жобалар кешені үшін де стратегиялық маңызы бар.

LI XING

Dean of the International Relations Faculty, Professor of the Institute of Political Science and International Relations, Beijing Normal University, Head of the CIS Research Center (Beijing, China)

CENTRAL EURASIA AND CHINESE ENERGY POLICY

To meet the increasing domestic demand for energy brought by the dramatic economic growth is undoubtedly an issue of top priority for China. At the decision-making level, Chinese government has always persisted in utilizing domestic resources to the greatest advantage in the first place. But the acute shortage of domestic resources and the rapidly growing demand for energy led to increasing dependence of China on energy import from abroad, and that directly gets to the national security and therefore demands corresponding involvement of China. Since the transportation by sea is not that reliable, diversity of energy supply channel is imperative, and pipeline transport of the Caspian region has become the first priority. There is fierce competition in this region, and Russia is understanding about China's interest in Central Asian energy projects. To develop relations of friendship and cooperation between China, Russia and Central Asian countries is particularly important for regional stability and security. The two pipelines from Central Asia to China are of strategic significance not only for Chinese energy security, but also for the entire complex of energy projects in the Caspian region.

СВАРАН СИНГХ

Философия докторы (JNU), профессор, Халықаралық саясат, ұйымдастыру және қарусыздандыру орталығының төрағасы (CIPOD), Джавахарлал Неру Университеті жанындағы Халықаралық зерттеулер мектебі (Нью-Дели, Үндістан)

ҚЫТАЙ МЕН ҮНДИСТАННЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ БЫТЫМАҚТАСТЫҒЫН ШЕКТЕУ

Бүгінгі жаһандық экономикалық дағдарыс Қытай мен Үндістанға әлемдік жүйеде өз позицияларын айқындауға тарихи мүмкіндік ұсынып тұр. Халықаралық академиялық пікірталастарда, сондай-ақ G20 тобының саммитінде осы елдерді мойындау олардың кеңейтуші өзара экономикалық міндеттемелерінің себебі әрі салдары болып табылады. Бірақ елдер арасындағы шекарааралық сауда көлемі 2008 жылы 52 млрд. доллардан 2009 жылы 43 млрд. долларға дейін күрт төмендеді. Бұл сауда балансы дефициті есуінің, өзара тиімді инвестициялардың төмен деңгейінің, енjar шекарааралық сауданың және баяу шекарааралық келіссөздердің нәтижесі болып отыр. Осының барлығы құрылымдық «тар кеңістіктерге» терең әрі дереу сараптама жасауды талап етеді, бұл олардың үзіліссіз тұрақты экономикалық өзара әрекеттесуін қамтамасыз етеді.

Сонымен қатар, бұл егерде Қытай мен Үндістан аймақтық және жаһандық экономикалық тұрақтандыру және экономикалық өрлеуде негізгі рөл ойнаған жағдайда маңызды болады. Мұндай нәтиже өзгермелі әлемдік жүйенің басты қатысушылары ретінде олардың өзіндік әлемдік өрлеуімен тығыз байланысты.

SWARAN SINGH

PhD (JNU), Professor, Chairperson of the Centre for International Politics, Organization and Disarmament (CIPOD), School of International Studies at the Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India)

LIMITATIONS OF INDIA—CHINA ECONOMIC ENGAGEMENT

The current global economic meltdown offers historic opportunities for China and India to catapult their respective positions in the international system. The increasing recognition of their roles in global academic debates, and more recently by the G20 summits, remain both the cause as also the consequence of their expanding mutual economic engagements. However, their border trade has fallen drastically from \$ 52 billion for 2008 to \$ 43 billion for 2009. This is result of their expanding trade deficit, abysmally low mutual investments, lacklustre border trade and stagnant border negotiations, all allude to their lack of appreciation of the systemic bottleneck threatening to undermine this most reliable pillar of their rapprochement. This calls for deeper and urgent examination of the structural bottlenecks so as to ensure their continued robust economic engagement which is essential if China and India have to play a pivotal role in regional and global economic stabilisation and upturn. Such an outcome remains intertwined with their own peaceful rise as major stakeholders of the rapidly transforming international system.

СЕБАСТЬЯН ПЕЙРУЗ

Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

СЕПАРАТИЗММЕН БЕТПЕ-БЕТ: ЕУРООДАҚ, ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЖӘНЕ ҰЙҒЫР МӘСЕЛЕСІ

Бұл мақала сепаратизмге, әсіресе Косово мен Грузиядағы сепаратизм мәселелерін талдауға арналған. Сонымен бірге, автор посткеңестік кеңістікте сепаратизмге қатысты домино эффектісі қауіпінің мүмкіндігін қарастырады. Автор мақалада посткеңестік Орталық Азияда сепаратизм негізіндегі шиеленіс мүмкіндігі төмен, бірақ аймақтың тұрақсыздануында ұйғыр мәселесі әлі де болса алаңдатушылық туғызуы мүмкін деп тұжырымдайды.

Автордың пікірінше, шиеленісті шешуге, көп жақты саяси дипломатиялық әрекеттерді дамытуға кедергі болатын сецессия идеясымен байланысты саяси мәселелерді және жергілікті қылмыстық топтардың экономикалық мәселелерін бөліп қарастырылған жөн.

SEBASTIEN PEYROUSE

Senior staff scientist of the Institute of Central Asia and Caucasus and «Silk Way» Research Program – a joint center which maintain partnership relations with the Faculty for Leading International Researches of James Hopkins University and the Institute of Politics and Development Security, Ph.D (Washington, USA)

FACING THE CHALLENGES OF SEPARATISM: THE EU, CENTRAL ASIA AND THE UYGHUR ISSUE

This article is devoted to the analysis of separatism, in particular, the problems of separatism in Kosovo and Georgia. The author considers also the possibility of existing of a separatist domino-effect risk in the post-Soviet area. The author concludes that the risk of conflict related to separatism remains minimal in post-Soviet Central Asia, although the Central Asian countries are still concerned over a serious destabilization threat in the region due to unresolved Uyghur issue.

The author gives several recommendations according to which it is necessary to separate the political issues related to the idea of secession and economic interests of local criminal groups which very often impede conflict resolution and development of multilateral political and diplomatic actions.

ПАРАМОНОВ В.В.

Саяси ғылымдарының кандидаты, Орталық Азия және Орталық Еуразия сарапшысы, «Орталық Еуразия» жобасының жетекшісі (Мәскеу, Ресей)

СТРОКОВ А.В.

Химия ғылымдарының кандидаты, тәуелсіз сарапшы (Ташкент, Өзбекстан)

ЕУРАЗИА ОРТАЛЫҒЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ АЙДАНАРЫ ЖӘНЕ РЕСЕЙДІҢ ТАРИХИ МИССИЯСЫ

Мақала Еуразия орталығында, әсіресе қазіргі заманғы Орталық Азия мен аралас кеңістіктерде Қытай саясатының тарихына талдау жасауға арналған. Автор барлығын тұжырымдамалық-кестелі түрде қарастырады. Бір жағынан, бұндай талдамалы-пәнаралық көзқарас тарихтың, сондай-ақ қазіргі заман мен келешектің негізгі элементтерін қайта түсінуге мүмкіндік береді. Екінші жағынан, бұл әдіс тарихтың негізгі түсініктерін «жинақтауды», «қысуды» [оның қысқаша сипаттап, екінші кезектегі мәселелерді жоққа шығарып, негізгісін анықтау] талап етіп, саясат, экономика және қауіпсіздік мәселелері арасында өзара байланысты анықтайды.

Автордың пікірінше, Кеңес Одағының ыдырауы Еуразиядағы Қытай саясатын күшейтіп, бірақ трансевразиялық құрлық транзитінің қайта жаңғыруына, континент орталығында мемлекетаралық қарым-қатынастардың тұрақты қалыптасуына әкелген жоқ. Қорытындысында, автор Ұлы Жібек жолының құлдырау кезеңі аяқталған жоқ, ал Еуропа мен Ресей,

Ресей мен Қытай, Қытай мен Орталық Азия елдері арасындағы қарым-қатынастардағы жүйелілік мәселелер мен қарама-қайшылықтар шешілген жоқ деп тұжырымдайды.

PARAMONOV V.V.

Candidate of Sciences (Politics),
Expert/Analyst for Central Asia and Central Eurasia,
«Central Eurasia» Project Director
(Tashkent, Uzbekistan)

STROKOV A.V.

Candidate of Sciences (Chemistry), Independent Expert
(Tashkent, Uzbekistan)

CHINESE DRAGON IN THE HEART OF EURASIA AND HISTORICAL MISSION OF RUSSIA

This article is devoted to the analysis of the history of China's presence in the heart of Eurasia, in particular, in modern Central Asia and adjacent areas. The author considers it from conceptual-schematic viewpoint. On the one hand, such an analytical and an interdisciplinary approach allow us to get closer to the understanding of the key elements of history, and, consequently, the modernity and possible future. On the other hand, this approach implies a high degree of conditionality of basic statements: requires "compressing" / "squeezing" the history (describing it briefly, highlighting the most important things and sacrificing minor things) and, simultaneously, identifying the relationship between political, economic and security issues.

The author states that the collapse of the Soviet Union led to considerable enhancement of China's presence in Eurasia. Alongside, it did not "automatically" caused rehabilitation of Trans-Eurasian land transit as well as formation of sustainable scheme of inter-country relations in the central part of the continent. As a result, the decline of the Great Silk Road was not completed, and system problems and conflicts, including the problems in relations between Europe and Russia, China and Russia, China and Central Asia have not been overcome yet.

ПОЛЕТАЕВ Д.В.

Экономика ғылымдарының кандидаты, Көші-қон зерттеулер орталығының сарапшысы (Зайончковская Ж.А. орталығы), РФА Халық шаруашылығы институтының жетекші ғылыми қызметкері (Мәскеу, Ресей)

РЕСЕЙДІҢ ҚИЫР ШЫҒЫСЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ МИГРАНТТАРЫ. ЗЕРТТЕУ ТӘЖІРИБЕСІ.

2010 жылдың қыркүйек айында автормен жүргізілген 19 тереңдетілген сұхбаттың негізінде жазылған мақала Қиыр Шығыстағы қытайлық мигранттардың тарихына қысқаша сипаттама береді. Статистикалық есепке алудың, Ресейлік Қиыр Шығыста қытайлық мигранттардың бизнес жүргізуі үшін кедергілерді құрудағы әрекеттер стратегиясының қиындықтарына талдау жасалған. Сонымен қатар, олардың ауыл шаруашылық, сауда мен қызмет көрсету салаларындағы орны, Ресейдің Қиыр Шығысына Қытайдан оқу көші-қонының және осы аймақта қытай тілін оқыту келешегі қарастырылған.

ПОЛЕТАЕВ D.V.

Candidate of Sciences (Economics), Expert of the Centre of Migration Studies (J.A. Zaiionchkovskaya's Center), Leading Researcher of the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

CHINESE MIGRANTS IN RUSSIAN FAR EAST. RESEARCH EXPERIENCE.

This article is based on 19 in-depth interviews taken by the author in September 2010. It briefly describes the history of China's presence in Far East as well as touches upon the complexity of statistical accounting, behavioral strategies and response to building barriers for business doing by Chinese migrants in Russian Far East. The author considers also the presence of Chinese migrants in agriculture, trade and services sectors, and the prospects of educational migration from China to Russian Far East and learning of the Chinese language in the given region.

АХЛЮСТИН В.А.

Заң ғылымдарының кандидаты, «ЛИМА-Консалтинг» қоғамдық бірлестігінің жоба жетекшісі (Мәскеу, Ресей)

КАСПИЙДЕ ТРАНСҰЛТТЫҚ КОРПОРАЦИЯЛАР ТУРАЛЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ НОРМАЛАРДЫ ПАЙДАЛАНУ КЕЛЕШЕГІ

Автор мақалада негізінен Каспий теңізінің табиғи қорғау және табиғи ресурстық аспектілерін қарастырады. Автордың пікірінше, аймақ мемлекеттері ұйымдар-ассоциациялардың (жариялық-құқықтық халықаралық құрылымдар) құрылуын тоспай, жеке меншік-құқықтық бастамаларға негізделген пайдалы қазбаларды игеру бойынша трансұлттық корпорация құра алады. Бүгінгі ТМД-ның халықаралық-құқықтық актілері бұндай құрылымды құруға мүмкіндік береді.

Автор Каспий трансұлттық корпорациясы теңтұрғыдай аймақ елдерінің мемлекеттік және мемлекеттік емес құрылымдарымен құрылып, дербес түрде, сондай-ақ инвесторды қатыстыру арқылы аймақтың барлық энергетикалық жобаларына қатыса алады деп тұжырымдайды.

АХЛЮСТИН В.А.

Candidate of Sciences (Law),
LIMA-Consulting LLC, Head of Projects
(Moscow, Russia)

PROSPECTIVE APPLICATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS ABOUT TRANSNATIONAL CORPORATIONS ON THE CASPIAN SEA

In this article the author considers environmental and natural resource aspects of the Caspian Sea problems.

According to the author, the countries of the region may establish a transnational corporation on extraction of minerals based on private principles, not waiting for establishment of an organization-association (public interstate structure). The author states that the existing international legal acts of the CIS would allow creating such structures.

The author concludes that the Caspian Transnational Corporation could be founded on equal terms by various governmental and non-governmental structures of the region's countries and become an active participant of all energy projects of the region extracting the minerals independently as well as via attraction of investors.

БОЕВА А. А.

О.Е. Кутафин атындағы Мәскеу мемлекеттік заң академиясының Экологиялық және табиғи ресурстар құқығы кафедрасының аспиранты (Астана, Қазақстан)

КАСПИЙ АЙМАҒЫНЫҢ ЖЕР ҚОЙНАУЫН ПАЙДАЛАНУДЫ РЕТТЕУ МӘСЕЛЕСІ (ЖАС ЗЕРТТЕУШІ КӨЗҚАРАСЫ)

Қаспий аймағының жер қойнауын пайдалануды реттеу мәселесі атты мақалада Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының саяси-құқықтық іс-шараларына, ұлттық заңнамасының дамуына талдау жасай отырып, осы мәселенің шешу шекараларын анықтауға деген талпыныс бар. Осы мәселені толық ашу үшін Қаспий аймағында жер қойнауын пайдалануды жүзеге асырушы үш басқа мемлекеттер мәселесі де қарастырылады.

Нормативтік-құқықтық әдебиеттің үлкен көлемі зерттеліп, екі елдің ұлттық құқығының негізін құрайтын маңызды парадигмалар анықталды: мәселені реттеудің өзіндік ерекшеліктері бар, жер қойнауын пайдалану саласындағы заңнаманың қалыптасуы, дамуы мен жүзеге асуының жалпы белгілеріне сипаттама берілген.

Тарихнамаға шолу жер қойнауын пайдаланудың негізгі кезеңдерін және ерекшелігін, оның құқықтық реттелуін, 1921 және 1940 жылдары Парсы елі (Иран) мен РСФСР арасындағы келісім-шарттардың маңыздылығын көрсетеді.

Жалпы, құқықтық мәртебе мәселесі және осы мәселенің реттелмегендігі аймақта жер қойнауын пайдалануға ықпалы бар екендігі идеясы мақаланың негізін құрайды.

Каспий теңізінің түбі әлі күнге дейін даулы территория, де-факто шектелген, де-юре толығымен рәсімделмеген.

Көптеген екі жақты келісім-шарттарға қол қою теңіз түбін, яғни әр теңіз маңы мемлекеттердің жағалау сызығының ұзындығына сәйкес ұлттық секторларға демаркациялау

мәселесін ғана тіркейді. Бірақ, аталған келісім-шарттардың легитимділігі әлсіз, себебі бес мемлекет арасында консенсус жоқ.

Мақалада бүгінгі экологиялық мәселелердің мәні, жер қойнауы және оны қорғау туралы заңнаманың жүзеге асуының ұйымдық-құқықтық механизмдердің әртүрлілігі қарастырылып, жағдайды жақсарту жөнінде ұсыныстар келтіріледі.

BOYEVA A.A.

Postgraduate student of the Department for Environmental and Natural Resources Law of the O.E. Kutafina Moscow State Law Academy (Astana, Kazakhstan)

TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF CASPIAN REGION FIELD DEVELOPMENT

The subject of this article is «To the question of legal regulation of Caspian region field development», and in the frame of this article the attempt to determine the limits of this issue solution, taking into account the analysis of political and legal measures and progress in legislation of Russian Federation and Republic of Kazakhstan, was made. To give a complete picture of this issue, the range of problems solving by other three states which implement the fields development in Caspian region, was considered.

Having studied the huge stratum of regulatory legal literature, the number of fundamentally important paradigms, which build the basis of national law of two countries, is detected: there are essential peculiarities in the question of regulation, though the common features of formation, evolution and realization of legislation in the sphere of field development are also underlined.

The overview of historiography shows the main stages and specific character of field development, its legal regulation, underlines the importance and significance of agreements of 1921 and 1940 years, concluded between RSFSR and Persia (Iran), on the issue of legal status of Caspian sea and limits of jurisdiction for each country.

As a whole the subject matter of legal status and influence of its pendency on field development in the region can be traced through the entire article.

The Caspian seabed still remains disputable territory demarcated de facto but not completely processed de jure.

The signing of plenty of bilateral agreements only fixes the questions of seabed demarcation i.e. demarcation of national sectors in proportion to the length of coastline of each of five coastal countries. However the legitimacy of mentioned agreements is voidable as there is no consensus of all five states.

The essence of existing ecological problems and difference in organizational legal mechanism of realization of legislation on fields and its preservation are disclosed in this article and the complex of measures to improve the existing situation is proposed as well.

ИБРАГИМОВ РОВШАН

Доцент, Гафгаз Университетінің халықаралық қатынастар кафедрасының меңгерушісі (Баку, Әзірбайжан)

КАСПИЙ ТЕҢІЗИНДЕГІ ҚҰБЫР ТРАНСПОРТ ЖОБАЛАРЫН МҮМКІН ЖҮЗЕГЕ АСЫРЫЛУЫНЫҢ АЙМАҚТЫҢ ГЕОСАЯСИ ЖӘНЕ ГЕОЭКОНОМИКАЛЫҚ АХУАЛЫНА ЫҚПАЛЫ

КСРО-ның ыдырауы және Каспий теңізінің жағалау елдері Әзірбайжан, Қазақстан және Түрікменстан сияқты тәуелсіз үш мемлекеттің құрылуы аймақта жаңа геосаяси жағдайдың пайда болуына алып келді.

Автор еуропалық нарықтарға Қазақстан мен Түрікменстан энергоресурстар транзитінің баламалы жолдарын қарастырады. Мұндай жолдың бірі «Баку – Тбилиси – Джейхан» құбырын іске қосқаннан кейін әлемдік нарыққа ірі мұнай экспорттаушы - Әзірбайжан болып табылады.

Автордың пікірінше, Каспий елдері арасындағы ынтымақтастық бірінші кезекте еуропалық нарықтарға Орталық Азия елдерінің көмірсутегі экспорты үшін транспорттық инфрақұрылымды құру қажет. Бұл елдер өз энергоресурстарын Ресей территориясы арқылы экспорттайды және баламалы транспорт дәлізін құруға мүдделі екенін атап өтеді. Автордың пікірінше, бұл елдердің Ресейден тәуелділігі қысқарады. Бұл мүмкіншілік осы елдерге өз сыртқы саясатын тәуелсіз жүргізуге мүмкіндік беретін еді.

IBRAGIMOV ROVSHAN

Associate Professor, Head of the Department for International Relations, Qafqaz University (Baku, Azerbaijan)

IMPACT OF POSSIBLE IMPLEMENTATION OF CASPIAN SEA PIPELINE TRANSPORT PROJECTS ON GEOPOLITICAL AND GEO-ECONOMIC SITUATION IN REGION

The collapse of the USSR and emergence of three independent countries – Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan – the Caspian-littoral states, resulted in a new geopolitical situation in the region.

The author considers alternative ways of transportation of energy resources from Kazakhstan and Turkmenistan to the European countries. One of such ways is Azerbaijan which has turned into a major exporter of oil to the world's markets after the construction of Baku-Tbilisi-Ceyhan pipeline.

The author notes that cooperation between the Caspian countries relates primarily to the establishment of transport infrastructure for the export of hydrocarbons from Central Asia to the European markets. Noteworthy to say, that in this direction the countries export their energy resources through the territory of Russia and are interested in construction of alternative transport corridors. This will allow to reduce dependence of these countries on Russia. Such opportunity would allow them to conduct their foreign policy independently.

КУЗЕТБАЕВА Б.Қ.

Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Ш. Есенов атындағы Каспий мемлекеттік технологиялар және инженеринг университетінің «Халықаралық қатынастар» кафедрасының меңгерушісі (Ақтау, Қазақстан)

КАСПИЙ ТЕҢІЗІНІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘРТЕБЕСІН АНЫҚТАУДАҒЫ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕР

Бұл мақалада автор Каспий теңізінің құқықтық мәртебесін анықтаудағы келіссөздер үдерісін қарастырады.

1921 жылдың 26 ақпанындағы РСФСР мен Парсы елі арасындағы келісім-шарт және 1940 жылдың 25 наурызындағы КСРО мен Иран арасындағы сауда және теңізде жүзу туралы келісім-шарт Каспий теңізінің құқықтық мәртебесін анықтайтын халықаралық-құқықтық құжаттар болып табылады. Бұл құжаттар каспийлік емес мемлекеттердің туымен Каспий суларында кемелердің жүзуіне тыйым сала отырып, Каспий маңы мемлекеттердің кеме жүргізу мен балық аулаудың еркіндік тәртібін анықтады.

Кеңес Одағы ыдырағаннан және Каспий маңы мемлекеттерінің саны беске дейін ұлғайғаннан кейін Каспийдің құқықтық мәртебесі туралы жаңа құжат қабылдау мәселесі туындады. Автор осы мәселенің құқықтық ғана емес, экономикалық аспектілеріне де арналған кездесулерде, конференцияларда және саммиттерде қабылданған Каспий маңы мемлекеттерінің келісім-шарттарын қарастырды.

Автордың пікірінше, әр түрлі мемлекеттердің ұлттық және экономикалық мүдделері қақтығысуынан шағын деңгейдегі шиеленістен әлемдік деңгейдегі шиеленістерге дейін Каспий аймағында болмауы тиіс. Кездесулер, саммиттер тәжірибесі көрсеткендей, бұл мүдделер тікелей экономикалық даму сәттіліктері мен жетістіктеріне тікелей байланысты.

KUZETBAYEVA B.K.

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department for International Relations, Sh.Yessenov Caspian State University of Technologies and Engineering (Aktau, Kazakhstan)

URGENT ISSUES OF DETERMINING CASPIAN SEA'S LEGAL STATUS

The author considers the negotiation process of determining the legal status of the Caspian Sea.

The RSFSR-Persia Treaty as of February 26, 1921 and the Treaty of Commerce and Navigation between the RSFSR and Iran as of March 21, 1940 formally remained the only international legal documents determining the legal status of the Caspian Sea.

These documents defined the regime of freedom of navigation and fishing for the Caspian states.

After the Soviet Union's collapse and increase in the number of the Caspian states up to five, adoption of a new document on legal status of the Caspian Sea has gained much urgency. The author considers the treaties and agreements between the Caspian

bordering countries adopted at the meetings, conferences and summits and devoted to the legal as well as economic aspects of the given problem.

According to the author, there should be no local and world-scale conflicts in the Caspian region caused by clash of national and economic interests of various countries. As practice of such meetings and summits shows, these interests directly depend on successful economic development.

ҚЫДЫРБЕКҰЛЫ ДУЛАТБЕК БАЛҒАБЕКҰЛЫ

Саяси ғылымдарының докторы, Халықаралық ақпараттық технологиялар университетінің Менеджмент және қоғамдық пәндер кафедрасының профессоры (Алматы, Қазақстан)

КАСПИЙДЕГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ РӨЛІ, ОРНЫ ЖӘНЕ ЖЕТЕКШІЛІГІ

КСРО-ның ыдырауы Каспий теңізін бөлуге келтірді. АҚШ, Қытай, еуропалық елдер Еуропалық Одақ құрамында Орталық Азия және оның ішіндегі каспий аймағында өздерінің позицияларын бермеуге тырысады. Осы сыртқы субъектілерге қарсы тұру үшін ішкі геосаяси альянстарды құруға қажет болуда. Жаңа Каспий елдері геосаяси объектілер болғаны рас. Бірақ Қазақстанның дамуы оны аймақтық геосаяси субъектіне қалыптасуына келтіруде. Қазақстанның Каспий саясаты еліміздің аймақтық саясаты болғанын көрсетеді.

KYDYRBEKULY D.B.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department for Management and Social Sciences, International University of Information Technologies (Almaty, Kazakhstan)

ROLE, PLACE AND LEADERSHIP OF KAZAKHSTAN IN CASPIAN REGION

The collapse of USSR led to division of the Caspian Sea. The United States, China, and European countries in EU system do not yield their positions in Central Asia as well as Caspian region. It becomes necessary to form geopolitical models of internal alliances to opposite these external forces. The new Caspian countries have been geopolitical objects. The Caspian policy by Kazakhstan is one of indicators of Kazakhstan's regional policy.

КАМАЛ МАКИЛИ-АЛИЕВ

Заң ғылымдарының кандидаты, халықаралық және конституциялық құқық бойынша Ph.D, Әзірбайжан Республикасы Президенті жанындағы Стратегиялық зерттеулер орталығының жетекші ғылыми қызметкері (Баку, Әзірбайжан)

КАСПИЙ ТЕҢІЗІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘРТЕБЕСІ

Мақаланың басты тақырыбы – мемлекеттердің халықаралық қатынастардағы маңызды бастама болып табылатын Каспийдің халықаралық-құқықтық мәртебесі.

Автордың пікірінше, қазіргі заманғы халықаралық-құқықтық доктринада Каспийдің халықаралық-құқықтық мәртебесін анықтауда үш негізгі көзқарас бар. Ол – теңіз кеңістігі ретінде, шекарааралық өзен ретінде, condominium ретінде.

Автор экономикалық даму мен ынтымақтастыққа ықпал ететін заң кемшіліктері негізінен бес мемлекет арасындағы аймақтық және жаһандық ынтымақтастық туралы келісімнің болмауынан және Каспийдің құқықтық мәртебесіне, су мен жер асты қазбаларын бөлу кезіндегі құқықтарына қатысты позициялардың әр түрлілігінен туындайды деп тұжырымдайды.

KAMAL MAKILI-ALIYEV

Candidate of Sciences (Law), LL.D. International and Constitutional Law, Leading Research Fellow of the Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)

THE CASPIAN SEA AND INTERNATIONAL LEGAL STATUS

This article is about the international-legal status of the Caspian Sea.

In the author's opinion, the international legal theory provides three major viewpoints on international legal status of the Caspian Sea as a maritime space, as a boundary lake and as a condominium.

The author notes that legal uncertainties impacting economic development and collaboration arise mainly from the lack of an agreement on regional and global cooperation between five Caspian-littoral states and their positions towards the legal status of the Caspian Sea and the law which can be applied while delimitating the water and subsurface resources.

МЕДВЕДЕВ А.Н.

«ПолитКонтакт «Саяси технологиялар орталығы» атқарушы директоры (Мәскеу, Ресей)

ТРАНСКАСПИЙ ГАЗ ҚҰБЫРЫ ЖОБАСЫ – АШХАБАДТЫҢ АЛДАУЫ

Автор Транскаспий газ құбыры жобасының тарихына қысқаша шолу жасайды. Автор осы жобаның шынайылығына күмән келтіре отырып, келесі дәлелдерді келтіреді: біріншіден, газ құбырын құру үшін барлық бес Каспий маңы мемлекеттерінің келісімі керек, екіншіден, қаржыландыру мәселесі нақты шешілмеген, себебі Түркіменстан өз шекарасынан тыс орналасқан құбырларға ешқашан өз инвестициясын салмайды, үшіншіден, Орталық Азия газын тасымалдау үшін ең тиімді жол Иран территориясы арқылы екенін де ескерген жөн. Қорытындысында, автор Транскаспий газ құбыры жобасы Ашхабадтың өзінің геосаяси үлесін күшейте мүмкіншілігі болып табылады деп тұжырымдайды.

MEDVEDEV A.N.

Executive Director of «PolitContact» Center for Political Technologies (autonomous non-commercial organization) (Moscow, Russia)

TRANS-CASPIAN GAS PIPELINE PROJECT – BLUFF OF ASHGABAT

The author provides a short excursus to the history of the Trans-Caspian Gas Pipeline Project. The author brings also forward the arguments in doubt of feasibility of the given project which are as following: first, agreement of all five Caspian states is required for the construction of the gas pipeline; secondly, issues related to financing have not been defined yet, since as the author states, Turkmenistan will never invest its own funds into the pipelines located outside its boundaries; third, it should be noted that the most profitable route for transportation of the Asian gas is through the territory of Iran. In conclusion, the author supposes that the Trans-Caspian Gas Pipeline Project provides an opportunity to raise geo-political weight of Ashgabat.

ВАНГ НИНГ

Экономика ғылымдарының докторы (Ph.D), ҚХР Шыңжаң Қоғамдық ғылымдар академиясының Экономикалық зерттеулер институтының директоры, ғылыми қызметкер (Үрімші, Қытай).

ШЫҢЖАННЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЖӘНЕ КАСПИЙ МАҢЫ АЙМАҚТАРЫМЕН ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫН НЫҒАЙТУ

Мақалада автор Орталық Азияның барлық елдері арасында экономикалық дамуы мақсатында Шыңжаңның Орталық Азия және Каспий маңы аймақтарымен экономикалық ынтымақтастығын мақсатты түрде кеңейтуді ұсынады.

Автор Шыңжаң мен Орталық Азия арасындағы мүмкіншіліктері мен экономикалық үрдістерге талдау жасап, экономикалық ынтымақтастықты нығайтудың үш жолын негіздейді. Бұл – ынтымақтастық үшін талпыныстарды белсендіру, сауда инфрақұрылымын жетілдіру, ынтымақтастық сапасын жақсарту; өзара тиімді серіктестікті дамуы үшін серіктес-елдермен қарым-қатынасты нығайту және қауіпсіз, тиімді бірлескен экономикалық жүйе құру.

WANG NING

Economist Research Fellow, Director of Economics Research Institute, Xinjiang Social Science Academy (Urumqi, China)

ENHANCING ECONOMIC COOPERATION BETWEEN XINJIANG AND THE CENTRAL ASIAN AND CASPIAN SEA COUNTRIES

The author suggests to persistently enhance economic cooperation between the Xinjiang region and Central Asian and Caspian Sea countries in order to promote economic development among all countries in Central Asia. This article analyzes the opportunities and economic trends among Xinjiang and the Central Asian and Caspian Sea countries. Then, introduces three ways through which to strengthen economic cooperation: expanding collaboration efforts; optimizing the existing trade infrastructure and improving the quality of cooperation; and strengthening relationships with partner countries to develop mutually beneficial partnerships and creating a safe and efficient cooperative economic system.

ПРИТЧИН С.А.

РФА Шығыстану институтының Орталық Азия, Кавказ және Оралды зерттеу орталығының сарапшысы
(Мәскеу, Ресей)

КАСПИЙ ТЕҢІЗІНІҢ МӘРТЕБЕСІ БОЙЫНША КЕЛІССӨЗДЕР ҮДЕРІСІНІҢ 20 ЖЫЛЫ: СӘТТІЛІКТЕРІ МЕН МӘСЕЛелЕРІ

Автор мақалада аймақтың бес елі арасындағы Каспий теңізінің мәртебесі бойынша келіссөздердің 20 жылдық үдерісін қарастырады. Теңізді бөлу принципі негізгі мәселе болды. КСРО ыдырағаннан кейін Ресей мен Иран бірден кондоминиумды талап етті. Бұл жағдайда теңіз жалпы иелікте қалып, табиғи ресурстар бір-бірімен келісіп игерілуі еді. Бірақ жаңа тәуелсіз мемлекеттер үшін Каспийдің табиғи ресурстарын өндіру және сол арқылы халықаралық нарыққа шығу мемлекеттілік пен егеменділіктің қалыптасуының маңызды шарты болды.

Автор Каспий елдері әр түрлі қарастыратын негізгі мәселелерге тоқталады: аймақтағы қауіпсіздікті қамтамасыз ету механизмдері, экономикалық сипаттағы, әсіресе транскаспийлік құбырлар жобалары, сондай-ақ экология мәселелері.

PRITCHIN S.A.

Expert, Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and Urals-Volga region of the Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

20 YEARS OF NEGOTIATIONS ON THE CASPIAN SEA STATUS: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

The author considers 20-year long negotiation process on the status of the Caspian Sea among the region's five countries. The principle of division of the sea remains the major problem. After the USSR collapse, Russia and Iran insisted on condominium according to which the sea would be in common use and its natural resources would be explored and extracted jointly. But the issue of extraction of the resources and their export to international markets has become one of the main conditions of formation of statehood and sovereignty for the new independent countries.

The author touches upon the basic issues of the given problem which are considered by the Caspian states from different viewpoints – the mechanisms of ensuring security in the region, economy-related issues, in particular, Trans-Caspian pipeline projects as well as environmental issues.

РЕВА С.И.

Саяси ғылымдарының кандидаты, полковник, ТМД қатысушы-мемлекеттердің Антитеррористік орталығының Орталық Азия аймағы бөлімінің бастығы
(Мәскеу, Ресей)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ АЙМАҒЫНДАҒЫ ДОСТАСТЫҚ МЕМЛЕКЕТТЕРІНІҢ ҚАУІПСІЗДІК ҚАУІПТЕРІ МЕН ОЛАРДЫ ЖОЮ ЖӨНІНДЕГІ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ФОРМАЛАРЫ

Автор мақалада Орталық Азия аймағындағы Достастық мемлекеттерінің қауіпсіздік қауіптері мен оларды жою жөніндегі ынтымақтастық формаларына талдау жасайды.

Автордың пікірінше, Орталық Азиядағы әскери-саяси жағдай таяу арада Достастық мемлекеттерінен, ШыҰ және Ұжымдық Қауіпсіздік туралы шарт ұйымының серіктестерінен әр түрлі себептерден туындаған шарттық белсенділікке деген, әсіресе діни идеологияны пайдаланатын экстремизмнің күштеу

формаларына қарсы тұру, этникааралық қақтығыстарды алдын-алуда дайындық деңгейінің болуын талап етеді. Сонымен бірге, автор осы бағытта халықаралық лаңкестікке қарсы әрекет ету саласында бірлескен іс-қимылды ұйыстыру бойынша жұмысты белсендіру мақсатында ұсыныстар береді.

REVA S.I.

Candidate of Sciences (Politics), Colonel, Head of the Division for Central Asia, the Antiterrorist Center of the CIS Member States
(Moscow, Russia)

THREATS TO SECURITY OF CIS STATES IN CENTRAL ASIAN REGION AND FORMS OF COOPERATION ON THEIR ELIMINATION

In this article the author analyses the threats to security of the CIS countries in Central Asian region and forms of cooperation on their elimination.

According to the author, military-political situation in CA in the nearest outlook will require from the CIS and its SCO and CSTO partners readiness to respond to terrorist activity of various motivation, first of all, forcible forms of terrorism which use religious ideology including inspiring the ethnic clashes. In this context the author provides several recommendations to activate the work on coordination of joint activity in the sphere of counteraction to international terrorism.

СҮЙУНБАЕВ М.Н.

Геология-минерология ғылымдарының кандидаты, Қырғыз ұлттық университетінің доценті
(Бішкек, Қырғызия)

КАСПИЙДІҢ РЕСУРСТЫҚ ЖӘНЕ КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ МҮМКІНШІЛІГІН ПАЙДАЛАНУДЫҢ ТАБИҒИ НЕГІЗДЕРІ

Автордың пайымдауынша, қазіргі уақытта Каспийдің құқықтық мәртебесін анықтауда әр түрлі бағыттағы табиғи негіздер қолданылады: геологиялық-гидрографиялық, геологиялық-геофизикалық және геодинамикалық. Автордың пікірінше, Каспий идентификациясы кезінде геотарихи аспектілерді ескерген жөн: геологиялық тарихты және Каспийдің табиғи мәртебесінің эволюциясы.

Автор талдау жасаудың негізінде Қырғызстан және Тәжікстан «Еуразия», «Каспий – Парсы шығанағы» и «Латвия жібек жолы» каналдары жобаларының жүзеге асқан жағдайда Каспийде коммуникациялық кедергіден коммуникатор рөлін иемдене алады деп тұжырымдайды. Автор алғашқы екі канал ирандық және қазақстандық мұнайдың тасымалдануының бағыттарын, тасілдерін және қауіпсіздігін өзгертуге қабілетті деп есептейді.

SUYUNBAYEV M.N.

Cand.Sc.(Geology and Mineralogy), Associate Professor of the Kyrgyz National University
(Bishkek, Kyrgyzstan)

NATURAL REASONS FOR USAGE OF RESOURCE AND COMMUNICATION POTENTIAL OF THE CASPIAN SEA

The author considers that while determining the legal status of the Caspian Sea the parties use the natural reasons of geological origin: geological-hydrographic, geological-geophysical, and geodynamical ones. In the author's opinion, geo-historical aspects should be taken into account while identifying the Caspian Sea: geological history and evolution of the natural status of the Caspian Sea. On the basis of an analysis the author states that implementation Eurasia, Caspian Sea-Persian Gulf and Latvian Silk Road channel projects will make the Caspian Sea a communicator for Kyrgyzstan and Tajikistan. The first two projects will allow changing the directions, means and security of transportation of Iranian and Kazakhstani oil as well as to change the military balance in Caspian region and adjusting areas.

СҮЙІНДІКОВ Б.Т.

Экономика ғылымдарының кандидаты, Ш. Есенов атындағы Каспий мемлекеттік технологиялар және инжиниринг университетінің «Халықаралық қатынастар» кафедрасының доценті
(Ақтау, Қазақстан)

МАҢҒЫСТАУДЫҢ ТУРИСТІК МҮМКІНШІЛІГІ

Осы мақалада автор Маңғыстау облысының туристік мүмкіншілігіне талдау жасайды. Автордың пікірінше, қазіргі уақытта Маңғыстау облысы туризм дамуының бастапқы кезеңінде ғана тұр. Бүгінгі күнде қонақ үйлер бойынша шамалы ұсыныстар бір жақты мұнай мен газ индустриясының қажеттіліктеріне бағытталған. Туризмнің не ішкі, не сыртқы нарығында әлі күнге дейін Маңғыстау демалыс бағыты ретінде қарастырылмайды.

Жан-жақты талдау жасай отырып, автор облыстың туризм кластері дамуының негізгі басым бағыттарын анықтайды: жағажайлық, круиздік туризмді және теңізбен байланысты туризмнің экстремальды түрлерін дамыту үшін Каспий теңізін, табиғи туристік ресурстарды пайдалану; Кендірлі шығанағында әлемдік деңгейде бәсекелесетін курорттық бағытты құру; Қазақстанға саяхат шеңберінде халықаралық қатысушылар үшін аймақтың табиғи сұлулығын, діни және мәдени ерекшеліктерін қамтитын Маңғыстау бойынша саяхат торын дамыту; бес Каспий маңы елдер бойынша круиз бағдарламасын құру.

SUYUNDUKOV B.T.

Cand.Sc. (Economics), Associate Professor of the Department for International Relations, Sh. Yessenov Caspian State University of Technology and Engineering (Aktau, Kazakhstan)

TOURIST POTENTIAL OF MANGISTAU

The author analyses the tourist potential of Mangistau region. According to him, today Mangistau region is at the initial stage of inbound tourism development. The minimal proposals concerning the hotels are currently aimed at satisfying the needs of oil and gas industry. Both at the domestic and foreign tourist markets Mangistau is not perceived as a destination for recreation.

On the basis of a comprehensive analysis the author identifies the priorities for the development of the region's tourist cluster: usage of the Caspian Sea and natural tourist resources for the development of beach tourism, cruise travel and other extreme kinds of tourism connected with the sea; establishment of a competitive resort area in Kendirli Bay; development of the network of tours across Mangistau covering amenities of nature, religious and cultural peculiarities of the region for international participants of the tours around Kazakhstan; and adoption of the programme of cruise travel around five Caspian states.

XU ХУНПИН

Экономика ғылымдарының кандидаты, ҚХР Шыңжаң Қоғамдық ғылымдар академиясының Орталық Азия институтының жетекші ғылыми қызметкері (Үрімші, Қытай)

ҚЫТАЙ МЕН ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ КАСПИЙ МАҢЫ МЕМЛЕКЕТТЕРІНІҢ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ ҰНТЫМАҚТАСТЫҒЫ

Автордың пікірінше, Қытай мұнай-газ саласында ынтымақтастықты күшейте отырып, бір уақытта екі жақты және көп жақты экономикалық ынтымақтастықты дамытуға жан-жақты ықпал етеді. Қазақстан және Түрікменстанмен энергетикалық өзара әрекеттесуді белсендіре отырып, Қытай жоғарыда аталған елдермен энергетика саласынан тыс ынтымақтастық идеясын алға тартады. Қытай Орталық Азия елдерімен бірлесіп көп түрлі әрі өзара тиімді сауданы дамыта алады. Сонымен қатар, автордың пікірінше, Орталық Азия елдері әр түрлі құрал-жабдықтарға мұқтаж, сол себепті осы салада қытайлық кәсіпорындармен ынтымақтастық шынайы пайда әкелер еді.

Автор Қытай мен Орталық Азия елдерінің энергетикалық ынтымақтастығы әлі де бастапқы кезеңді қамтиды, мұндай ынтымақтастықтың мүмкіншілігі үлкен, әрі қарай дамыту үшін үлкен кеңістікті иеленген деп тұжырымдайды.

HU HUNPIN

Cand.Sc. (Economics), Leading Research Fellow of the Institute for Central Asia, Xinjiang Academy of Social Sciences (Urumqi, People's Republic of China)

ENERGY COOPERATION OF CHINA WITH CASPIAN STATES OF CENTRAL ASIA

According to the author, enhancing its cooperation in oil and gas sector China promotes also development of bilateral and multilateral cooperation. Together with intensification of energy interaction with Kazakhstan and Turkmenistan, China actively promotes the idea of cooperation with the abovementioned countries in non-energy spheres. Jointly with Central Asian countries China can develop mutually beneficial trade. Besides, as the author considers, Central Asian countries feel need in equipment, therefore cooperation with Chinese enterprises in this direction would bring real benefit to both sides.

The author concludes that energy cooperation of China and Central Asia is at the initial stage only. The potential of such cooperation remains high and there are great opportunities for further development.

ЧЕБОТАРЕВ А.Е.

Саяси ғылымдарының кандидаты, «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры (Алматы, Қазақстан)

«ҚАЗАҚСТАН - ЕУРООДАҚ 2020» ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ ХАРТИЯСЫ: БІРКЕЛКІ ЕМЕС БЕТ-БЕЙНЕСІ МЕН КЕЛЕШЕГІ

Мақалада 2011 жылдың қаңтарында ҚР Президенті Н.Ә.Назарбаевтың «Қазақстан - Еуроодақ 2020» энергетикалық хартиясы – арнайы құжатты жасап, қабылдау ұсынысынан туындап отырған энергетика саласында Қазақстан мен Еуроодақ арасындағы ынтымақтастықты дамыту келешегі қарастырылады. Мақалада осындай бастамамен қазақстандық басшылықтың мәлімдеме жасауының себептеріне талдау жасалған. Автор мақалада соңғы төрт жылда Қазақстанның белсенді қатысуымен энергетикалық үдерістердің геосаясатын талдау нәтижесінде алынған мәліметтерге сүйенеді. Осы талдау негізінде 1995 жылдан мүшесі болып табылатын Қазақстанды Еуропалық энергетикалық хартия шеңберінде Еуроодақпен ынтымақтасудың осындай түрі қанағаттандырмайды және оны өзгертуге мүдделі деп тұжырымдайды.

Дегенмен, автордың пікірінше, бұл жағдайда Еуроодақ таралынан екі негізгі шарт қойылуы мүмкін. Біріншіден, Еуроодақ, Әзірбайжан және Түрікменстан жүзеге асырып жатқан Транскаспий құбырын салу жобасына қосылу. Екіншіден, еуропалық бағытта қазақстандық энергоресурстарды экспорттау көлемін ұлғайту. Осыған орай, Қазақстан ұлттық мүдделерге қайшы келетін, қандай да болмасын шарттарды қоймастан-ақ, қарастырып отырған бастаманы қабылдауға Еуроодақты сендіру үшін күшті саяси-экономикалық дәлелдерді ойластырып, қолдануы тиіс.

ЧЕВОТАРЬОВ А.Е.

Candidate of Sciences (Politics), Director of Alternativa Research Center (Almaty, Kazakhstan)

ENERGY CHARTER «KAZAKHSTAN - EU: 2020»: VARYING OUTLINES AND PERSPECTIVES

The article is given consideration to the perspectives of the development of collaboration between Kazakhstan and the European Union (EU) in the energy sphere, coming out from the proposal to elaborate and approve a special document - the Energy Charter "Kazakhstan – EU: 2020", announced by Nazarbayev N.A., the President of the Republic of Kazakhstan, in January 2011. There is an analysis of the main reasons of such a proposal, put by the kazakhstani government, mainly determined by the relationship between Kazakhstan and various foreign actors in the areas of extraction and transportation of hydrocarbon materials. The author bases himself upon the data, provided as a result of the analysis of geo-politics of energy processes with active participation of Kazakhstan during the last four years. On the basis of the results of such an analysis, there was a conclusion made on the fact that Kazakhstan is not satisfied with the format of such cooperation with the EU within the framework of the European Energy Charter, the member of which Kazakhstan is since 1995, and now Kazakhstan is interested to change its format substantially. However, according to the author, Kazakhstan might be given two main conditions by the EU. First of all, to join the project of Transkaspisky gas pipe line, implementing by the EU, Azerbaijan and Turkmenistan. Secondly, increase the volume of export of Kazakhstani energy resources to Europe. In this regard, Kazakhstan needs to think over and use in the future discussions the telling political-economic arguments to convince EU to accept kazakhstani initiative without giving any conditions, which do not correspond with the national interests of Kazakhstan.

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-12 беттік мәтін 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қаріпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мына тұрғыдағы талаптарды ұстануды сұраймыз:
  - *Автордың аты-жөні*
  - *Жұмыс орны, лауазымы*
  - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
  - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
  - *Мақаланың мәтіні*
  - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес.*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетуін сұраймыз. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуі тиіс. Аббревиатуралар түсіндірілуін сұраймыз.
4. Мақала электронды түрде қабылданады.
5. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
6. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресіне **ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz** жіберіледі.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках набирается 14 кегилом, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи просьба привести:
  - *Ф.И.О. автора;*
  - *Официальное место работы и должность;*
  - *Ученая степень, ученое звание;*
  - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
  - *Текст статьи;*
  - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники просим указывать в квадратных скобках постранично. Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры просьба пояснить.
4. Статьи предоставляются в электронной версии.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала: **ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz**

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The articles should meet the following requirements:

1. A text of 10-12 pages in the Kazakh, Russian or English languages should be typed in point size 14, single-spaced, font «Times New Roman» and saved in the format of Word for Windows.
2. Writing an article please give:
  - *An author's full name;*
  - *Official work place and position;*
  - *Academic degree and title;*
  - *Title of an article (in capital letters in the middle of the line, without a point);*
  - *A text of the article;*
  - *Telephone number, fax and e-mail*
3. References to literary sources in a text should be put in square brackets by the page. It is necessary to name sources of all quotations, figures and other information cited in an article. Please explain abbreviations.
4. Articles should be represented in electronic version.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the e-mail account of the magazine staff: **ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz**

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

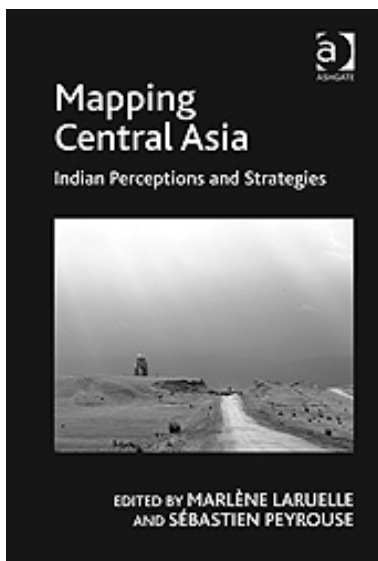
Журналға жазылу жөнінде ақпаратты мына **www.ispr.kz** сайтынан немесе **+7 (7172) 457 003, 457 002** телефондары бойынша алуға болады.

DEAR READERS!

The subscription information can be found on the website: **www.ispr.kz** or by phone **+7 (7172) 457 003, 457 002**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Информацию по подписке на журнал можно получить на сайте **www.ispr.kz** или по телефонам.: **+7 (7172) 457 003, 457 002**

Орталық Азияны карталау Үндістан: қабылдаулар мен стратегиялар

Марлен Ларуэль (Marlène Laruelle) редакциясымен,
Джордж Вашингтон Университеті, АҚШ және Себастьян
Пейроуз (Sébastien Peyrouse), Джонс Хопкинс
Университеті, АҚШ

Басып шығарылған: «Ashgate» баспа тобы

Жарияланған: Тамыз, 2011

Көлемі: 262 бет

Мұқабасы: қатты

ISBN: 978-1-4094-0985-4

Ауғаныстанды қалпына келтіруге Американы қатыстыру үдерісінің қайта жаңғыруымен, Пәкістандағы тұрақсыздықтың өсуімен және посткеңестік кеңістікте Қытай рөлінің күшеюімен Орталық Азия мен Оңтүстік Азия арасындағы қарым-қатынастар келешек еуразиялық континентті түсінудегі негізгі мәселе болады. Орталық Азияны карталау келесі он жылдықта Орталық Азия мен Оңтүстік Азия белдігінің құрылымдануында негізгі үрдістерді, қарым-қатынастарды және идеяларды анықтайды.

3 бөлімнен тұратын кітап авторлары үнділік субконтинент пен Орталық Азияның арасындағы тарихи байланыстың маңыздылығын көрсетіп, аймақтық және жаһандық ерекшеліктер Кеңес Одағы ыдыраған кезден

бастап Үндістан мен Орталық Азия арасындағы тығыз қарым-қатынастардың дамуында көрініс тапты. Авторлар осы аймақтардың ынтымақтасу салаларын қарастырып, Үндістан мен Орталық Азияның өзара әрекеттесуінің шиеленістік аспектілерін зерттейді: Кашмир, Ауғаныстандағы жағдай және Шыңжанның тұрақсыздану қаупі.

Беделді ғалымдардан тұратын халықаралық топтар осы мәселелерді шешуде үнділік көзқарасты құру және келер он жылдықта шешім қабылдау үшін нақтылы қандай құралдар керек екендігін түсінуді қамтамасыз ету қажеттілігіне толығымен негіздейді.

Mapping Central Asia Indian Perceptions and Strategies

Edited by Marlène Laruelle / George Washington University, USA, and Sébastien Peyrouse,
Johns Hopkins University, USA

Imprint: Ashgate

Published: August 2011

Extent: 262 pages

Binding: Hardback

ISBN: 978-1-4094-0985-4

With renewed American involvement in Afghanistan, Pakistan's growing fragility, and China's rise in power in the post-Soviet space, Central Asia-South Asia relations have become central to understanding the future of the Eurasian continent. Mapping Central Asia identifies the trends, attitudes, and ideas that are key to structuring the Central Asia-South Asia axis in the coming decade.

Structured in three parts, the book skillfully guides us through the importance of the historical links between the Indian sub-continent and Central Asia, the regional and global context in which the developing of closer relations between India and Central Asia has presented itself since the collapse of the Soviet Union, the precise domains of Indo-Central Asian cooperation, and studies three conflict zones that frame Indo-Central Asian relations: the Kashmir question; the situation in Afghanistan; and fear of destabilization in Xinjiang.

The international line-up of established scholars convincingly demonstrate the fundamental necessity to define the Indian approach on these issues and provide cutting-edge insights on the tools needed to understand the solutions for the decade to come.

Картирование Центральной Азии Индия: восприятие и стратегии

Под редакцией Марлен Ларуэль (Marlène Laruelle) / Университет Джорджа Вашингтона,
США и Себастьяна Пейроуз (Sébastien Peyrouse), Университет Джонса Хопкинса, США

Отпечатано: издательская группа «Ashgate»

Опубликовано: Август, 2011

Объем: 262 стр

Переплет: твердый

ISBN: 978-1-4094-0985-4

С возобновлением процесса вовлечения Америки в восстановление Афганистана, с ростом нестабильности в Пакистане и усилением роли Китая на постсоветском пространстве, отношения между Центральной Азией и Южной Азией стали основным пунктом в понимании будущего евразийского континента. Картирование Центральной Азии определяет ключевые тенденции, отношения и идеи в структуризации оси Центральной Азии и Южной Азии в наступающем десятилетии.

Авторы данной книги, которая состоит из 3 частей, подчеркивают важность исторических связей между индийским субконтинентом и Центральной Азией, региональный и глобальный контексты, в которых отразилось развитие более тесных отношений между Индией и Центральной Азией с момента распада Советского Союза. Авторы также рассматривают сферы сотрудничества этих регионов и изучают три конфликтных аспекта взаимодействия Индии и ЦА: Кашмир, ситуация в Афганистане и угроза дестабилизации Синьцзяна.

Международные группы авторитетных ученых убедительно демонстрируют необходимость разработки индийского подхода к решению этих вопросов и обеспечения своевременного осознания того, какие именно необходимы инструменты для принятия решений в приближающемся десятилетии.

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.

Еуразия орталығындағы Қытай экономикалық экспресі: жаңа қауіп немесе тарихи мүмкіншілік?

В.В. Парамоновтың жалпы редакциясымен – Мәскеу, 2010. – 160 б.

ISBN: 978-5-903387-26-7.

Кітап мемлекеттік қайраткерлер және ірі бизнес өкілдері, сарапшылар, ғалымдар мен жоғары оқу орындарының оқытушыларына, жалпы Ресей келешегімен, Қытай және Орталық Азияны зерттеумен, посткеңестік кеңістіктегі экономикалық даму және бірігу, сондай-ақ Қытай және Орталық Азия бағыттарында ресейлік сыртқы стратегия мәселелерімен кәсіби айналысатын оқырмандарға арналған. Сонымен бірге, кітап өз уақытын үнемдейтін, сол себепті күрделі мәселелердің нақты, құрылымды және қысқа баяндалуының маңыздылығын түсінетін оқырмандарға қызықты. Кітап 2007–2009 жылдары В.В. Парамоновтың басшылығымен жүргізілген зерттеу нәтижесі болып табылады және ақпараттық-сараптамалық баяндама түрінде жазылған.

V.V. Paramonov, A.V. Strokov, O.A. Stolpovsky

China's Economic Express in the Heart of Eurasia: New Threat or Historical Chance?

Under the general editorship of V.V. Paramonov – Moscow, 2010. – 160 pages.

ISBN: 978-5-903387-26-7.

This book is intended for public servants and representatives of large business, analysts and experts, scholars and tutors – in general, for all those interested in the future of Russia and those studying China and Central Asia, economic development issues and integration across the post-Soviet space as well as Russia's foreign strategy towards China and Central Asian region. Correspondingly, this work can be useful for the readers who know the value of time and who understand the importance of clear, structural and brief clarification of difficult issues which significantly influence the destiny of Russia and significant part of Eurasia. The book is a result of the research conducted under the guidance of V.V. Paramonov during the period from 2007 to 2009 and is issued in a form of an information-analytical report.

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.

Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс?

Под общ. ред. Парамонова В.В. – Москва, 2010. – 160 с.

ISBN: 978-5-903387-26-7.

Книга предназначена для государственных деятелей и представителей крупного бизнеса, аналитиков и экспертов, ученых и преподавателей высших учебных заведений – в целом всех тех, кто профессионально интересуется будущим России, занимается изучением Китая и Центральной Азии, вопросами экономического развития и интеграции на постсоветском пространстве, а также российской внешней стратегии в китайском и центральноазиатском направлениях. Соответственно, работа рассчитана на читателя, ценящего свое время, а поэтому понимающего важность четкого, структурного и краткого изложения сложных вопросов, от которых во многом зависит судьба России и значительной части Евразии. Книга является результатом исследования, проведенного под руководством В.В. Парамонова в период 2007–2009 годов, построена в форме информационно-аналитического доклада.

Сыроежкин К.Л.

Қазақстан – Қытай: шекаралас саудадан стратегиялық серіктестікке дейін

Үш кітапта.

1 кітап. Жол басы

2 кітап. Стратегиялық серіктестік үлгісінде

3 кітап. Құжаттар жинағы

Алматы: ҚР Президенті жанындағы стратегиялық зерттеулердің Қазақстандық институты.

Қазақстандық-қытай қатынастарындағы келелі мәселелерге арналған жұмыстардың саны елеусіз болғанымен, олардың үлкен бөлігі үзінді түріндегі сипатқа ие болып отыр. Ең жақсы дегенде оларда қандай-да бір жалғыз сұрақ қарастырылады, оның үстіне, жиі-статикада. Ең нашар дегенде – жұмыс ангажирленген сипатта, және мәселені ашқанның орнына, тіпті оны созып жібереді. Үш кітапта шығып отырған бұл басылымда, автор қазақстандық-қытайлық қатынастардың, олардың саяси, экономикалық, әлеуметтік және геосаяси алуандығындағы ерекшелігін көрсету әрекетін жасаған.

Зерттеу мәселелерінің бірі – Қытаймен екі- және көпжақты қатынастар сипаты туралы ресми ақпараттың белгілі бір жабықтығымен байланысты болып отырған кемшіліктің орнын толтыру. Міне, дәл осы жағдай, қазақстандық-қытай қатынастары бойынша негізгі құжаттардың (оның ішінде алдында кең басылымда жарияланбаған құжаттар) мәтіні жинақталған монографияның екінші бөлімінің шығуына алғышарт болды. Басылым қауіпсіздік және халықаралық қатынастар бойынша мамандар, саясаткерлерге арналып шығарылған.

Syroyezhkin K.L.

China – From Frontier Trade to Strategic Partnership Monograph. In three volumes.

Volume I. At the beginning of the journey

Volume II. In the format of strategic partnership

Volume III. Collected documents

Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Researches under the President of the Republic of Kazakhstan.

Although there is a significant number of works which cover the subject matter of Kazakhstan-Chinese relations, a major part of them has a fragmentary nature. At the best they consider any one matter and often in statistics at that. At the worst a work has a committed nature and it rather shades a problem than exposes. In this edition consisting of three volumes the author tries to show a specific character of Kazakhstan-China relations in their political, social and geopolitical

diversity.

One of the research tasks is to bridge the gap associated with a certain security of the official information about the nature of bilateral and multilateral relations. It is the very factor which predetermined the second volume of the monograph where texts of the main documents (including those which had not been published in public press) regarding the Kazakhstan and Chinese relations have been collected.

The edition is designated for political scientists, experts in international relations and security.

Сыроежкин К.Л.

Қазақстан - Қытай:

от приграничной торговли к стратегическому партнерству

В трех книгах.

Книга 1. В начале пути

Книга 2. В формате стратегического партнерства

Книга 3. Сборник документов

Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК.

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблематике казахстанско-китайских отношений, большая их часть носит фрагментарный характер. В лучшем случае в них рассматривается какой-нибудь один вопрос, причем, зачастую – в статике. В худшем – работа носит ангажированный характер, и скорее затеняет проблему, нежели раскрывает ее. В данном издании, выходящем в трех книгах, автором предпринята попытка показать специфику казахстанско-китайских отношений в их политическом, экономическом, социальном и геополитическом многообразии.

Одна из задач исследования – восполнить пробел, связанный с определенной закрытостью официальной информации о характере двух- и многосторонних отношений с Китаем. Именно это предопределило появление второй части монографии, в которой собраны тексты основных документов (в том числе ранее не публиковавшихся в широкой печати) по казахстанско-китайским отношениям.

Издание рассчитано на политологов, специалистов по международным отношениям и безопасности.

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЕССИ-КАЗАХСТАН

Изучение общественного мнения и маркетинговые исследования в Казахстане и странах Центральной Азии

Ракишева Ботагоз Ислямовна –
директор Института сравнительных
социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан,
кандидат социологических наук

Республика Казахстан
010000 г. Астана
пр. Абая 86 (30), офис 1
Тел/факс: +7 (7172) 32-78-52
e-mail: cessi_kazakhstan@cessi.kz
<http://www.cessi.kz>

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал вы можете по почтовому каталогу в любом отделении «Казпочты» (индекс 74270).

Стоимость подписки на год составит:
Алматы, регионы – 1 712,87 тенге
Село, район – 1 716,02 тенге

ПС-1 н.
ПС-1 ф.

М.О./М.П.
оператордың қолы
-подпись оператора

"Казпочта" акционерлік қоғамы Акционерное общество "Казпочта"														
АБОНЕМЕНТ № (басылым аты - наименование издания)						АБОНЕМЕНТ №								
журнал						Басылым индексі								
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Қоғам. Саясат. Экономика						Индекс издания								
						74270								
Жазылу бағасы			Стоимость подписки						Комплектілер саны			Кол-во комплектов		
2012 жылға, айларына						2012 год, по месяцам								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Қайда/Куда _____														
почта индексі - почтовый индекс, мекен жайы - адрес														
Кімге/Кому _____														
тегі, аты - фамилия, инициалы														
М.О./М.П. оператордың қолы подпись оператора														
ЖЕТКІЗУ КӘРТІШКЕСІ №						ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА №								
			журналға						на журнал					
			ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР Қоғам. Саясат. Экономика						Индекс издания					
									74270					
(басылым аты - наименование издания)														
Жазылу бағасы			Стоимость подписки						Комплектілер саны			Кол-во комплектов		
2012 жылға, айларына						2012 год, по месяцам								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			

Қайда/Куда _____

почта индексі - почтовый индекс, мекен жайы - адрес

Кімге/Кому _____

тегі, аты - фамилия, инициалы

Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

I SSN 2224-0276

9 772224 027002

Institute for Socio-Political Research (ISPR-Kazakhstan)

ISPR is a dynamically developing research company which focuses on quality analysis of the socio-political processes in Kazakhstan and abroad. The main activities are based on fundamental scientific and applied studies, analytical and expert work.

ISPR Key Areas of Work

- Comprehensive analysis of interethnic and interconfessional situation
- International comparative studies
- Cross studies
- Integrated sociological research
- System analysis of political situation
- Electoral studies, exit-pool
- Rating of political leaders and parties
- Studying and creating image of politicians

The Institute for Socio-Political Research publishes a research magazine «INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics». The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board.

Subscription index: 74270

Editor-in-Chief – Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences

Email: svetlana.kozhirova@ispr.kz

Contact information

010000

Astana, Kazakhstan

Tel./fax:

+7(7172) 457 002

457 003

Email:

bota.rakisheva@ispr.kz

Botagoz Rakisheva –

Program Director

Candidate of Sociological

Sciences

evgeniya.rudneva@ispr.kz

Yevgeniya Rudneva –

Deputy Editor-in-chief

Master of Sociology

www.ispr.kz

ispr@ispr.kz

ir@ispr.kz